
МИТРОПОЛИТ ИЕРОФЕЙ (ВЛАХОС)
ОДНА НОЧЬ
В ПУСТЫНЕ
СВЯТОЙ ГОРЫ
Беседа с пустынником
об Иисусовой
молитве

МИТРОПОЛИТ ИЕРОФЕЙ (ВЛАХОС)

ОДНА НОЧЬ В ПУСТЫНЕ СВЯТОЙ ГОРЫ

Беседа с пустынником об Иисусовой молитве

Издание 2-е, исправленное

Свято-Троицкая
Сергиева Лавра
1997

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

Перевод выполнен с греческого издания:
„Μιά βραδυά στην ἔρημο του Ἁγίου Ὄρους“.
Η΄ Ἔκδοςι. Ιερα Μονη Γενεθλιου της Θεοτοκου.
Ακραιφνιου-Κοκκίνου, 1989

Печатается с разрешения автора

ПОМИЛУЙ МЯ

«Молитва с духовным рассуждением — земля обетованная; в ней подобно молоку и меду льется знание причин Промысла и Суда Божиего...»

(Святой Максим Исповедник)

«Если воспаляются вожделения и скверные похоти, если плоть возбужденная бунтует, если диавол со всяким коварством и мыслью и делом искушает нас, будем все побеждать верой, псалмопением, чтением, смиренномудрием и другими подвигами, но более всего призыванием имени Иисуса Христа — Человеколюбивого Бога и Спасителя нашего...»

(Преподобный Нил Синайский)

«Нам, желающим выйти и бежать из Египта и от фараона, нужен непременно некий Моисей — ходатай к Богу и по Боге, который, став посреди деяния и созерцания, простирал бы за нас руки к Богу, чтобы мы, руководимые, переправились через море грехов и попрали Амалика страстей; обманулись же те, которые понадеялись на себя и возомнили, что не нуждаются ни в каком путеводителе».

(Святой Иоанн Лествичник)

ΜΡ
ΘΥ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Под действием Божественной любви оживляется в наши дни тяга к отеческому и мистическому богословию, к посту, аскетике и непрерывной сердечной и умной молитве.

Каким образом среди изобилия антропоцентрических, материалистических и светских идей пробуждаются души, стремящиеся к истинной жизни во Христе, к совершенству, единению с Богом, к жизни во святом церковном святоотеческом Предании, данном Богочеловеком Иисусом Христом? *Сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). Это — действие Святого Духа, всегда животворящего и всегда освящающего души в Теле Христовом, в нашей Святой Православной Соборной и Апостольской Церкви.

После многих испытаний люди сегодня осознают, что Предание преподобных отцов наших — не бесполезная реликвия, а условие истинной и подлинной православной нравственности и жизни.

Великим благодеянием Божиим является то, что внутри Церкви Всемилостивый Господь на-

садил райский сад Богоматери, Святую Гору*, чтобы оживить всю Церковь таинственным излиянием благодати Божией, которая почивает в древних и новых святых Его, в непрерывной и доныне действенной традиции.

Внутреннюю потребность приобщиться к этой традиции испытывает и автор данного труда. Он живет и подвизается в миру, но имеет отечество, по апостолу, «на небе» Святой Горы, которая есть предтеча Небесного Царства Божия.

Человеколюбец Господь, дающий по сердцу нашему, дал и автору благодать Свою возлюбить и почувствовать духовным чувством Святую Гору и услышать мистическое биение ее сердца — не что иное, как «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго». Он беседовал со святыми старцами, сподобился их святых молитв, слышал слова вечной жизни, которые и передает братьям своим из любви к ним, от избытка своего сердца. Свидетельство человеколюбия преподобных отцов наших проявляется в том, что они открывают нам вершины святости, вдохновляют нас не унывать при духовном восхождении и одновременно показывают нам первые ступени, по которым мы, несовершенные, немощные, должны начать восходить, будучи новоначальными и неопытными. Они показывают нам высóты, однако наставляют нас начинать с малого.

Вот почему здесь излагается учение об умной молитве не только в совершенной ее форме, но и на первых стадиях, которые могут проходить для укрепления и освящения живущие в миру братья наши.

---

* Имеется в виду Афон.

Верую, что, по благословению Госпожи Богородицы, жившей уже во Святая Святых полнотой духовного восхождения и общения с Триединым Богом, публикация этого труда послужит на пользу пишущему и читающим. Ведь замечено: насколько благочестивые христиане углубляются в книги, рассказывающие о благословенной молитве Иисусовой, настолько возгорается в них желание упражняться в ней.

Богу нашему, от Которого подается всякий благой и совершенный дар, слава и благодарение вовеки.

Настоятель общежительного монастыря преподобного Григория

архимандрит Георгий

ВВЕДЕНИЕ

На последующих страницах излагается беседа со старцем-агиоритом*. У меня не было намерения обнародовать ее. Но как-то, готовясь читать творения святого Максима**, я услышал внутренний голос, убеждавший меня описать беседу с мудрым святогорским монахом. Подчиняясь голосу, которому, признаюсь, ранее не внимал, я начал, как пришло мне то на мысль. Таким образом и составлен этот труд — всего лишь в течение нескольких часов, и по причине его скороспелости прошу прощения у читателей.

Хотелось бы сделать несколько замечаний.

Первое. Читайте беседу не как рассказ или историческое повествование, но как ниспосланное Богом благодатное учение мудрого святогорца. Нужно иногда останавливаться и размышлять, но более всего — молиться. Воз-

---

* Святогорцем.

** Здесь и далее речь идет о творениях преподобного Максима Исповедника.

можно, понадобится еще раз вернуться к прочитанному.

Второе. Читайте эту книгу с той целью, с которой она написана, то есть претворяйте в жизнь то, чему она учит. Если у нас когда-нибудь будет решимость, мы сможем войти в Божественный мрак* молитвы Иисусовой, которая есть гора Синай и Фавор**. Там мы встретимся с Богом. «Призывание имени Божиего сопровождается непосредственным явлением Его, поскольку имя — образ Его присутствия». Этот взгляд согласуется со словом Господа: *«...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф. 18, 20) — и апостольским: *«...Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым»* (I Кор. 12, 3). В тот час, когда кто-либо творит Иисусову молитву, Святой Дух нисходит на него, подобно облаку на гору Фавор.

Третье. Пусть не старается читатель обнаружить монаха, с которым я беседовал. Он может его не найти или ошибиться в своих суждениях. Этого не желал и сей святой старец.

Четвертое. Возможно, на вас произведут впечатление многочисленные цитаты из святоотеческих трудов. Следует подчеркнуть, что ревностные святогорцы имеют тот же дух, что и святые отцы Православной Церкви. В них жи-

---

* Изложение святоотеческого учения о Божественном мраке Иисусовой молитвы см. на стр. 131–133 настоящей книги.

** Синай и Фавор — места явления Бога человеку: на Синае пророку Моисею (Исх. 24, 15–18), который поэтому назван Боговидцем; на Фаворе совершилось Преображение Господне (Мф. 17, 1–6; Мк. 9, 2–7), свидетелями которого были апостолы Петр, Иоанн и Иаков.

вет и действует тот же Всесвятой Дух, Который жил и действовал в святых отцах. У них то же устроение ума, что и у отцов, благодаря чему они легко, без напряжения и особых усилий, воспринимают святоотеческие мысли.

Помимо того, нужно отметить, что часто на протяжении беседы мудрый и боговдохновенный пустынник раскрывал книги, находившиеся подле него (святого Григория Паламы, святого Симеона Нового Богослова, «Добротолюбие» и другие), зачитывая и поясняя многие места.

Моя пламенная молитва о том, чтобы люди сподобились жить молитвой Иисусовой, стольких освятившей, чтобы она освятила и их.

Мой долг обратиться к героическим и достойным преклонения образцам, подражателям божественной любви — обитателям Афона, покинувшим мир и живущим в действительном мире — не в неупорядоченном, но в МИРЕ преображенном, живущим с Богом. Это современные мученики Христовы, «в чувствах удалившиеся от него (мира) и в мыслях умершие для него (мира)». Эти святые неоднократно оказывали мне поддержку и помощь, протягивая свой хлеб; и я, алчущий, многим им обязан. Я нищ. И если бы не получил хоть немного этой пищи, умер бы. Я жажду и живу их благодатью, благословением и любовью.

Этим обитателям Неба — афонским отцам — посвящен данный труд как ответный дар на их любовь. Тем, кто горячо возлюбил тройную нищету: материальную (отсутствие собственности), духовную (смирение и послушание) и те-

лесную (воздержание). Тем, которые «поистине прошли через все блаженства Господни: обнищав духом, они обогатились; став кроткими, наследовали землю; плача, утешились; жаждая правды, насытились; умилосердившись, были помилованы; очистив сердце, узрели Бога; сотворив мир, были наречены сынами Божиими».

Святые отцы, преподобные пустынники! Мы, грешные, «по долгу вас ублажаем: юные — старцев, сыны — отцов, осужденные — святых» (преп. Никодим Святогорец).

Архимандрит Иерофей (Влахос)

«Помяни, Господи, живущих в девстве, благочестии и трудах и подвизающихся в горах, пещерах и расщелинах земных, имени ради Твоего святого, преподобных отцев и братий наших».

(Божественная литургия святого Иакова, брата Господня)

МОЛЧАНИЕ, СЛОВО И ЖИЗНЬ МОНАХОВ

Святая Гора — таинственное место, где так выразительно говорит молчание, то есть сама вечность, поскольку молчание — язык будущего века. Подобно святым Ангелам, которые обладают иной, непонятной нам, умной силой, посредством которой они передают друг другу божественные мысли, земные ангелы, обитающие на Святой Горе и подражающие в жизни и молитве небесным и бесплотным, имеют иную силу, посредством которой они передают опыт своей жизни. Эта сила — молчание, являющееся, особенно на Горе, убедительнейшим красноречием, безмолвным наставлением. Там много не говорят, но живут в молчании божественными Таинствами, познают своей жизнью апофатический* опыт православного богословия. Молча прислушиваются к гласу Божию и приобретают добродетель. По словам святого Симеона Нового Богослова, «быстрый путь к стяжанию доброде-

---

* Апофатическое богословие отрицает какие-либо представления о Боге, чтобы ощутить Его в непосредственном явлении.

тели — молчание в ответ на входящее в уста, слепота глаз и глухота ушей».

Молчание монахов наставляет. В «Отечнике» рассказывается, как архиепископ Феофил пришел как-то в скит. Собралась вся братия и говорит авве Памво: «Скажи слово патриарху на пользу». Старец отвечает им: «Если не будет пользы от моего молчания, не сможет помочь и мое слово». На Святую Гору следует ступать с желанием научиться молчанию. Если ты поймешь это, тогда все станет говорить тебе. Безмолвный вид монахов, пещеры пустынников, вызывающие умиление монастыри, природа и неодушевленные предметы поведают многие истории и окажутся для тебя прекрасными наставниками. Таким способом («в молчании») беседует вся Святая Гора.

Однако иногда монахи говорят; и тогда тоже приносят пользу, поскольку ведут добродетельную жизнь. А она «без слова более принесет пользы, нежели слово без доброго жития. Ибо молчащий помогает, кричащий же досаждает. Но если сходятся слово и жизнь, они становятся цельным памятником всего любомудрия» (преподобный Исидор Пелусиот). Имея жизнь святую, сделавшись кифарами* Святого Духа и таинственными трубами Святой Троицы, получив дары любви, слова мудрости, они, когда говорят, приносят несомненную пользу. Им есть что сказать, так как есть обилие дел. Говорят же они, когда их спрашивают. Из «Отечника» известна просьба: «Авва, скажи слово, как мне спастись». «Словом» на языке пустыни

---

* Кифара — музыкальный инструмент.

называется «изреченная и истинная» мысль, исходящая из сердца пустынника как порождение Духа Святого, и вопрошающий принимает его как плод благодати, не анализируя собственным разумом, и это слово духовного отца — самое необходимое для его жизни.

Итак, слово исходит из боголюбивой души, уязвленной божественной любовью, и говорится по мере жажды вопрошающего. Подобно Богоматери, воспринявшей от Духа Святого Слово Отца, родившей Богочеловека Иисуса и ставшей радостью всему творению, отцы по чистоте своей приняли слово и сообщают его жаждущим и исполняющимся их радостью... «Приблизились некоторые братия к авве Филиксу и вместе с ними — миряне. И просили его сказать им что-либо полезное. Но старец молчал. После многих просьб он ответил: «Хотите слышать слово?» — «Да, авва». Тогда старец сказал: «Ныне более нет слова. Когда вопрошали братия старцев и исполняли, что те говорили, Бог в избытке давал благодать слова. Теперь же, поскольку спрашивают, но не исполняют того, что слышат, Бог отнял ее у старцев. И не находят они что сказать, ибо нет того, кто бы исполнил». Услышав, братия вздохнули и сказали: «Помолись о нас, авва» («Отечник»). На этом примере видно, что слово освящено благодатью. Благодать просвещает чистых и святых человеков, «воплощает» их жизнь в их словах. Кроме того, слово говорится в зависимости от духовной жажды того, кто спрашивает. И еще на этом примере видно, что монахи умеют склонять к добру самые холодные сердца даже и мягким порицанием. Когда же спросишь в

простоте, смирении и готовности осуществлять сказанное, тогда услышишь слова благодати, изречения простые, смиренные, мудрые и благостные — изречения, дарованные свыше.

Этим словом мудрости отмечены подражатели Христа, Который Сам является громовым Словом Отца и одновременно глубоким молчанием. Он говорил, но и молчал. Без сомнения, движение Бога к человеку — это не только «откровение слова», но и «выражение безмолвия». В свою очередь, движение человека к Богу и к своему брату должно отличаться двумя названными элементами. Посети Святую Гору с желанием быть обученным скорее с помощью молчания, нежели слова.

Пустынники — афонские монахи — живут истинной жизнью. Они пребывают среди рая. Они — подлинные созерцатели, живущие полнотой жизни во Христе в «скудельных* сосудах», в телах, изнуренных аскетическими трудами и служением ближнему. Там увидишь обóжение реальное (назовем его так), а не теоретическое, которому учат те, кто не вкусил истинного богословия... Пустынники живут верой и делами, ибо общеизвестно, что вера без дел — мечтание и дела без веры — идолослужение. В их огрубевших телах (ведь они покинули мир с его лицемерным благородством) запечатлелись благодать Божия и образ Христов. Сонм святых подвижников «бежал того, что против естества**, спасался в том, что по естеству***, и сверх естества сподобился даров» (святой Никодим).

---

* Скудельный (ц.-слав.) — глиняный.

** То есть от страстей.

*** То есть в теле.

Увидев афонских монахов, подумаешь: как они несчастны и скорбны, но когда сосуды их душ переполняются внутренним покоем, то они затопляют и тебя. Они подобны большим плотинам на очень тихой воде, которая, прорвавшись, обнаруживает их силу, поскольку затопляет всю окрестность. Отверстые уста пустынника облагоухают тебя. Уста святых монахов — «источники, изливающие мед, и текущие чистые родники» (святитель Иоанн Златоуст). На первый взгляд ты сочтешь иноков бесполезными, однако весьма быстро поймешь, что они — «древа высотой до небес и благосеннолиственные», дающие тебе покров и прохладу. Ты найдешь их одетыми в лохмотья и необщительными — по причине безыскусственной чистоты, «неумытости», но очень скоро заметишь, что они — «растения плодоносные и неувядающие», «лилии присноцветущие и чрезвычайно благоухающие», аромат которых покроет тебя. И это потому, что среди них Христос — Истинная Жизнь. «Их жизнь сокрыта во Христе».

В каждом монахе-святогорце, идущем по стопам святых отцов и живущем по их традиции, ты, если имеешь Дух Божий, увидишь сосуществование внешне противоположных состояний: смерти и жизни. От каждодневной смерти проистекает жизнь, и от обладания жизнью сильнее умерщвляется смерть. Чем большая смерть смерти (греха), тем более укрепляется Жизнь (Христос); укрепляется Жизнь — попирается смерть, до ощущения в себе Воскресения и Вознесения Христова, то есть умерщвляется грех и рождается жизнь. Итак, можно

сказать, что монахи облекаются в смерть и получают Жизнь. Апостол Павел пишет римлянам: *«Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога»* (Рим. 6, 9–10). Преподобный Никита Стифат пишет, что то же происходит и со святым человеком — подражателем Христу: умерев для мира, он живет жизнью Христовой: «Восставший от мертвых дел воскрес со Христом. Если он благодаря ве́дению* воскрес со Христом, то, поскольку Христос уже не умирает, смерть неведения** уже не властна над ним. Умертвив уды тела и отложив суетные попечения, он не живет более для плоти и мира, но живет в нем Христос, то есть им руководит благодать Духа Святого, а не закон плоти; члены свои он представил Богу Отцу в орудие праведности».

Кроме того, в обо́женных монахах ты встретишь сосуществование покоя и движения. По словам святого Максима, они живут в «вечнодвижущемся покое» и «установившемся движении». Они пребывают во Христе, все время стремясь к совершенному блаженству в Нем, ибо Христос есть многоценная жемчужина. Это образно разъясняет святитель Григорий Нисский: «Невероятнее всего то, как этот покой может быть и движением? Ибо восходящий не стоит и стоящий не восходит; здесь же — благодаря тому, что стоишь, поднимаешься. Это по-

---

* Ведению Бога, достигнутому в результате подвижнической жизни.

** Страсть забвения Бога, утрата душой реального ощущения присутствия Бога.

тому, что чем постояннее и непреклоннее кто-либо утверждается во благом, тем быстрее он проходит путь добродетели». То есть пребывает во благом и постоянно движется, постоянно движется и пребывает во Христе. Непрестанны и жажда Христа, и божественное насыщение. Один монах сказал: «Что-то странное происходит со мной. Я жажду и вместе с тем насыщаюсь!» Однако для Божия человека это отнюдь не удивительно. В этом — «совершенное бесконечное совершенствование совершенных» (преподобный Иоанн Лествичник).

Монашеская жизнь — постоянное подражание Слову, Христу. Ревностный монах проходит все ступени жизни Христа. В нем воплощается Христос, чудодействует, претерпевает страдания, воскресает, возносится... Поскольку в нем — Христос, ему удается объединить свой внутренний мир с внешним. Он преодолевает все границы и восходит на бóльшую высоту, чем та, с которой ниспал Адам. Святой Максим говорит о пяти разделениях, которые не смог преодолеть Адам и которые ныне преодолевает человек с помощью Нового Адама — Христа. Это различия между нетварным и тварным, мысленным и чувственным, небом и землей, раем и вселенной, мужским полом и женским. От преодоления последнего он приходит к преодолению первого (различия нетварного и тварного). Стало быть, святой Божий человек всего себя и весь мир приводит к Богу, и в силу этого он является величайшим благодетелем человечества.

Со святым старцем я сблизился однажды на Святой Горе: со старцем, который наслаждает-

ся ненасытным насыщением Божией милости. Живя почти что в расщелине земной, он преодолел все мирские условности. Не хватает слов описать его. Назвав его мудрым, ошибешься. Сказав, что он безумен, совсем не передашь высоты его духовного безумия! Не знаю, как охарактеризовать его. Оставив условности мира, он входит вглубь вечности. Он касается божественного огня, буквально горя, пылая. Его зажигает нетварное пламя. Временами, беседуя с ним, думаешь, что он сгорит окончательно, исчезнет вместе со своим телом, как пророк Илия на огненной колеснице, будет взят на Небеса, как Господь, Который, *когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на Небо* (Лк. 24, 51). И это, кажется тебе, сейчас произойдет, но ничего не происходит, все рассеивается под влиянием других событий. Благодатное настроение, которое возникает, пока старец беседует с тобой на темы духовной жизни, подобно изумлению, охватившему учеников на горе Фавор: *...се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака, глаголющий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались* (Мф. 17, 5–6). Ты ведешь беседу, и в это время нисходит Святой Дух, охватывающий тебя и овладевающий тобой. Ты начинаешь испытывать страх, но вместе с тем и желание присутствия Божия. В тот час, когда с тобой простыми словами говорит святой подвижник, ты вспоминаешь Христа, беседовавшего со Своими учениками на горе или посреди моря. Поистине, святой подвижник

говорит с тобой с горы созерцания и с моря вечности, вне земного и человеческого, вне того, чем ты являешься.

Однажды я сблизился с этим старцем. И понял, что он действительно богослов. У него не было знаний о Боге, но было знание Бога, недоступное большинству людей. «Ибо богословие является, поистине, горой высокой, крутой, и обрывистой, и неприступной, подножия которой едва достигает большинство людей» (святитель Григорий Нисский). Лишь Моисей восходит на гору Боговидения и становится Боговидцем. Я понял, что старец этот — Боговидец Моисей. С самого начала я впал в растерянность. Что можно сказать? Какое соответствие существовало между мной и им? Какое сходство? Мы находимся на первом этапе «деятельного любомудрия», в то время как он переходил от «естественного созерцания» к «мистическому богословию», то есть к истинному знанию. Мы исполнены страстей, тогда как он — престол всезлатой Царя. Мы — ад, он — рай.

Однако во время беседы подвижник сходил со своей высоты и вел меня на высоту. Истощал себя и обогащал меня. «Богатый обнищал, чтобы я обогатился его нищетой». Ибо всегда единство двух требует от каждого «исхода из себя», что происходит и в общении с Богом. Совершается исход Бога и исход человека. Это характерный признак божественной любви. «Бога богословы называют иногда Любовью, иногда Возлюбленным. Отсюда, будучи Любовью, Он исходит; будучи же Возлюбленным, движет к себе всех способных вместить эту

любовь» (святой Максим). Цитируя Дионисия Ареопагита, святой Максим говорит, что «божественная любовь является экстатической, поскольку не позволяет любящим принадлежать только самим себе, но любимым. В этом уверяют нас высшие чины Ангелов, которые, когда заботятся о низших из любви к ним, как бы уравниваются с ними, когда один помогает другому и когда низшие движутся желанием возвратиться к высшим».

Я храню все в памяти, но более всего — в сердце все моменты той беседы. Позвольте мне рассказать о том, кого я повстречал, и о чем мы говорили.

ВЕЧЕР НА ГОРЕ

На западе заходило солнце. Утренние часы на Горе упоительны и чарующи, ночной мрак рассеивается, когда монахи находятся в соборных храмах святых обителей, возглашая: «Слава Тебе, Показавшему нам свет...» Кто-нибудь может сказать, что тьму разгоняют сладчайшие мелодичные голоса, благозвучные удары бил и резкие удары талантов. Послеобеденное время исполнено тишины. Прошел день борьбы, и ночь набрасывает свой покров, под которым монах скроет бесконечные труды, обильные слезы и многие духовные подвиги. Заходит солнце, но солнце в сердцах подвижников не гаснет. Постоянный, ярко освещенный день пребывает в их чистых сердцах, не омрачаемых тучами страстей. Вечер на Горе! Вечера, исполненные чуда, исполненные благодати, покрытые молчанием.

После вечерни монахи не спеша, с лицами, обращенными к земле, выходят из монастырских соборов или же из небольших церквей при своих жилищах на природу для небольшого отдыха, садятся на каменную скамеечку и преда-

ются молитве, сладчайшему имени Христову. Они желают и подвизаются написать его в своих сердцах золотыми буквами молитвы. Захватывали меня эти часы тишины, когда дремлет природа, когда лишь слышно иногда, как море играет о скалы, когда царственное солнце украшает небо всеми красками. Природа Горы благодатна и в другом — в сиянии молитвы и святости. Нетварная благодать переходит из души в тело и распространяется на бессловесную природу и на все творение. Нет там диких зверей или, по крайней мере, ты не увидишь, что они дикие, — все умиротворено. Денно и нощно Гора пламенеет молитвой. Ее природу умиротворяют дивные голоса монахов, сладкозвучные била и послушание. «Здесь чуднотекущие воды, целебнейший воздух и пронизывающий морской ветер; повсюду тенистые рощи и вечнозеленые побеги, радующие глаз, разнообразная растительность: маслины, виноград, лавровые и миртовые деревья. Не говорю о других плодах здоровой земли, доставляющей пищу и утешение. Тучи прекрасно поющих птиц: среди них соловей, черный дрозд и ласточка, голоса которых раздаются тут и там» (Евгений Булгарис)*.

Меня не захватывает сильно природа, но природа Святой Горы благодатна. Может быть, потому, что смотришь на нее, имея в виду бого-

---

* Евгений (Булгарис; 1716–1806) — один из выдающихся греческих просветителей и богословов. Учился в Италии, занимался исследованиями на Афоне, с 1771 г. — в России, вначале переводчик при императрице, а с 1775 г. — епископ Славянский и Херсонский. Погребен в Александро-Невской Лавре.

любивых монахов, и просвещаешься. Может быть, потому, что воспринимаешь ее не зрением и слухом, а благодарным сердцем. И сердце учится любить и благоговеть. Может быть, этому очень способствует тишина в полном смысле слова, ибо «нерассеянная жизнь с надеждой на Бога, естественно, приводит душу к пониманию творения Божиего» (святитель Григорий Палама).

ВОСХОЖДЕНИЕ НА МОЙ ФАВОР

Вечер на Горе. В то время, как солнце заходило, я поднимался на вершину Горы. Закат застал меня, когда я с усилием шел по узкой и труднопроходимой тропинке на восток. С моей малой верой я чрезвычайно утомился от такого восхождения, радостного для верующих, воплотивших на практике мужественное решение отречься от мира со всеми его прелестями и соблазнами и возлюбивших аскетическую жизнь. Наконец я кое-как поднялся на северную сторону Горы. Вспомнились слова святителя Иоанна Златоуста: «Горячая любовь к Тебе и горячее желание Тебя охватили этих Ангелов, и еще больше возгорелись в них желание и любовь. Ибо не может возжечь так слово, как созерцание дел».

Справа и слева возвышались неприступные скалы с острыми вершинами, которые, подобно голосу и жизни обитателей Горы, как бы пронзали небо. Я шел с опущенной головой, с молитвой на устах, в сердце и уме, ибо так·подобает посещать Священную Гору — с чувствами про-

стого паломника. На скалах на небольшом расстоянии от тропинки видны жилища: это келлии пустынных отцов-монахов. Одна — в пещере, другая — поодаль; глядя на нее, кажется, что она упадет в море. В этих небольших пещерах живут пчелы духовные, собирающие сладчайший мед безмолвия. Мне вспомнилось «Славословие», составленное святым Никодимом для отцов-агиоритов, и я начал петь: «О богоносный пчельник, собравший в расщелинах и пещерах Святой Горы как бы в ульях умных сладчайший мед безмолвия!» Подобные келлии есть и на южной стороне Горы. Там вид несравненно более вдохновляющий. «По красноватой поверхности гор, будто смазанных ржавчиной, ползет на страшную высоту вплоть до вершины множество жилищ. Такие же жилища находятся в пещерах, вход в которые загражден стенами, оставляющими лишь подобие небольшой двери. В ином месте на маленьком выступе скалы некоему мужественному пустыннику удалось построить настоящую церквушку с куполом, одну или две келлии и разбить садик на принесенной почве, где растет удивительный букет из ярко-зеленых кустарников, придающих местности чрезвычайно экзотический вид. Все это напоминает гнезда ласточек. Подвижники общаются между собой, используя малоприметные, неразличимые с моря тропы. Но взбираться — решение весьма смелое. Многие годами не покидают свой тесный угол. Поэтому при наиболее крупных жилищах аскетов есть небольшие захоронения, а внутри пещер — кладбища, где хранятся кости братии; на лбу каждого черепа — надпись с именем и датой

успения» (Фотис Контоглу)*. Справа и слева рассеяны эти духовные чайки, голуби небесные, живущие в Боге и восходящие до третьего Неба. Это зрелище наблюдает всякий, кто, подобно мне в тот вечер, поднимался по узкой тропинке на северной стороне Горы. Оно потрясает его. Чувствуешь благодать Божию, которая освежает и одновременно пылает в тебе, как в горящем и несгораемом кусте Моисея. Вспоминаются предшествующие отцы, покинувшие это место и ныне спокойно и безмятежно почивающие в ожидании архангельского гласа и прихода Жениха, с Которым они обручились, решительно отвратив свое сердце от мира со всеми его благами. Всю здешнюю жизнь они боролись, чтобы обрести мир души, и обрели его. Ныне они покоятся на лоне Авраамовом. Глас Христов: «Не умер, но спит» — с силой раздается в этих отдаленных местах.

С такими чувствами и мыслями поднимался я вверх. Безмолвие! Здесь оно — закон. Иногда лишь слышно, как летят и кричат дикие птицы и поют соловьи. «Афон питает многих чудесных соловьев» (святой Никодим). Иногда раздается сильный удар. Продвигаясь, я достиг жилища и увидел, как какой-то тихий на вид пустынник старается разбить большой камень.

— Благословите, отче, — обратился я.

— Бог благословит, — ответил он.

Так приветствуют на Горе. Когда просишь благословения, тебе отвечают: «Бог благословит». Они прекрасно знают значение Христа в духовной жизни. Знают и собственное бесси-

---

*Контоглу Фотис (1887–1965) — известный греческий писатель, иконописец.

лие. Господь — их желание и печаль. Его имя они часто повторяют, ибо живут Его присутствием. От призывания Духа Святого услаждаются и радуются сердца.

— Что вы здесь делаете, отче?

— Да вот, чадо, пытаюсь расколоть этот камень, чтобы сделать небольшой резервуар, собирать дождевую воду и понемногу пить. В прошлом году я очень страдал от жажды.

— Но это чрезвычайно трудное занятие! Тем более без соответствующих инструментов.

— Что делать, если тело нуждается в воде? Бог поможет мне. Здесь, в пустыне, ничего не нужно, но немного водички необходимо. Проходи в мою келлию и благослови ее.

«Мне благословлять келлию благословенного? — подумал я. — Оскверненному — очищенного?»

Смиренно, с большим почтением вошел я в келлию. В келлию пустынника вступаешь со страхом, как в место освященное. Она была неубранной и заброшенной. Но это пустяки для духовного борца. Разве есть время для таких дел? Он принес мне немного воды и лукума — знаков своей любви. Поистине, здесь, в пустыне, понимаешь, что такое чистая и искренняя любовь. На небольшом подносе с водой и сладостями — сердце монаха. Тебе он отдает все.

— Из мира пришел?

— Да.

— Что творится в миру?

Обычный вопрос, который слышишь на Горе. Но на этот раз он имеет глубокое значение. Пятьдесят лет назад спрашивающий монах бежал от ненавистного мира и более туда не возвращался. Подвижник прекрасно знает, что

значит мир. Он — творение Божие, которое в настоящее время стало приманкой лукавого. Разве не с помощью творения соблазнил сатана Адама? Кто из нас не испытывает подобного?

— Мир, отче, чрезвычайно удалился от Бога, не помнит Его вообще и не живет богоугодно. Церкви запустели, а диавольские «точки» переполнились. Мир бежал от духовников и переполнил психиатрические больницы. Он целиком опутан земными заботами и хлопотами. Сегодня у нас — выборы, завтра — падение правительства, послезавтра — съезды и так далее. Лишь газеты читают люди и не знают Священного Писания. Все время следят за диавольскими картинками, которые их усыпляют, и не видят жизни святых...

— О несчастный мир!!! — сказал святой подвижник. — Тобой правит сатана. Ежедневно он приносит случаи и события, крадущие интерес и внимание к Христу, препятствующие увидеть себя и свои внутренние язвы. Объектом интереса становятся другие, а не сам ты. Это бегство создает путы, о которых Вы говорили. Адам согрешил, скрылся, бежал от Бога — и пришли беды. То же делают и люди. Я много молюсь о спасении всего мира. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя и мир Твой». Ночь напролет молюсь о том, чтобы пощадил его Бог. В этом состоит наша миссия в эту бурную эпоху. Нам выпал жребий быть мучениками.

Многое поведал мне тот подвижник. Такие мудрые изречения услышишь на каждом шагу, когда посетишь Гору. Я поблагодарил его, попросил не забывать в молитвах и в раздумье покинул келлию, которая ныне — гроб для него, но из которой он воскреснет в истинную жизнь.

ВСТРЕЧА С ПУСТЫННИКОМ

Я продолжал путь вверх, в гору моего преображения, и вскоре с большим трудом достиг жилья, которое стремился посетить. Ненадолго остановился для отдыха.

«Келлия пустынника, — размышлял я, — не только священное, но и небесное место. Живущий и подвизающийся там в безмолвии и молитве — апостол Христов», — так говорит святой Григорий Палама в гомилии*, обращенной к фессалоникским христианам по поводу случая с апостолом Фомой, который не сподобился видеть восставшего из мертвых Христа, поскольку не был в воскресный день в собрании учеников. Находясь же по прошествии восьми дней с Апостолами, он узрел Господа. Святой Григорий советует: в воскресный день после литургии позаботься с большим усердием найти кого-нибудь, кто подражает Апостолам Христовым и, пребывая в сосредоточении, стремится «молитвой в безмолвии и псалмопением» ко

* Гомилия — беседа.

Христу. Найдя такого подвижника, войди с верой в его келлию, которая как бы небесное место, поскольку в ней освящающая сила Всесвятого Духа. Будь там сколько возможно, беседуя с ним о Боге, о божественном, в смирении прося вразумления и прося его помочь тебе своей молитвой. Тогда, как к Фоме, придет и к тебе невидимый Иисус Христос. Святой Григорий говорит следующее: «После Божественной литургии в воскресенье ...усердно постарайся выяснить, кто подражает Апостолам, затворившись и долгое время пребывая в нерассеянной молитве, псалмопении и других соответствующих подвигах. Приди к нему и войди с верой в его дом, как бы в некое небесное место, имея внутри освящающую силу Духа; предстои живущему там и оставайся подле него столько, сколько сможешь, сорадуясь Богу и божественному, вопрошая, со смирением поучаясь и прося, чтобы он помог тебе своей молитвой. Тогда окажет милость (я хорошо знаю это) тебе, как делающему, Незримый Христос и даст внутренний мир обращающейся к Нему душе, укрепит веру, поможет и со временем причислит к избранным в Царствии Небесном...»

Согласно наставлению святого, я приблизился к подобной келлии, считая ее небесным местом. Во мне родилось чувство, что старец тот — апостол Христов, видевший Воскресшего Христа и находящийся ныне в Небесном Иерусалиме. Он был обо́женным, приобщился нетварным и божественным энергиям и, по словам святого Григория Паламы, имел все то, что имеет Бог, кроме Его сущности. Как могу я смотреть на него по-иному, если таковым назы-

вает его боговидец? У меня, подобно Фоме, было желание узреть Господа, поэтому с глубоким смирением и сокрушением я принял решение расспросить его и жить так, как он мне скажет. Читатель поймет, что, благодаря той беседе о Боге и божественном, я ощутил в душе моей глубокий покой...

Я постучал в наружную дверь каливы*. Воцарилось бесконечное молчание, которое слегка меня пугало. Наконец раздались медленные шаги. Бесшумно открылась дверь, и передо мной появился один из послушников старца. Я попросил:

— Благословите.

— Бог благословит.

— Нельзя ли мне видеть старца? Не занят ли он?

Следует быть очень осторожным, когда посещаешь пустынника. Может быть, ты оторвешь его от молитвы. Может быть, его восхитила Божественная благодать на гору Фавор, а ты низведешь его на шумную землю. А это великое зло, которое ты причинишь ему. Не твои оскорбительные слова расстроят его, но просьба сойти с горы. Однако одновременно ты сделаешь великое добро для самого себя, ибо тогда тебя наполнит божественное благоухание. Ты как бы ослепнешь от света, который он стяжал. «Из молитвы выходят в огне» (святой Григорий Палама), подобно тому, как сиял Моисей, когда сошел с Синая; и не в силах были смотреть на него израильтяне: он был, как раскаленное железо, когда вынимают его из огня. Ты почувствуешь «запах бессмертия».

---

* Калива — келлия с небольшой церковью.

— Я спрошу, — ответил послушник.

Он вернулся через несколько минут.

— Старец болен, но поднимется, чтобы видеть вас. Если хотите, можем пройти внутрь.

Я немного посидел вместе с этим молодым монахом. Его пребывание в дикой местности, жизнь, юность, проводимая в таком суровом районе, меня тронули. Хотя я его и не знал, во мне заговорило чувство удивления.

— Вас здесь много? — спросил я.

— Старец и три его послушника.

— Я хотел бы выяснить некоторые обстоятельства, которые меня волнуют, поэтому я и пришел сюда, в это пустынное место.

— Очень хорошо сделали. С такими чувствами и надо приходить паломникам. Некоторые же являются просто из поверхностного любопытства, чтобы поглазеть на старца и потом хвалиться этим. Они чрезвычайно утомляют его. Он воспринимает их, как посетителей зоопарка, как туристов. Хорошо, что вы собираетесь задать вопросы на духовные темы и проблемы, которые вас волнуют. Знайте же, что здесь вы не услышите отвлеченных теорий. То, что говорится, является опытом жизни. Его приобретает старец, и от этого опыта он говорит на пользу посетителям...

Он не успел закончить, как передо мной возник старец. Подобный солнцу, которое внезапно взошло! Подобный весне, которая источает радость! Подобный молнии в ночи! Его длинная белая борода ниспадала с лица, как водопад. Глаза — проникновенные, лучезарные, ясные. Редко я видел такие преображенные глаза. Святой Григорий Палама говорит, что на горе Фавор Апостолы узрели Нетварный

свет после того, как их глаза силой Святого Духа преобразились и стали способны воспринять его. Он говорит: «Видишь ли, что для такого света слепыми являются по природе видящие глаза? Итак, тот свет не чувственный и видят его не чувственным зрением, но приуготованные силой Духа Божия. Они изменились и таким образом видели изменение, не только что возникшее, но происшедшее оттого, что наша закваска (то есть человеческая природа) стала обóженной от соединения с Богом Словом». И у старца от многого зрения фаворского света глаза были преображенные и ясно свидетельствующие об этом благодатнейшем изменении.

— Благословите, — сказал я и одновременно склонился, желая поцеловать его освященную руку, «изъязвленную» от бесчисленных коленопреклонений. Однако он наклонился еще ниже и первым поцеловал мою руку.

Я был в замешательстве.

— Что делаете вы, отче, со мной, недостойным рабом Божиим, простой овцой стада Христова?

— Ты — иерей и имеешь благодать Божию. Разве я больше, чем ты?

— Мы, живущие в беззаконном мире, исполнены греха, в то время как вы в пустыне, которую облагодатствует присутствие Божие, стали храмом Божиим, престолом всезлатым Царя, огненным Херувимом. Вы «запечатлели Писание троекратно на скрижалях сердца, так что имеете ум Христов», явившись «живой обителью Христовой в духе» (святитель Григорий Богослов). Что же вы так со мной поступаете?

Я сказал жалобно, как бы потерпев поражение. И, действительно, я был побежден свято-

стью и смирением. Смирение другого всегда убеждает лучше слов. Любовь поражает более обличения.

— Вы, наверное, не знаете характера пустыни, — опустив голову, ответил старец. — Одна из особенностей безмолвия — ощущение греховности. Ежедневно наблюдая за собой, замечаешь такие греховные состояния, такие движения ко злу, что поистине считаешь себя худшим грешником. Поверь, отец мой, что любой, входящий в мою келлию, лучше меня. Он — ангел Божий.

...Я ничего не ответил. Старец взял меня за руку с любовью, как слепца, и повел в церковь. Я чувствовал себя в тот момент лишенным зрения рядом с ослепительным светом солнца, немощным — подле гиганта, малым дитятею — перед мудрым старцем. Это действие было вступлением к другому руководству, которое он оказал для меня немного спустя. О! Возле него обретаешь уверенность, невыразимую радость! Его теплую руку я ощущаю и поныне!

Мы прошли через две небольшие двери, для чего нам пришлось согнуться. Все указывало на смирение. В келлию пустынника всегда следует входить согбенным. Надо забыть, чем ты был и что ты есть. Туда нет пути высокомерным и эгоистам. Мы попали в маленькую церковь. Он оставил меня, чтобы я приложился к иконам в храме и к святому престолу в алтаре, в то время как сам стал зажигать лампады и одновременно петь тропарь храмовому святому. В каком бы монастыре или келлии ты ни оказался, первое, что тебе скажут сделать, — поклониться иконам храма и первым благодеянием, которое тебе окажут, будет предоставление возможности прило-

житься к мощам. Они — самое важное в бедной каливе. Они — то, что делает ее богатой. Святые мощи, которые хранят с таким благоговением, указывают на то, что святые оставили мир и в то же время благодатно присутствуют в мире. После исхода души святого из тела и достижения ею совершенства оно также сподобляется Божественной благодати; вот почему святые мощи чудодействуют и источают благоухание (преподобный Симеон Новый Богослов). В этой церкви старец и его послушники чувствуют милость Господню и участвуют в Тайной вечере.

...Старец провел меня в соседнее помещение, сказав, что это его приемная. Несколько табуретов, у одной из стен — несколько святоотеческих книг: «Добротолюбие», «Отечник», сочинения преподобных Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Григория Паламы и другие. Мы сели на табуреты. Он сказал, чтобы я сел возле него, а сам погрузился в молчание. По-видимому, он молился о том, чтобы Господь просветил меня, чтобы я увидел себя и чтобы Бог просветил и его сказать то, что необходимо.

БЕСЕДА СО СТАРЦЕМ О МОЛИТВЕ

— Святой отец, — начал я тихим голосом, — сейчас мной очень сильно овладело одно желание. Верую, что оно от Господа. Хочу очиститься. Вижу, как во мне неистовствуют страсти. Чувствую, что сердце — джунгли, где водятся многие дикие звери, а во главе их — диавол, который делает что ему хочется. Стремлюсь избавиться от этого ужасного состояния, предать свою душу Богу, чтобы Он просветил ее, чтобы она была Его. Достаточно ее обкрадывал диавол-льстец. Теперь же хочу очиститься, но не знаю как. Услышьте, отче: ХОЧУ ОЧИСТИТЬСЯ. Укажите мне пути. Готов их принять и слепо следовать всему, что вы мне скажете.

...Я начал тихим голосом, а закончил вопия и плача. Словно гром, прозвучали мои последние слова для пустынника. Столь горячими они были. Он немного помолчал. Взглянул на меня с великой любовью: такую любовь могут проявлять только монахи. Он дал мне понять, что не следует унывать по поводу этой тревоги, поскольку она благословенна.

— Когда мы переживаем подобные состояния, — сказал он, — ясно, что Святой Дух есть и действует в нас. Мы начинаем проходить путь познания Бога. Это первый этап. Если совершенное созерцание Нетварного света — свет, пленяющий душу, то покаяние и чувство своей греховности — огонь, возжигающий ее. Следовательно, покаяние и желание очистить душу от страстей — время посещения благодати. Только когда она сходит на нас, мы можем видеть свое запустение, печалиться о Боге и стремиться соединиться с Ним. Мы никогда не имели бы таких мыслей и желаний, если бы не благодать Божия.

Мудрый руководитель, — подумал я, — опытный духовник, поистине благодатный человек! Сведущий врач, он знает, как смягчить боль, умиротворить, дать лекарство не для успокоения нашего самолюбия, но для возможности оперативного вмешательства и исцеления.

— Уяснив это, — продолжал он, — следует указать некоторые пути или лучше один, простейший. Не ожидай, что я наложу на тебя тяжкие труды. Лишь молитва Иисусова («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя») очищает душу, то есть непрестанный вопль к Богу, Спасителю нашему. В призывании и единении с Иисусом заключается все наше спасение. Возопим, чтобы Он пришел и исцелил нас. Являясь больными, будем стенать, и Он, как врач, исполненный любви, поспешит на помощь. Мы, подобно впавшему в руки разбойников, восплачем, и Добрый Самарянин придет, очистит наши раны, приведет в гостиницу, то есть к созерцанию Света, Который зажигает все наше существо. Когда Бог приходит в наше

сердце, тогда побеждается диавол и очищается нечистота, им создаваемая. Таким образом, победа над диаволом является победой Христа через нас. Мы сделаем человеческое (воззовем ко Христу), а Он сделает божественное (победит диавола и очистит нас). Следовательно, не следует стремиться самим делать дело Бога, а Богу оставлять дело человека. Нужно хорошо понять, что от нас зависит человеческое (молитва), а от Бога — божественное (спасение). Все, что совершается в Церкви, есть дело богочеловеческое.

1. Значение Иисусовой молитвы

— Если я правильно понял, очищение достигается главным образом через подвиг, пост и Иисусову молитву. Позвольте мне задать вопрос не потому, что я не верую, но потому, что часто слышу от разных людей нашего времени возражения против благодатной молитвы. Они говорят, будто молитва и способ, которым она совершается, — христианская йога и связана с восточными религиями. Что сказали бы вы по этому поводу?

— Говорящие так находятся, по-видимому, в полном неведении относительно учения о благодати Православной Церкви, ибо молитвой мы обретаем Божественную благодать. Не пережившие же действий благодати не могут знать этого, и им никогда не следует порицать тех, кто имеет такой опыт. Они злословят даже святых отцов. Многие отцы боролись за стяжание благодати и убедительно говорили о ее значении. Неужели они заблуждались? Неужели впал в ошибку святой Григорий Палама?

Утверждающие так не знают Священного Писания. «Сыне Давидов, помилуй нас!» (т. е. «Иисусе, помилуй нас!») — говорили слепые и обретали свет, произносили прокаженные и исцелялись от проказы и тому подобное. Молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» — включает два центральных момента: догматический (признание Божественности Христа) и молитвенный (воззвание о нашем спасении). Таким образом, исповедание веры в Богочеловека связано с признанием невозможности спасения собственными силами. Этим сказано все, и на этих двух положениях основывается все христианское подвижничество: на вере в Богочеловека и на чувстве своей греховности. Итак, в немногих словах выражаются устремления верующего, и суммируется вся догматика Православной Церкви.

С помощью молитвы мы обретаем двойное знание. Святой Максим говорит, что страсть гордости происходит от двух незнаний — божественной силы и человеческой слабости. Это двойное незнание формирует «расстроенное сознание». Человек гордый несведущ, в то время как смиренный обладает двойным знанием. Он знает собственное бессилие и силу Христову. Следовательно, в Иисусовой молитве мы исповедуем силу Христову («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий») и наше бессилие («помилуй мя»). И приходим в блаженное состояние смирения. Где смирение — там благодать Христова, которая есть Царство Небесное. Видите ли достоинство молитвы? Видите ли, как ее действием мы можем стяжать Царствие Божие?

— Я знаю, отче, что необходимый признак православного верующего — никогда не отде-

лять Христа от остальных Лиц Святой Троицы. И в Божественной литургии мы призываем и славим Святую Троицу во всех возгласах и при заключительном благословении: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков», «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа да буди со всеми вами» и так далее. Может ли молитва, обращенная только ко Второму Лицу Святой Троицы, извращать православное учение?

— Разумеется, нет; я скажу более того. Слово «молитва» подразумевает молитву Иисусову, но имеет триадологическую основу. Христос (одно из Лиц Святой Троицы) не существует без Отца и Святого Духа и составляет вместе с остальными Лицами «Троицу Единосущную и Нераздельную». Христология связана с триадологией. Но вернемся к теме «Молитва». Отец Небесный через Ангела велел Иосифу дать имя Христу Иисус: «*...и наречешь Ему имя Иисус...*» (Мф. 1, 21). Иосиф, оказывая послушание Отцу, назвал Сына Девы Иисусом. Кроме того, у Апостола Павла, просвещенного благодатью Духа Святого, читаем: *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (I Кор. 12, 3). Итак, творя молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — мы призываем Отца и повинуемся Ему; более того, мы чувствуем действие и причастие Духа Святого. Отцы, Им просвещенные, сказали: «Отец через Сына в Духе Святом все творит». Святая Троица создала мир и сотворила человека. Она же возродила мир и обновила человека. «Отец благоволил, чтобы Слово стало плотию. И стало плотию

от Духа Святого». То есть Христос вочеловечился «по благоволению Отца и содействием Святого Духа». Поэтому мы и говорим, что спасение человека и обретение Божественной благодати является общим действием Всесвятой Троицы. Изложу вам два характерных учения святых отцов.

Святой Симеон Новый Богослов пишет в каком-то месте, что Сын и Слово Божие — дверь спасения, согласно Его проповеди: *«Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет»* (Ин. 10, 9). Если Христос — дверь, то Отец — дом. *«В доме Отца Моего обителей много»* (Ин. 14, 2). Через Христа мы приходим к Отцу. Но, чтобы открылась дверь (Христос), необходим ключ — Дух Святой, поскольку Его действием мы познаем истину, которая есть Христос. Отец послал Сына Своего в мир, Сын и Слово Божие открывает нам Отца и Святого Духа, исходящего от Отца, посылаемого через Сына, запечатлевающего Христа «в сердцах наших». Следовательно, мы познаем Отца «через Сына в Духе Святом».

Также и святой Максим часто говорит в своих трудах о таинственном Воплощении Слова. Он пишет, что как закон и пророки были предтечей пришествия во плоти Слова, так и Сын — Воплощенное Слово Божие — стал предтечей «Своего духовного пришествия», «подготавливая посредством логосов домостроительства души к принятию Его видимого Божественного пришествия». Другими словами, в нас должен воплотиться Христос, иначе мы не сможем увидеть славу Его на Небесах. Однако воплощение Христа в нас совершается по благоволению Отца и содействием Святого Духа. Видите, как

выражается совместная деятельность Святой Троицы, почему мы призываем и исповедуем великое Таинство, которое явил Господь, когда вочеловечился? Итак, тот, кто отвергает молитву Иисусову, совершает огромную ошибку. Этим он отвергает Святую Троицу, оказывает непослушание Отцу, не признает Святого Духа и, таким образом, не состоит в действительном общении со Христом. Следовательно, можно усомниться, православный ли он христианин.

— Еще я хотел бы, отче, чтобы вы объяснили мне подробнее и высказались по поводу того, о чем я упоминал ранее, — о различиях между молитвой и методом йоги, и показали бы мне преимущество христианской молитвы в сравнении с восточными религиями, поскольку, без сомнения, располагаете большим опытом.

— Тема эта, чадо мое, обширна, и многое можно сказать. Из моих предыдущих слов вытекает следующее.

Во-первых, в молитве решительно выражается вера в Бога, Который сотворил мир, управляет им и любит его. Он — нежный Отец, Который заботится о спасении Своего творения. Спасение совершается в Боге, поэтому в молитве мы просим Его: «Помилуй мя». От делателя умной молитвы далеко отстоит самоспасение и самообожение, в котором и состоял грех Адамов, грех падения. Он пожелал стать богом и выйти за пределы того, что определил ему Господь. Спасение совершается не «в себе и через себя», как утверждают человеческие учения, но в Боге.

Во-вторых, в молитве мы стремимся встретиться не с безликим богом. Мы не ставим цель подняться до «абсолютного ничто». Наша мо-

литва сосредоточивается на личностном Боге — Богочеловеке Иисусе. Отсюда и молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий». Во Христе соединены Божественная и человеческая природы, то есть совершенный Бог Слово и совершенный Человек, «в котором телесно пребывает вся полнота Божества». Следовательно, учение православного монашества о человеке и спасении тесно связано с учением о Христе. Мы любим Христа и храним Его заповеди. Мы подвизаемся в их осуществлении. Он сказал: *«Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди»* (Ин. 14, 15). Любя Христа и храня Его заповеди, мы соединяемся с Пресвятой Троицей.

В-третьих, при умной непрестанной молитве мы не впадаем в состояние гордости. Учения, о которых ты говорил мне ранее, изобилуют гордостью. Нашей же молитвой приобретается блаженное состояние смирения. «Помилуй мя», — говорим мы и считаем себя хуже всех. Не превозносимся ни над каким братом. Любая гордость чужда делателю молитвы. Имеющий ее безумен.

В-четвертых, как уже отмечалось, спасение — не абстрактное состояние, но единение с Триипостасным Богом в лице Господа нашего Иисуса Христа. Но это единение не устраняет человеческого фактора. Мы не ассимилируемся, поскольку каждый из нас — особая личность.

В-пятых, при прохождении молитвы приобретается способность различать искушения. Мы видим и понимаем движения сатаны, но вместе с тем и действие Христово, то есть

распознаем дух лести, который столь часто преобразуется в Ангела света, отделяем добро от зла, нетварное от тварного.

В-шестых, борьба за молитву связана с очищением души и тела от разрушительного влияния страстей. Мы стремимся достичь бесстрастия не стоического, но динамического, то есть не умерщвления страсти, а преображения ее. Вне «бесстрастной страсти» нельзя любить Бога и спастись. Но поскольку эта любовь извращена и испорчена, наша цель — преображение. Мы боремся за очищение от обезображенных состояний, которые создает диавол. Без этой личной борьбы, которая совершается по благодати Христовой, невозможно спастись. «Знание без практики — диавольское богословие», — говорит святой Максим.

В-седьмых, молитвой мы не стремимся привести ум к абсолютному ничто; мы хотим обратить его [ум. — Ред.] в сердце и стяжать благодать Божию в душе, откуда она распространяется и на тело. *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Тело, по учению нашей Церкви, — не зло; злом является плотской разум. Оно не «одеяние души», как говорят философские учения, и его нужно стремиться не сбросить, но спасти. Ибо под спасением всего человека подразумевается и его душа, и его тело. Следовательно, мы не стремимся к гибели тела, но воюем против служения ему. Не хотим гибели жизни. Не стремимся впасть в такое состояние, чтобы ради прекращения страданий не иметь желания жить. Мы упражняемся в молитве потому, что жаждем жизни и стремимся вечно пребывать с Богом.

В-восьмых, в нас нет безразличия к окружающему миру. Те учения, о которых ты упоминал, избегают углубляться в человеческие проблемы с целью сохранить свой мир и безмятежие. Мы же стремимся к иному — непрерывно молимся за всех. Плачем о всем мире. Хотя спасение — это единение со Христом, мы состоим в общении с другими людьми. Не можем спасаться сами по себе. Радость, которая существует только для нас, но не для мира, не является действительной радостью.

В-девятых, мы не придаем большого значения психотехническим методам, а также различным положениям тела, хотя и считаем, что некоторые из них помогают сосредоточить ум в сердце. Но, повторяю, мы стремимся не к апатии (это отрицательное состояние), а к стяжанию Божественной благодати.

— Благодарю вас, отче, за эти просвещающие мысли. Они имеют большое значение, поскольку исходят от человека, опытно их пережившего. Позвольте еще один вопрос. Только ли молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» достигается очищение, спасение и, таким образом, обо́жение? Другие молитвы не годятся? Они не помогают?

— В каждой молитве заключена огромная сила. Она — крик души. По мере веры и усердия приходит и помощь от Господа. Существуют разные молитвы: богослужебная, частная и так далее. Однако у молитвы Иисусовой великое достоинство, ибо, по словам преподобного Исаака Сирина, она является тем ключом, благодаря которому мы получаем возможность войти в таинство, *которое око не видело, и ухо не слышало, и на сердце человеку не приходило* (1 Кор. 2, 9).

То есть она властвует над умом, и заставляет его молиться без мечтаний (без цвета, образа, формы), и в короткий промежуток времени подает обильную благодать. Эта обильная благодать больше той, которая рождается от псалмопения, поскольку Иисусова молитва неразрывно связана со смирением и осознанием своей греховности. Так говорят отцы.

По словам святого Григория Синаита, псалмопение — для начинающих и неопытных, в то время как Иисусова молитва — для вкусивших Божественную благодать, для исихастов: «Ты же не часто пой псалмы, ибо они рассеивают... это занятие начинающих — по их неведению и тяжелым трудам, но не исихастов, подвизающихся единственно в сердечной молитве к Богу и избегающих углубляться в смысловые значения... Как говорят отцы, вкусивший благодати должен меньше петь и больше предаваться Иисусовой молитве; малое пение или чтение псалмов — дело отцов».

— Обычно, отец мой, — продолжал он, — псалмопение сопровождается приподнятостью, заметно проскальзывает эгоизм и превозношение в силу прекрасного голоса и впечатлений, выраженных другими, в то время как у произносящего в своей келлии «помилуй мя» не существует внешних факторов для возникновения превозношения. Поэтому исихасты в основном упражняются в этом виде молитвы, преподанной нам отцами, и совершают утреню и вечерню, произнося ее по четкам.

— Молитва эта достаточно узкая и очень маленькая. Не сковывается ли в ней ум?

— Ум особенно сосредоточивается на небольших фразах. Но, кроме того, Иисусова молитва

имеет огромную глубину, внешне не проявляющуюся. Ум имеет свойство погружаться в то, на чем останавливается; туда он направляет любовь и желание. Об этом говорит святой Максим: «Обычно ум на каких делах задерживается, в те и углубляется; куда он углубляется, к тому он будет питать желание и любовь: или к божественному и созерцательному, или же к делам плотским и страстям». Так, впрочем, происходит и со знанием. Простую на первый взгляд вещь можно изучать и обдумывать в течение многих лет. Тем более сладчайшее имя Иисуса. Над ним можно размышлять всю жизнь.

— Если Иисусова молитва обладает такой силой, позвольте мне, отче, спросить, как это происходит? Как можно воспользоваться ею? Знаю, что стесню вас, поскольку вы видите перед собой человека невежественного и несведущего в таких вопросах, но, если ответите, вы весьма мне поможете.

— Иисусова молитва — величайшее знание, чадо мое. Ее невозможно ни описать, ни определить точно, ибо существует опасность быть неправильно понятым теми, у кого нет даже малого опыта. К тому же это действительно подвиг. Можно сказать еще, что она является совершенной формой, благодаря которой мы и имеем богословие или, лучше, боговидение. Богословие — порождение и результат чистой молитвы, ее желанный и благословенный плод. Среда ее развития и жизнеспособности — безмолвие сладчайшей пустыни (со всем ее динамичным содержанием) и очищение от страстей.

— Я прочитал, отче, несколько книг и статей об этом благодатном труде — труде безмолвия

ума, непрестанного призывания имени Иисусова. Мне хотелось бы, чтобы вы показали достоинство Иисусовой молитвы, поделились бы мыслями из своего личного опыта и из опыта отцов по этому вопросу. Я стремлюсь узнать об этом не из любопытства, но из намерения войти, насколько смогу, в это благословенное состояние. Не откажите мне в моем желании.

2. Этапы обучения Иисусовой молитве

О чем-то я уже говорил ранее. Умная молитва заставляет монаха, главным образом, уклоняться от мира, повиноваться старцу, жить на чужбине и все время хранить заповеди Христовы. Поначалу наше внимание сосредоточивается на исполнении заповедей Христовых и на аскетических подвигах воздержания и послушания. Из учения святых отцов мы знаем, что добродетели еще не соединяют окончательно человека с Богом, но создают благоприятную почву для прихода молитвы, которая и соединяет человека с Триипостасным Святым Богом. Добродетели — предпосылка обильной благодати; вместе с тем они доставляют эту благодать. Следовательно, старец, имеющий опыт Иисусовой молитвы, только в том случае решает ввести в нее своего ученика, когда убеждается, что тот отсекает собственные пожелания и очищается от грубых страстей. Однако и тогда он не говорит ему всего, но лишь сколько тот может понести и осуществить. Он ведет его постепенно, шаг за шагом, поскольку возможны разочарование и соблазн.

— Каковы эти этапы? Каковы мистические ступеньки, приводящие к совершенному единению со Христом и насыщению Божественной благодатью?

— Основная цель Иисусовой молитвы — воссоединение «раздробленного» человека...

— Простите за вмешательство. Что значит «воссоединение человека»?

— Человек, по словам Писания, создан «по образу Божию». Бог Триипостасен, то есть имеет одну сущность в Трех Ипостасях (Отец, Сын и Святой Дух). То же происходит и с душой, поскольку она, как мы знаем, — «образ Божий». Она нераздельна, но в ней несколько сил. Она имеет три силы: ум, желание и волю. Все они должны находиться в единстве и устремляться к Богу. По святому Максиму, естественное состояние трех сил заключается в том, чтобы уму познавать Бога, желанию желать и любить только Бога и воле творить волю Господа. В этом осуществление заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею». Когда ум пребывает в Боге, он побуждает желание любить Его и волю бороться против злых духов ради достижения очищения. Итак, единство существует, поскольку есть движение к Богу. Но, увы! Грех раскалывает это единство трех сил души. Ум не знает Бога, желание больше любит творение, а не Творца, воля испытывает муки от страстей. Полное рабство души. Святой Григорий Палама замечательно описывает это состояние. ***Во-первых,*** ум удаляется и обращается к творению: «Как только мы открываем дверь страстям, ум тотчас рассеивается, блуждая все время по тленному и бренному, по многооб-

разным удовольствиям и пристрастным помыслам». ***Во-вторых,*** удалившийся от Бога ум отвращает желание от Бога и Его заповедей: «Необузданный, он совращает и его [желание. — Ред.] в блуд и безрассудство... Когда ум расслабляется, сила истинной любви в душе приходит в упадок и, раздробленная на разнообразные сладострастные влечения, устремляется к желанию то нечистот непотребных, то дел срамных, то денег неправедных, то пустого и бесславного почета». ***В-третьих,*** страсти угнетают и тиранят волю, то есть она сама «звереет»: «Человек уподобляется не просто неразумным тварям, но животным пресмыкающимся и ядовитым — скорпиону, змее, порождениям ехидниным». Итак, три силы далеко уходят от Бога и утрачивают единство между собой. Так, например, бывает, что желание хотело бы вернуться к Богу, но не отпускает его воля. Или хочет желание, но не хочет ум по своему неверию и нелюбви к Богу. Это мы и устраняем с помощью Иисусовой молитвы. Возвращение начинается с сосредоточения ума. Цель — оторваться от окружающих предметов, вернуться в самого себя и затем подчинить желание Богу.

— Мне кажется, что вы образно все изложили, и я понял.

— Не я, чадо мое, но отцы так излагают.

— После моего вопроса и последовавшего объяснения расскажите мне, пожалуйста, более обстоятельно об этапах обучения молитве. С чего оно начинается и как продолжается?

— В основном выделяется пять этапов. ***Первый*** — произнесение Иисусовой молитвы устами. Повторяя молитву вслух, мы одновременно

стремимся сосредоточить внимание на ее словах. ***Второй*** — молитву принимает ум и произносит ее в себе; это и есть умная молитва. Все наше внимание заключается в слова, но сосредоточивается в уме. Когда он утомляется, тогда мы вновь проговариваем молитву устами. Разумеется, такой образ или же использование четок является младенчеством молитвы. Однако отсюда следует начинать, а когда придет более совершенное, тогда оставлять (но с рассуждением) менее совершенное. Когда ум отдохнет, вновь начинаем сосредоточивать внимание. Преподобный Нил советует «всегда держать в памяти Бога, и Небо станет твоим помышлением». ***Третий*** — молитва сходит в сердце. Сердце и ум объединяются и сливаются. Теперь внимание сосредоточивается на сердце и опять погружается в слова молитвы, главным же образом в имя Иисусово, которое является глубиной необозримой. ***Четвертый*** — молитва все более становится самодействующей. Она совершается в то время, как подвижник трудится, или же ест, или беседует, или находится в храме, или спит. *«Я сплю, а сердце мое бдит»* (Песн. 5, 2), — говорит Священное Писание. ***Пятый*** — в душе ощущается божественный тихий огонь, который зажигает и веселит. В сердце вселяется благодать Христова. Устраивает обитель Святая Троица. «И вот что такое жилище Божие: в стяжавшем в себе память о Боге вселяется Бог. Мы тогда становимся Его храмом, когда мысль не прерывается земными попечениями, ум не тревожат неожиданные страсти, но всех их удаляется боголюбец, обращающий ум ко Господу; он изгоняет страсти, которые влекут его к невоздержанию, и усердно прилежит добродете-

ли» (святитель Василий Великий). Наконец, он чувствует в себе божественное присутствие, благодать охватывает тело, умершее и распявшееся миру. Это и является последним этапом, который иногда соединяется с созерцанием Нетварного Света. Таков путь развития Иисусовой молитвы. Каждый этап имеет соответствующую благодать.

— Позвольте мне задать несколько вопросов, отче, возникших в то время, как вы говорили об этапах молитвы. Что вы подразумеваете под сердцем?

— Сердце, по учению отцов, является центром духовного мира. Среди многочисленных высказываний отцов по этому вопросу приведу характерную мысль святого Епифания, епископа Констанции Кипрской: «Впрочем, не следует определять и выискивать, в какой части находится «образ Божий»; нужно просто признать его существование в человеке, чтобы не оскорблять благодать и веровать Богу. Ибо все, что говорит Господь, истинно, хотя бы от нас и ускользал смысл». Подобно тому, как луч, падающий на призму, преломляется и виден со всех сторон, так и душа выражается во всем человеческом существе. Однако во время молитвы мы концентрируем внимание на телесном органе — сердце, чтобы отвлечься от внешних предметов и обратить его вглубь себя. Когда внимание обретено, ум, одна из сил души, возвращается в свое жилище и там соединяется с остальными силами.

— Еще один вопрос. Все ли желающие упокоения в Боге следуют описанным путем?

— В основном, да. Однако есть некоторые, стремящиеся уже с самого начала соединить ум

и сердце. Они пытаются достичь этого с помощью вдоха и выдоха. Делая вдох, произносят: «Господи Иисусе Христе»; выдыхают на словах: «помилуй мя». Они следят также за тем, чтобы воздух из носовой полости достиг сердца и там немного задерживался.

Разумеется, это осуществляется для того, чтобы приковать ум. Отцы оставили нам и другой метод. На вдохе мы произносим всю Иисусову молитву и на выдохе вновь повторяем ее. Такая практика дает успех. Однако дыхательный метод может вызвать и большие трудности, множество проблем, поэтому без наблюдения старца он запрещен. Его можно использовать просто для сосредоточенности ума на словах, чтобы тот не рассеивался. Но, повторяю, метод требует особого благословения старца послушнику.

— Ранее вы сказали, отче, что цель Иисусовой молитвы — восстановить согласие ума с сердцем, действия — с природой. Это мы особенно переживаем на третьем этапе святого пути. Однако, описывая пятый этап, вы процитировали святителя Василия Великого: «...Всех их удаляется боголюбец, обращающий ум ко Господу». Каким образом ум сходит в сердце и обращается к Богу? Нет ли здесь противоречия?

— Нет, — ответил святой пустынник. — Как учат святые и богоносные отцы, существуют разные ступени для подвизающихся в молитве. Есть молитвенники новоначальные и преуспевающие, или, лучше сказать в соответствии с учением отцов, деятели и созерцатели. У деятелей молитва совершается от страха Божия и благой надежды, в то время как у созерцателей — «из любви к Богу и совершеннейшей чистоты».

Характерный признак первой ступени (практической) — сосредоточенность ума в сердце, когда ум, не отвлекаясь, молится Богу. Признак второй ступени (созерцательной) — охваченность ума Божественным Светом, когда ничего из мира не чувствуется, даже собственное «я». Это и есть выход (экстаз) ума. О таком состоянии мы говорим, что он (ум) обращается к Богу. Божественный экстаз описывают богоносные отцы, пережившие это благословенное состояние: экстаз представляет собой «захват ума Божественным и бесконечным Светом, когда не ощущается ничто иное из бытия, но только Тот, Который Своей любовью произвел это просвещение» (святой Максим).

— Позвольте задать еще один вопрос. Я не могу понять процитированное вами место: «Я сплю, а сердце мое бдит». Окажите любовь, объясните мне его. Как можно, чтобы кто-то спал, а сердце его продолжало молиться Богу?

— Это место находится в книге Ветхого Завета, которая называется «Песнь песней». Его нетрудно объяснить. Пророк Давид пишет, что *сердце человека глубоко*. Все события, все впечатления дня и заботы ума оседают в сердце, в подсознании, как мы говорим сегодня. Обычно то, что занимает человека днем, заполняет его сердце ночью, когда ум безмолвствует и человеческие силы отдыхают. Это ясно проявляется в снах, которые мы видим. Святитель Василий Великий отмечает, что «большей частью видения во сне представляют собой отзвуки дневных размышлений». Такие образные представления (сновидения) — результат умственной деятельности в период бодрствования. Злые заботы и злые мысли днем вызывают злые

сны. То же происходит и с добрыми делами. Подвижник и вообще человек Божий все время помышляет с молитвой о Боге. В памяти о Боге и многократно повторяемой Иисусовой молитве — его наслаждение. Даже при других делах — ест ли он, пьет, он это делает во славу Божию, по слову Апостола. Поэтому естественно, что и в короткие часы ночного отдыха его сердце размышляет и молится Богу. Оно бодрствует.

3. Пути к стяжанию Иисусовой молитвы

— Премного благодарен вам, отче, за эти убедительные разъяснения. До сих пор я старался следовать за вашей мыслью. Старался понять этапы Иисусовой молитвы, то есть как развивается этот священный труд. Но мне хотелось бы спросить, легко ли она дается? Или нужны борьба и усилие? Если Царство Божие *нудится и нуждницы восхищают его* (Мф. 11, 12), то, наверно, и в молитве Иисусовой необходимо понуждение, ведь с помощью ее одной можно стать причастником Царства Божия, ибо созерцание Нетварного Света, как я читал у святого Григория Паламы, и есть Царство Небесное. В чем заключается борьба?

— Разумеется, борьба нужна, — отвечал мудрый святогорец, — и много крови должен пролить подвижник. Изречение отцов: «Дай кровь — приими дух» — замечательно подтверждает это. Без борьбы и Адам потерял рай, хотя и созерцал Бога. Тем более она необходима нам для стяжания Божественной благодати. Проповедующие, что борьба не нужна, заблуждаются. Святой Максим говорит: «Знание без практики — демоническое богословие». До грехопадения молитва

совершалась легко, подобно неумолкающему славословию Ангелов. Однако после падения требуются борьба и труд, посредством которых праведники в Царствии Божием возвращаются в былое состояние.

— Мне очень хотелось бы, чтобы вы описали эту борьбу.

— Первая и напряженная борьба — собрать человеку ум, отказаться от окружающих предметов, обстоятельств, событий, состояний, мыслей — не только дурных, но и благих. Ибо удаляющийся от Бога ум умирает и разлагается, подобно рыбе, выброшенной из моря, из воды. Об этом говорит и святой Исаак Сирин: «Как случается с рыбой, лишенной воды, так и с умом, лишенным памяти о Боге и парящим в памяти о мире». Ум после грехопадения напоминает собаку, которая стремится все время бежать и необычайно проворна в беге. Он напоминает блудного сына в притче, захотевшего уйти из отцовского дома, взявшего свое имущество (желание — волю) и расточившего и промотавшего его, «беспутно живуще». Так говорят отцы, подвизавшиеся во внутреннем делании, и прежде всего — святой Григорий Палама (о чем упоминалось ранее).

— Замечательная мысль! — воскликнул я. — Однако каким же образом можно сосредоточиться?

— Точно так, как это произошло с блудным сыном. Что мы читаем в соответствующем отрывке? *Придя же в себя, сказал: «Сколько наемников у отца моего избыточествует хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему». Встал и пошел к отцу своему... А отец сказал рабам своим: «...Приведите откормленного те-*

ленка и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся». И начали веселиться (Лк. 15, 17–24). И блудному уму требуется прийти «в себя» от своей рассеянности. Почувствовать сладость и счастье в отцовском доме и возвратиться в него, и будет там праздник великий и радость преизбыточествующая. И услышит он голос: *«Сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся»*; и оживет мертвый ум. Только тогда, когда ум возвратится в сердце, наступит радость — такая, как у бывшего на чужбине и пришедшего в дом свой, о чем пишет Никифор Монах. «Как муж, находившийся вне дома, когда возвращается, не знает, что с ним происходит от радости при виде детей и жены, так и ум, соединившийся с душой, исполняется блаженством невыразимым и веселием». Сосредоточенность ума бывает при возгревании сердца. Приснопамятный мой старец с заходом солнца испытывал свое внутреннее состояние и созерцал образы природы, а затем, когда сердце возгревалось, начинал Иисусову молитву и продолжал ее до рассвета, когда совершается Божественная литургия. Тогда...

— Отче, простите меня за то, что перебиваю. Я не совсем вас понял. Что значит «возгревать сердце»? Как оно возгревается? Почему это делание необходимо для Иисусовой молитвы?

— Тебе поможет пример блудного сына. Придя в себя, сказал: «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему...» То есть он вспомнил о блаженстве в отцовском доме и одновременно о собственной нищете и решил вернуться к отцу. Требуется значительное уси-

лие для понуждения воли и желания к возвращению. Для этого мы и совершаем Иисусову молитву. Стараемся увидеть собственную греховность и нищету. Вспоминаем дневные падения. Испытываем различные события и грехи (однако едва касаясь их, то есть внешне) и ведем себя так, словно находимся на судилище и идет суд. Господь — на престоле, а мы — на скамье подсудимых. Почувствовав это, начинаем вопить: «Помилуй мя». В данном случае нужно плакать, поскольку от плача приходит правильная молитва. Отцы говорят, что тот, кто стремится к глубокой молитве и глубокому монашескому житию, должен научиться плакать и жить в непрестанном самоосуждении, самоукорении, считать себя худшим всех остальных, относиться к себе, как к грязному животному, находящемуся во мраке заблуждения и неведения. Он должен первым осудить себя, ибо таковой сподобляется благодати, как говорит святитель Василий Великий: «Тот, кто осуждает себя в своих прегрешениях и не ждет обличений от других, то есть тот, кто осуждает себя прежде приговора, получит оправдание». «Осудив себя первым, — говорится в притчах Соломоновых, — подготовишься таким образом и к молитве». Святой Исаак пишет: «Прежде молитвы упадем на колени, заломим руки и будем считать себя осужденными». Тогда придут мысли самоукорения. Каждый раз они могут быть новыми. Но рассматривать эти мысли необходимо немечтательно. И тогда кающийся ум действительно сойдет в сердце, и мы станем плакать, и начнется непрерывная молитва. Поясню на примере из мирской жизни. Человек, запомнивший обидную мысль, брошенную кем-либо в его

сторону, и раздумывающий над ней, ощущает боль в сердце и тотчас начинает печалиться. То же наблюдается и с подвизающимися в молитве; но их мотивы, разумеется, не мирские и эгоистичные. Подвизающийся говорит в себе: «Я причинил скорбь Христу, удалился от Божественной благодати». От таких мыслей сердце глубоко сокрушается. Сокрушенное в чувстве покаяния (не под внешним давлением) сердце уязвляется и скорбит больше, чем страдающее тело. Это сокрушение непрерывно держит ум в памяти о Боге, и сокрушенный не в состоянии спать даже ночью, чувствуя себя так, словно находится среди раскаленных углей. Итак, можно в течение четверти часа интенсивно творить молитву, и тогда весь день и всю ночь сокрушенное сердце будет помышлять об Иисусе; это и называется непрерывной молитвой. Она может быть достигнута, повторяю, после нескольких минут напряженной молитвы со слезами, и потом ее действие в течение многих дней ощущается внутри. Нужно подчеркнуть, что чувство недостоинства абсолютно необходимо для совершения Иисусовой молитвы. Наибольший успех определяется наибольшим осознанием своей греховности. Без такого осознания истинной молитвы нет. Стало быть, молитва должна соединиться со скорбью. И, действительно, отцы учат, что восшествие на Небо тесно связано с нисшествием в себя. Насколько мы сосредоточим внимание на глубинах души, настолько откроем ее тайны; вместе с покаянием приходит Царство Небесное в сердце, и оно преобразуется в рай и Небо. Только с покаянием мы обретаем зрение Царствия.

— Бывают ли случаи, когда человек, понявший свою греховность, разочаровывается и отказывается от борьбы?

— Разумеется, бывают. Если так происходит, это означает, что диавол подбросил мысль о греховности, чтобы ввести в отчаяние. Когда же мы, почувствовав греховность, обращаемся к Богу и в молитве просим Его благодати — это знак дара Божия, действия благодати Христовой.

— Помимо чувства греховности, — продолжал старец, — есть и другие пути к возгреванию сердца. Память о смерти. «Я помышляю, что это последние часы, которые я доживаю, и вскоре придут бесы и заберут мою душу». Эта мысль, идущая без образов, вызывает страх и подвигает к молитве. Так советует авва Феофил; в «Отечнике» записано, как примерно мы можем помышлять: «Какой страх, и ужас, и трепет охватят нас, когда душа отделится от тела! Придет к нам тогда великое множество противных сил: властители тьмы, миродержители, начала и власти, духи греха. И возьмут душу, заслуживающую наказания, и представят ей все ее согрешения, соделанные ведением и неведением от юности вплоть до теперешнего часа. И обвинят ее во всем том, что она сотворила. Какой ужас овладеет душой в тот момент, когда будет вынесено решение и она покинет тело! Это будет час насилия над ней, когда она увидит, что ей уготовано. Однако божественные силы противостанут бесовским и покажут и добрые ее дела. И выйдет решение от Праведного Судии, и тогда-то предстоящая душа почувствует, какой страх и ужас охватывают ее. И если она окажется достойной, демоны будут посрамлены

и ее отнимут у них. И она, утешенная, возвеселится премного в жительстве своем, по реченному слову: *«И отбежé болезнь и печаль и воздыхание»* (Ис. 35,10). И, спасенная, отправится в место неизглаголанной радости и славы и водворится там. Если же найдут, что душа жила беспечно, она услышит страшные слова: «Да удалится нечестивый и да не узрит славы Господней». Тогда внезапно наступит день гнева, день скорби и насилия, день мрака и тьмы. Она будет брошена в преисподнюю, осуждена на вечный огонь и примет кару на бесконечные времена. Где ее военная слава? Где пустые почести? Где довольство? Где покой? Где блестящая жизнь? Где наслаждения? Где гордость? Где богатство? Где светский успех? Где отец? Где мать? Где брат? Кто сможет освободить душу, когда ее будет жечь огонь и она так горько будет страдать?»

Противоположные мысли равным образом уместны: о сладости рая, славе святых и великой любви Божией. Особенно в тот день, когда совершалась Божественная литургия и ты приобщался Святых Таин.

— Отче, мир, слыша такие рассуждения, выражает сомнение и неверие. Существует множество богословов и даже лиц духовного звания, не соглашающихся с ними, утверждающих, что они [рассуждения. — Ред.] не для мира, и при этом ссылающихся на святых отцов. Они разделяют отцов на «постников» и «социальных служителей» и предпочитают в мирской жизни последних, поскольку их учение более «приземлено», в то время как учение первых («постников») пригодно для монастырей. Не знаю, насколько такие рассуждения истинны.

— Вы затронули огромную тему, имеющую много разных сторон и аспектов и, следовательно, требующую значительного времени. Однако я не могу не предложить несколько общих ответов. Прежде всего, отец мой, невозможно разделять отцов на постников (или мистиков) и социальных служителей, так же, как нельзя разделять богословие на мистическое и немистическое и духовную жизнь на монашескую и мирскую (иными словами, одни учения даны, мол, для мира, другие — для монахов). Все богословие Православной Восточной Церкви является мистическим, вся духовная жизнь — аскетической. Следовательно, все святые отцы имеют одни мысли, одно житие, одно учение. Все обрели блаженное состояние обóжения, все «облеклись во Христа», и во всех живет и действует Святой Дух. Стало быть, отцы-постники всегда являются социальными служителями, а так называемые социальные служители — непременно постниками. Общественная деятельность отцов — безусловно, результат подвига. Все те, кто занимается общественными делами, представляют собой не просто социологов, или психологов, или моралистов, или педагогов, но богословов в полном смысле этого слова. Они живут прежде всего для Бога и затем пытаются помочь человеку жить для Него. Итак, их социальное служение — вид богословия, жизнь во Христе, жизнь во Святом Духе и жизнь в Церкви. Поистине Церковь — место православного богословия и богословие — голос Церкви. Все отцы обладали одними и теми же чертами. Для них характерно было православное богословие, церковное сознание и священническое и монашеское служение. Следовательно, большая

ошибка в том, чтобы разделять их непременно на постников и общественных деятелей, поскольку такое разделение имеет огромные последствия в духовной жизни и приводит к хуле на Святого Духа.

— Не считаете ли вы, что некоторые отцы, как, например, святители Василий Великий и Иоанн Златоуст, которые часто говорили проповеди на социальные темы, находились намного ближе к народу?

— Разумеется, так. Однако, как сказано ранее, следует сделать несколько необходимых уточнений. ***Во-первых,*** это не означает, что они не жили в слезах, молитве и посте, то есть их общественное учение неотделимо от их внутренней жизни. Святого отца иногда можно рассматривать как социолога, а иногда как моралиста. Существует огромная разница между социологом и богословом. Ими движут различные причины и мотивы. Их антропология серьезно различается. ***Во-вторых,*** если некоторые из отцов говорили проповеди, в основном, на социальные темы, они делали это потому, что получили от Бога вразумление так говорить с конкретным человеком, жившим в конкретной стране. Мы не должны забывать о том, что слово пророка, апостола и святого произносится по мере зрелости и духовности народа, к которому обращено. Если слово имеет некоторое несовершенство, это объясняется не особенностями подходов и образом мыслей святого отца, но неспособностью мира вместить что-либо большее; не тем, что этого не знает отец, но тем, что этого не может понять стадо. Подчеркну, что во многих социальных делах ясно проявляется дух исихазма.

Чтобы быть более конкретным, остановлюсь на случае со святителем Иоанном Златоустом, о котором ты упоминал немного ранее. Святитель Иоанн Златоуст считается общественным деятелем, его творения могут читать все. Многие связывают его учение с различными социальными и этическими проблемами, однако не знают того, что он проводил безмолвную подвижническую жизнь в посте, слезах, скорби, непрерывной молитве, памятовании о смерти и т.д. Если кто-нибудь из монахов-безмолвников прочитает его труды, он тотчас распознает отца-исихаста. Процитирую вам отрывок из его святого учения и затем сделаю несколько комментариев. Он говорит о молитве (общее учение о молитве), ее значении, о том, что для стяжания плодов нужно иметь сосредоточенный ум и сердце, сокрушенное в чувстве покаяния. «Великое оружие — молитва, сокровище безупречное, богатство, никогда не растрачиваемое, пристань безмятежная, основание тишины, корень, источник и мать бесчисленных благ — вот что такое молитва, более крепкая, нежели само царство... Молитва же, говорю я, не представляет собой нечто вялое и исполненное нерадения; она совершается с воздетыми горé руками, скорбящей душой, собранным умом. Ибо, будучи таковой, она восходит на Небо... Итак, будем возгревать совесть, скорбеть душой, помня о согрешениях, скорбеть не для того, чтобы расстраиваться, но чтобы подготовиться и быть услышанными, чтобы поститься и бодрствовать и достигнуть самих Небес. Ничто так не отгоняет нерадение и рассеянность, как скорбь и печаль, со всех сторон сжимающие ум и возвращающие его внутрь себя. Подвизающийся

так и много молящийся такой молитвой сможет стяжать в своей душе радость». Далее он говорит о том, что только тогда человек получит дерзновение в молитве, когда понудится считать себя хуже всех.

— Точно так же, отец мой, говорил бы и величайший исихаст, — продолжал пустынник. — Отметим несколько моментов. ***Во-первых,*** Златоуст тесно связывает молитву со скорбью душевной и собранным умом. Для совершенства молитвы ум нужно вернуть «в самое себя» от рассеянности. ***Во-вторых,*** чтобы действенной была молитва, необходима вначале теплота сердечная, о чем говорилось ранее. Сердце возгревается, ум возвращается, и мы предаемся молитве. ***В-третьих,*** эта теплота сердечная приходит вместе с памятью о грехах, с самоукорением, с чувством, что мы хуже всех остальных — «ниже любого создания». Только когда мы живем в молитве, мы приобретаем духовную радость, благодать Христову. Узнаете отца-исихаста?

— Я поражен прочтением и анализом этого места из сочинения Златоуста. На меня произвела впечатление мысль святого отца.

— Можно мне внести ясность?

— Разумеется.

— Это не личное мнение святого Иоанна Златоуста, но учение Церкви через него. Мы не можем говорить о мнениях отцов таким образом, как если бы считали их философами, социологами, моралистами, но ведем речь об учении отцов как членов славного Тела Христова, просвещенных Святым Духом. Живя в Церкви, мы уничтожаем безличностное и действием Святой Троицы становимся личностями.

И ум просвещается и делается амвоном Святого Духа. Каждое великое дело в Церкви начинается с послушания. Отцы свободу свою подчинили Богу, изменились и стали орудиями Божиими. И жили и проповедовали для того, чтобы помочь и другим.

— Благодарю за поправку. Окажите любовь, объясните мне еще кое-что. Ранее мы сказали о том, что, если монах-пустынник прочитает сочинение, например, святителя Иоанна Златоуста, он узнает отца-подвижника. Почему мы не можем уловить этого, но считаем таких подвижников, как Златоуст, чисто общественными деятелями, чуждыми внутреннего делания?

— Это происходит потому, что в нас не изобилует Святой Дух. Священное Писание, творения отцов написаны при просвещении Святым Духом и, следовательно, истолковываются и становятся понятными только при Его озарении. Тот, кто имеет разум отцов, в ком действует Святой Дух, читая какие бы то ни было творения какого бы то ни было отца, Святым Духом определит исихаста, постника, друга Господня. Святые узнаются только святыми, ибо ведут сходную жизнь, обладают общим опытом, одинаковым способом выражения. В словах, которые ими используются, и иногда в способе выражения улавливается благодать, преизбыточествующая во святом отце. Так, если человек, имеющий опыт ви́дения Бога, прочитает молитвы святителя Василия Великого, содержащиеся в названной по его имени Божественной литургии, он сразу поймет, что святой видел Нетварный свет, хотя и не говорил об этом непосредственно. Если же различные святоотеческие труды изучают соци-

ологи или моралисты, не имеющие Святого Духа, они начинают разделять и обособлять их. Мне кажется, что такое изолированное, фрагментарное использование творений отцов вне аскетического духа, с целью подтвердить наши нечистые и антропоцентрические взгляды, является величайшей ересью. Когда мы рассматриваем творение отца вне аскетического, покаянного духа, мы разделяем его. Каждое же разделение — изменение. Так поступают все еретики. Они используют цитаты, не понимая их, не обладая условиями для правильного истолкования. Следовательно, для осуществления сегодняшнего лозунга «назад, к отцам!» нужно не просто изучение святоотеческих текстов, но и усилие к подражанию их жизни: жить в Святой Церкви, в Святых Таинствах и святых добродетелях, чтобы перестать быть безличностными и стать личностями, достойными членами Христа.

В этот момент подле нас появился благодатный послушник и спросил, что принести для меня. Старец чрезвычайно увлекся и забыл соблюсти необходимый монашеский долг гостеприимства: преподнести что-либо в качестве благословения, чтобы ты благословил это и, вместе с тем, получил благословение его келлии. Однако столь духовной была беседа, что старец совсем упустил из виду обычай.

— Принеси что-нибудь отцу...

— Что принести, отче? Лукум, варенье или что другое?

Отдав соответствующее указание, старец стал расхваливать своего послушника.

— Я недостоин иметь таких послушников. Господь, опечаленный моими грехами, послал

мне ангелов. У меня нет послушников, но есть ангелы, которые служат мне. Как мне благодарить Всесвятого Бога? У этого послушника, только что приходившего, мысли малого дитяти, что совершенно необходимо занимающимся умной молитвой, о которой мы ведем речь. Святые отцы учат, что желающий спастись должен стать безумцем (*«мы безумные ради Христа»*), то есть, по словам Христа, юродивым или ребенком: *«Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное»* (Мф. 18, 3). Хотя все мы и впали в великие грехи, однако, по благодати Святого Духа, можем приобрести духовное отрочество и детский разум в отношении зла. Закон духовной жизни противоположен закону жизни по плоти. В плотской жизни человек с юности постепенно стареет, в то время как в духовной, очищаясь от греха, который старит человека, становится молодым, дитятей.

Послушник принес на блюде благословение каливы — лукум и немного воды. Я взял стакан в руки, попросил благословения у старца, сказав:

— Помолитесь, чтобы я стал дитятей или «безумцем»!

Есть моменты, когда не можешь молиться вообще, когда немеешь; тогда чувствуешь необходимость лишь просить молитв и благословения. Это переживаешь на Горе — не молишься, но просишь молитв.

— Благословите.

— Господь благословит, — отвечают тебе.

Не «добрый день», «добрый вечер», «доброй ночи». Почти единственными в своем роде ины-

ми вариантами являются: «Доброго терпения, бодрствования, доброго рая, доброго конца...»

В те минуты, когда я просил благословения и вкушал сладчайший лукум, я говорил про себя: «Долгих лет жизни старцу! Живи, чтобы жили и мы, грешные...»

Воцарилось глубокое молчание. Было ясно, что старец творил Иисусову молитву. Казалось, он находился в божественном плену. Мне было весьма трудно заговорить, однако необходимо.

— Отче, побеспокою вас и продолжу. Знаю, что мое присутствие некоторым образом чуждо этой среде. Я паразит, который осложняет вашу жизнь и...

— Нет, нет, не говори так, ибо мы принимаем вас как нашего брата, живущего в миру, подвизающегося добрым подвигом и имеющего благодать от Бога.

— Как можно сравнивать нашу благодать с вашей?

— Тем не менее вы имеете бóльшую благодать, нежели мы, ибо *где умножилось беззаконие, преизобилует благодать* (Рим. 5, 20). Господь изливает на вас бóльшую милость, чтобы удержать вас в своей любви. Вас больше любит Господь.

— Воспринимаю это как выражение вашего смирения, — сказал я, побежденный его любовью и смирением. — Однако хочу вернуться к тому, о чем мы вели беседу ранее. Вы указали на возгревание сердца. На то, что оно бывает при мысли об аде, рае, своей греховности и тому подобному. Не создает ли это трудности? Ведь до того вы говорили, что нам нужно творить молитву без образов. Ум должен быть нерас-

сеянным. Не помешают ли такие мысли чистоте молитвы?

— Прежде всего хочу подчеркнуть, что они не являются мыслями... просто мыслями. Это не образная, но умная деятельность. Мы не просто размышляем. Мы живем. Например, размышляя как-то об аде и о том, что он — самое подходящее место для меня, по причине бесчисленных моих грехов, я оказался в том беспросветном мраке. Я испытал его невыносимую тяжесть и непередаваемое страдание. Когда же я пришел в себя, вся моя келлия издавала зловоние... Вы не можете понять адского смрада и муки осуждения...

Я все более сознавал, что нахожусь подле святого старца, который держит свой ум в аде. Не хотелось прерывать его просьбой дать объяснение...

— Возгревание при посредстве таких мыслей совершается до молитвы. Ибо, когда начинается в теплоте сердечной молитва, возбраняется любая мысль на такие темы и мы стараемся свести ум и сердце в слова молитвы. Таким образом достигается безóбразность, о которой столько говорили отцы. Ум характеризуется отсутствием привидений и мечтаний.

Молитва — это подвиг. Она укрепляет верующего в его борьбе с диаволом, вместе с тем сама являясь скорбной и кровопролитной борьбой. Мы стараемся сосредоточить ум в слова молитвы, чтобы сделать его немым и безгласным при каждой мысли (все равно, благой или злой), которую приносит нам лукавый, то есть чтобы не прислушиваться к идущим извне помыслам и не отвечать на них. Нужно совершенно пренебречь помыслами и не желать собе-

седования с ними, любым способом достичь полного безгласия ума, поскольку только так можно сохранить душу в безмятежии и молитва будет действовать эффективно. Известно, что из ума мысли направляются в сердце и тревожат его. Встревоженный ум тревожит и душу. Подобно тому, как ветер подымает волны на море, вихрь мыслей вздымает бурю в душе. Для внутренней молитвы необходимо внимание. Вот почему отцы говорят о соединении поста и молитвы. Пост держит ум в постоянном бодрствовании и готовности на всякое благое дело, молитва же привлекает Божественную благодать.

Для того, чтобы молитва была внимательной, мы используем различные средства.

Прежде чем приступить к священному труду — молитве, будем иметь в виду, что на всем ее протяжении от нас требуются горячее желание и надежда с верой, полная самоотдача и безграничное терпение, связанное с упованием на любовь Божию. Начинаем с «Благословен Бог...». Читаем «Царю Небесный...», Трисвятое. Затем с сокрушением и умилением произносим 50-й псалом (покаянный) и непосредственно за ним «Верую». В это время стараемся сохранить ум в тишине и безмолвии. Возгреваем сердце различными мыслями без образов, о чем говорилось ранее; когда же оно согреется и мы, возможно, прольем слезы, начнем Иисусову молитву. Медленно проговариваем слова, стремясь к тому, чтобы ум не рассеивался и следил за ходом слов. Нужно, чтобы они следовали друг за другом и между ними не вклинивались помыслы и события. После «помилуй мя» тотчас начинаем «Господи Иисусе Христе...»; образуется

некий круг, и устраняется вмешательство диавола. Нужно знать, что диавол любым способом стремится разорвать связность слов и проникнуть в ум и сердце. Стремится отворить малую щель, подложить бомбу (помысл) и отбросить все святые усилия. Нам нельзя позволить ему сделать это... Будем проговаривать Иисусову молитву громко (устами), чтобы внимало и ухо, тем самым и ум получит помощь и станет более внимательным. Другой путь — не спеша произносить молитву умом или сердцем и после «помилуй мя» немного подождать, пока не ослабнет внимание, после чего вновь начинать молитву с самого начала. В тех случаях, когда для возгревания сердца мы прибегаем к мыслям о своей греховности, хорошо было бы добавлять слово «грешнаго», как советуют отцы. То есть: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Благодаря этому, мы подчеркиваем то, что чувствуем. Однако, если ум утомляется проговаривать всю молитву, ее следует сократить: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя»; или же: «Господи, помилуй мя»; или: «Господи Иисусе». Когда христианин преуспеет в творении молитвы, слова также можно сократить. Иногда останавливаются на слове «Иисусе», которое повторяют непрерывно («Иисусе», «Иисусе», «Иисусе», «Иисусе мой»), и тогда волна умиротворения и благодати охватит тебя. Нужно пребывать в этой сладости, которая явится тебе, и не прерывать молитву. Даже для совершения положенного тебе правила. Удержи эту теплоту сердечную и воспользуйся даром Божиим, ибо речь идет о великом даре, который Бог послал свыше. Эта теплота окончательно поможет приковать ум к словам молитвы, сойти в сердце

и оставаться там. Если кто-либо захочет весь день посвятить молитве, пусть послушает совет святых отцов: какое-то время молиться, какое-то читать и затем вновь посвятить себя молитве. Когда занимаемся рукоделием, также постараемся читать молитву.

...Между прочим, помощь делателю молитвы оказывает соответствующее положение тела. При многочасовых молитвах отцы рекомендуют сесть на скамеечку, закрыть глаза или устремить их на устойчивую точку, предпочтительнее на грудь — место, где находится сердце. Святой Григорий Палама приводит пример пророка Илии, который, как говорит Священное Писание, *взошел на верх Кармила и наклонился к земле, и положил лице свое между коленами своими*, и таким образом упразднил засуху. *И оставался там, и небо стало мрачно от туч и от ветра, и пошел большой дождь* (3 Цар. 18, 42–45). Вот так, отец мой, по молитве в этом положении пророк отверз Небо. Подобно и мы открываем Небо, и потоки Божественной благодати сходят в наше сухое сердце.

Позднее я прочитал приведенное место из сочинения святого Григория Паламы, на которое указал мне старец. Философ Варлаам иронично называл исихастов «имеющими душу в пупке», а святой Григорий Богоносец, защищая их позицию и деятельность, ответил: «И сей совершенный в боговидении Илия, преклонив голову к коленям и тем самым с большим напряжением собрав ум в себе и в Боге, разрешил многолетнюю засуху». Святой отец-боговидец рекомендует в качестве хорошего вспомогательного средства также фиксацию глаз: «Не переводи взгляд с места на место, но сосредоточь его

на какой-либо опорной точке — на груди или пупке; благодаря такому положению тела, рассеивающаяся вовне через зрение сила ума возвратится внутрь сердца».

— Кроме того, — продолжал старец, — место играет важную роль. Оно должно давать безмолвие и обеспечивать внешнее спокойствие. Необходимо также соответствующее время. После рабочего дня ум обычно отвлекается на многие предметы, поэтому отцы рекомендуют упражняться в умной молитве, главным образом, утром, в течение часа или двух до восхода солнца, когда ум бодр и нерассеян и тело получило отдых. Тогда пожинаем богатые плоды.

— Если же, отче, ум рассеивается и я вижу, что это случается часто, какой метод можно использовать, чтобы его собрать?

— По многим причинам существуют бесплодные дни и часы, когда трудно творить молитву. Заниматься ею в эти моменты утомительно и тягостно. Однако, если будем тверды, благодать Божия поможет нам вновь обрести молитву; благодаря ей мы неизменно станем преуспевать в богозрении. Укажу вам несколько способов, которые помогают преодолеть эти бесплодные дни и часы.

Прежде всего, никоим образом нельзя терять мужество. В такое время нужно молиться, главным образом, устами. Возможно, что у сильных (благодатных) людей есть дар и они могут легко сосредоточить ум в словах молитвы и непрерывно молиться. Мы же, слабые и грешные, исполненные страстей, нуждаемся в том, чтобы прилагать всяческое усилие и поистине проливать кровь. Когда видим, что ум постоянно рассеивается и блуждает, нужно просить

помощи у Бога. Подобно тому, как Апостол Петр, когда поднялся сильный ветер и он стал тонуть, вскричал: *«Господи! спаси меня»* (Мф. 14, 30), — так поступим и мы, когда поднимется буря помыслов и нерадения. Случится и с нами то, что произошло с Апостолом: *Иисус тотчас простерши руку, поддержал его.* То есть по усердной молитве с помощью Божией все эти прилоги, находящие для того, чтобы отвлечь ум, рассеются, сожженные незримо именем Христовым. Повторяю, не следует в таких случаях поддаваться панике, но необходимо продолжать оказывать сопротивление диаволу. Оно должно быть тем сильнее, чем сильнее нападение лукавого...

В часы молитвы нельзя также внимать помыслам, пусть даже благим, ибо они возбуждают ум, и он, возбужденный, принимает и злые мысли. Итак, благие помыслы во время молитвы открывают путь, по которому триумфально шествует диавол, разбивая священный труд молитвы, и впадаем мы в духовное прелюбодеяние. Поэтому отцы говорят, что ум, удаляющийся при Иисусовой молитве от памяти Божией и блуждающий тут и там, совершает духовное прелюбодеяние. Он предает Бога и отрекается от Него. Разве не величайший грех — предательство и отвержение Сладчайшего Иисуса к радости ненавидящего добро и завистливого врага?

Если же мы и не сможем сосредоточить ум, чтобы он не рассеивался, нам потребуются еще большие усилия в борьбе. Лодка, отец мой, может плыть по морю или под парусом (если есть ветер), или же с помощью весел (если ветер отсутствует). Так и в молитве. Она идет успеш-

но, когда в нас действует теплота благодати Христовой. При отсутствии ее нужен труд по продвижению на веслах, то есть величайшая борьба.

Тогда обратимся за помощью к отцам. Будем читать их книги, чтобы сосредоточить ум. Когда же во время чтения почувствуем умиление, прекратим его и станем заниматься Иисусовой молитвой. Итак, другими словами, следует иметь в виду, что книги читаются внимательным сердцем, а не сухим рассудком. Будем изучать книги, которые написаны сердцем и читаются с удовольствием тоже сердцем. То есть рекомендуется чтение и одновременно Иисусова молитва. Станем произносить различные псалмы пророка Давида или же обратимся к псалмопению. Хорошо также заранее отобрать несколько умилительных тропарей, в которых речь идет о Божественной любви, о нашей греховности, о Втором Пришествии, о взывании к Богу о помощи и тому подобном, и непрерывно произносить их, но не петь. Или читать различные умилительные молитвы, составленные святыми отцами, например святым Исааком Сириным. Ранее я уже говорил, что в таких случаях нужно читать вслух. И еще: если молитва становится в тягость, ее произносят по четкам. Разумеется, тогда имеем немного плодов, однако никогда не следует останавливаться пусть даже для малейшего отдыха от нее. Повторяю вновь, что в этих случаях требуются великое терпение и выдержка. Возможно, те помыслы, которые будут приходить, окажутся полезными для нас. Будем использовать их для очищения.

— Они помогают очиститься? Как это?

— Когда диавол увидит, что мы молимся и стремимся сосредоточить внимание ума в молитве, он использует все средства для того, чтобы рассеять его, всячески изощряется, прибегая, главным образом, к тем помыслам, которые особенно нас терзают. Он бьет в чувствительное место, которое является наиболее уязвимым. Сластолюбцу внушает сластолюбивые мысли, сребролюбцу — сребролюбивые, честолюбцу — честолюбивые... Итак, по помыслам, которые обычно приходят в часы молитвы, мы можем понять наши уязвимые места, нечистоту, которая есть в нас, существование страстей и направить туда свое внимание и борьбу.

— Отче, простите за то, что перебиваю. Сознаю, что имею мало опыта в деле Иисусовой молитвы. Тем не менее, когда прикладываю усилия и занимаюсь ею, по причине усталости у меня начинается головная боль, часто боль возникает и в сердце. Что это? Как следует поступать в таких случаях?

— Головная и сердечная боли возникают в начале подвига верующего, подвизающегося в духовном делании. Иногда ему кажется, что голова его раскалывается, равным образом и сердце. У него бывает столь сильная головная боль, что ему кажется, что он умирает. Эта боль (отчасти физическая) объясняется непривычкой ума к такой деятельности и особым положением тела. Вместе с тем, человек часто становится объектом нападения диавола, стремящегося остановить молитву. При головной боли требуется настойчивость; относительно сердечной нужно сказать, что, возможно, верующий преждевременно приступил к этому труду, используя методы, непригодные для него. Однако сердечная

боль может и помочь ему, поскольку возникает повод сосредоточить ум в том месте, где болит, и совершать непрерывную молитву.

— Эта ваша мысль очень сжата; я бы хотел, чтобы вы объяснили подробнее, конкретнее. Почему, когда ум страдает, нужна настойчивость?

— Потому, что тогда непосредственно начинается его очищение. Оно выражается в слезах. Они начинают течь рекой, ум очищается и сходит в сердце. Прекращаются скорбь и беспокойство — благодаря слезам, которые нельзя остановить, которые нельзя объяснить, к которым не прикладывались усилия.

Он замолчал. Я увидел, как на его лице заблестела большая слеза и осветила его. Непроизвольно прослезился и я. Его голос, светлые мысли пробудили мое окаменевшее сердце. Я вспомнил святого Арсения, о котором в «Отечнике» говорится: «О нем рассказывали, что всю свою жизнь, сидя за рукоделием, он имел кусок полотна на груди для слез, которые падали из его глаз. Когда авва Пимен услышал о его смерти, он прослезился и произнес: “Блажен ты, авва Арсений, потому что оплакал себя здесь, в мире. Ибо кто не оплакивает себя здесь, будет плакать вечно в иной жизни. Либо здесь произвольно, либо там в муках. Не плакать невозможно”».

Он меня прервал.

— Не нужно тотчас, — сказал он, — останавливаться, как бы выходить из моря неиссякаемых слез, лишь только возникнет какая-нибудь боль. Поскольку эти мысли внушает диавол, который чрезвычайно лукав, коварен и жесток и стремится погубить нас, предать вечной смер-

ти. Делатель молитвы знает приемы лукавого и его замыслы. Он нашептывает: «Прекрати молитву, ибо ты сойдешь с ума, ибо у тебя разболится сердце». Зачитываю тебе пример из «Отечника»: «Был некий монах, которого каждый раз, когда он приступал к молитве, охватывали озноб и жар, сопровождавшиеся головной болью. И говорил он в себе: «Вот, я болен и скоро умру. Поднимусь же прежде смерти и сотворю молитву». И лишь только завершалась она, прекращался и жар. Итак, вот какую мысль противопоставлял брат, совершая молитву и побеждая лукавого». Стало быть, любую скорбь делатель молитвы должен преодолевать...

— Отче, мне хотелось бы, чтобы вы подробнее рассказали о сердечной скорби. Знаю, что отцы придают большое значение ей и рассматривают ее как удобный путь при прохождении Иисусовой молитвы. Если сочтете нужным, выскажите мне какие-нибудь мысли по данной теме.

— Истинно то, что ты только что сказал. Отцы, занимавшиеся Иисусовой молитвой, или, лучше, жившие в ней, проходили через эту ступень и, следовательно, придавали ей большое значение. Эта скорбь должна прийти — это, безусловно, понятно тем, кто постоянно занимается Иисусовой молитвой. Они придают ей большое значение, ибо, благодаря этой скорби, уразумеваем, что ум сходит в сердце и по действию Духа Святого соединяется с ним — и воцаряется мир в душе и теле, очищается мыслительная часть души и ясно различаются помыслы. Они лишь тогда могут быть хорошо различимы, когда мы поймем их развитие и результат, к которому они ведут. Исихасту,

внешне не совершающему греха, прекрасно знакомо состояние грешника. Это происходит потому, что, вследствие аскетического опыта, он хорошо знает прохождение помысла в уме — его путь и завершение. Вот почему наблюдается следующий факт: подвижник, у которого под действием молитвы сердце становится чрезвычайно восприимчивым, может в то время, когда молится за кого-либо, почти тотчас понять, в каком состоянии тот находится. Он становится прозорливым.

Но изложу все по порядку.

Ранее мы говорили о том, что молитва имеет целью единство всего человека, то есть трех сил души. Нужно сосредоточить внимание в сердце. Вначале сердце должно почувствовать действие молитвы, затем ум и сердце соединяются. Ибо, по словам отцов, прежде всего сердце чувствует присутствие Божие, присутствие благодати, и только потом их воспринимает рассудок. Отцы вначале жизнью познавали Бога, а потом уже богословствовали, отстаивая свой жизненный опыт. Итак, сердце чувствует теплоту и сладость присутствия Святого Духа. Напротив, отсутствие благодати узнается по равнодушию и холодности сердца. Повторяю: вначале любят Бога сердцем, а затем умом. Заповедь Господня ясна: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим...»* (Лк. 10, 27). Возможно, вы знаете, что разум не отвергается Церковью, но после грехопадения ему не хватает гибкости для постижения Бога. Однако, когда разовьется внутреннее духовное чувство, тогда и он будет в состоянии воспринимать Бога. Сердце же способно судить о том, падаем

ли мы или храним заповеди Божии. Единство ума и сердца достигается только по действию Всесвятого Духа. Покаянием и хранением заповедей Христовых мы приобретаем благодать, и ее действием ум находит сердце и соединяется с ним. Это важный шаг в Иисусовой молитве и богозрении. Вот почему сердце человека должно быть сокрушенным. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Разумеется, для того, чтобы свести ум в сердце, многие пользуются различными способами, но надо сказать, что самый безопасный — покаяние. Следовательно, очень хорошо, оплакивая свои грехи, иметь скорбь в сердце (иногда же и теплоту) и вообще улавливать сердечные движения и чувства. Но это должно совершаться постепенно. Может случиться, что резкое действие молитвы в сердцах немощных и неочищенных вызовет небольшое нарушение, которое хотя и не будет иметь серьезных последствий, однако остановит молитву. В такой скорби советуют творить Иисусову молитву устами. Но если сердце в состоянии, рекомендуется внимать ему и при скорби. Конечно же, это предстоит определить нашему рассудительному и духоносному отцу. Эта скорбь целительна, естественна и спасительна. Многие подвижники считают, что у них порок сердца; они посещают врачей, и те не находят у них никакой болезни. Это скорбь благодатная. Она говорит о том, что молитва сошла в сердце и действует там. Это весьма важный шаг.

— Я слышал, что многие святые чувствовали, как молитва начинает действовать в сердце в определенный момент; они хорошо чувствова-

ли, что она — дар Божий по ходатайству Богородицы. Верно ли это?

— Разумеется. Многие святые-исихасты прекрасно осознают момент, когда молитва начинает действовать в сердце. И тогда они непрерывно ее творят, какой бы ни занимались работой. Она не прекращается в них вообще. Действительно, они воспринимают ее и как дар Пресвятой Богородицы. Святой Григорий Палама, молившийся перед иконой Богородицы и повторявший: «Просвети тьму мою», — стяжал дар богословия. Нужно сказать, что любовь к Богородице тесно связана с любовью ко Христу. Мы любим Богородицу, поскольку любим Христа, или же любим Ее, желая достичь любви ко Христу. Отцы хорошо выразили это. Святой Герман, Патриарх Константинопольский, говорит: «Если бы не предстательствовала Ты, Богородице, никто не явился бы свят... никто не может спастись, кроме как Тобой, Богородице». А святой Григорий Палама говорит: «Она — единственная граница между тварной и нетварной природой; никто не пришел бы к Богу, если бы не Она и Рожденный из Нее Посредник; и не имели бы ни Ангелы, ни люди даров от Бога, кроме как через Нее». Многие дары получаем мы благодаря Богородице. Дав нам величайший дар — Христа, не подаст ли Она и другие? Поэтому, молясь, мы должны говорить не просто: «Предстательствуй за нас», — но: «Пресвятая Богородице, спаси нас».

— Мне хотелось бы вернуться к тому вопросу, который возник у меня, когда вы говорили о единении ума и сердца. Ум, сошедший в сердце, пребывает там постоянно? Если это так, каким

образом человек может трудиться, выполнять свое служение?

— Прежде всего, ум не смешивается с сердцем и не упраздняется. Он становится совершенным и приходит в свое естественное состояние. Неестественно, когда он пребывает вне своей сущности (сердца). Молитвой он отбрасывает все чуждое. После того, как ум сойдет в сердце, остается, если можно так сказать, небольшой «избыток». При таком «избытке» можно заниматься и другими делами, не отрывая ум от сердца. Например, иерей-исихаст во время Божественной литургии молится вслух или говорит что-либо соответствующее при совершении Таинства диакону или другому иерею и при этом не изводит ум из сердца. Однако, если «избыток» ума обратить к вещам неподобающим, можно целиком и полностью отсечь его от своей сущности. Вот почему подвижник в часы молитвы перебирает четки — чтобы занять этот «избыток» и не причинить уму зла. Наверное, вы хорошо понимаете, что, благодаря этому «избытку», диавол жестоко воюет против нас.

4. Война диавола и противоборство ему

— Только что вы открыли мне, что диавол ожесточенно борется с нами. Для чего он воюет против нас, какими способами и приемами? Очень хочу услышать ваше мнение, чтобы научиться правильно подходить к высказываниям людей, говорящих о молитве. Ибо многие разное утверждают, и я не знаю, не от лукавого ли такие высказывания. С великой жаждой выслушаю ваше мнение.

Не говоря ни слова, святой и мудрый пустынник вновь взял в руки «Отечник», неторопливо открыл его и начал читать: «Спросили авву Агафона братия: "Какая добродетель, отче, в монашеских подвигах требует наибольшего труда?" Он ответил им: "Простите меня, но думаю, что нет большего труда, как молиться Богу. Ибо всегда, когда человек собирается помолиться, враги усиленно стараются отвратить его от этого, зная, что великим препятствием для них является молитва к Богу. Ибо какой бы образ жизни ни вел человек, он в терпении приобретает упокоение. Молитва же до последнего дыхания требует борьбы"».

Он закрыл «Отечник» и продолжал:

— Святые отцы учат, что человек если и не находится под властью бесов, то, тем не менее, непременно испытывает их влияние и воинственную ярость. Бесы постоянно крутятся подле души, стараясь любым способом ввергнуть верующего в грех — чувствами ли (когда предмет находится близко), мечтаниями ли (когда лицо или предмет удалены) или же восстанием плоти. Ибо весь человек, состоящий из души и тела, подлежит воздействию и пленению сатаны. Эта воинственная тактика лукавого особенно проявляется в часы молитвы. Все подвизающиеся в умном делании каждое мгновение видят, как лукавый яростно воюет против них. Они ясно видят, как диавол использует любые средства, лишь бы отвратить их от памяти о Боге. Они видят все уловки лукавого беса, ненавидящего людей и добро. Как говорит Марк Подвижник: «Когда диавол заметит, что ум молится из сердца, тогда нападает великими и изощренными искушениями». Он чрезвычайно ненавидит лю-

дей; ненависть же его особенно увеличивается, когда он наблюдает, как вместе с молитвой они уподобляются Ангелам и занимают его место, которое он имел до падения. Эту ненависть, по причине богоподобия человека, описывает святитель Григорий Нисский: «Если люди уподобляются Богу, от ненависти и зависти бесы сохнут, поскольку сами отпали от близости к добру». Итак, каждый подвижник может многое поведать о войне с диаволом. Видя его действия, подвижники жалеют его.

— Жалеют? — переспросил я. — Простите, но я не могу понять, как и почему.

— По причине его ужасного положения и падения. Он был создан, чтобы служить Богу и славословить Его; ныне же впал в противление Божественному делу, воюя против человека, которого так возлюбил Бог. Теперь диавол — дух постоянного разрушения любого благого единения. Он — начальник раскола. Бог желает единства, он — разделения. Бог желает спасения, он — гибели. Он всячески подвигает человека к восстанию против Бога и против Церкви...

— Как же находят подвижники силы все это любить?

— По богатому дару благодати, которым обладают. Она столь обильна в них, что они непрерывно желают всех любить. Отбросив страсти, их сердце стало необъятным; оно горячо желает вместить в себя всех. Очистившись, подвижники любят Святую Троицу, Пресвятую Богородицу, святых, грешников, природу, животных... И поскольку «есть еще место», они любят и диавола... Они воспринимают его как мертвого духа, удалившегося от Животворящей

Божественной благодати и сообщающего смерть всем тем, кто приближается к нему, или же стремящегося передать ее всем желающим спасения. Увы! — помышляют исполненные Божественной любви подвижники. — Ад уготован диаволу и аггелам его. Как же не жалеть их?

— Мы, — сказал я, — омраченные плотскими страстями, ослепленные мирским разумом, порабощенные лукавым, «не ведаем замыслов его». Не приобретаем богатства благодати Христовой, чтобы в этом свете видеть все коварные и злодейские движения сатаны. Вы же, наблюдающие нападения и усилия его, можете поведать нам, какие обычно способы использует он, чтобы отвратить человека от подвига молитвы, которая реально приводит человека к единению с Богом.

— Отец мой, то, что я скажу, будет трудно понять. Это может показаться вам странным и преувеличенным. Монахи, живущие в миру, не понимают борьбу монахов Святой Горы и яростные нападки лукавого. Но мы видим ее на каждом шагу. Кое-что я расскажу, чтобы помочь вам и доставить пользу.

Я застыл на месте — не двигаясь, весь превратившись во внимание, желая услышать мудрые наставления старца и понять многообразные ухищрения лукавого. Он начал говорить о приемах диавола против тех, кто полюбил Иисусову молитву; он не стремился создать впечатление, что сказанное им было его личным подвигом.

— Только мы приготовимся молиться, тотчас и сатана готов к обороне и нападению. Это должен знать делатель молитвы, чтобы не смущаться, когда испытывает первые внезапные

нападения и затем яростные атаки диавола, который бросает против подвижника все боеприпасы, которыми владеет. (В то время, как пустынник говорил это, у меня зародилась мысль, что я нахожусь около опытного в духовной брани стратега, имеющего много наград и славных побед и увенчанного многими венцами.) Поначалу он отвращает его от молитвы, склоняет заняться другим, общественным, трудом. Затем напоминает о событиях, различных лицах, состояниях...

— Мне очень хотелось бы услышать о некоторых конкретных приемах, с которыми мы, живущие в миру, незнакомы. Открою вам нечто. После ваших слов я почувствовал, как можно ненавидеть диавола, или, скорее, его дело, и одновременно жалеть его.

— Это, отец мой, мы переживаем ежедневно. Мы чувствуем ненависть к тому, что он делает, но одновременно и любовь к нему самому, которая выражается в жалости к обольстителю. Чтобы ответить на вопрос, скажу следующее: цель Иисусовой молитвы — стяжать Христа, Царство Иисусово в сердце, чтобы открылось Царство Божие в нас, зажглась искра благодати, которая ныне сокрыта под пеплом греха. И тогда исполнится прошение молитвы: «Да приидет Царствие Твое». Однако сейчас, как уже говорилось ранее, сердце помрачено мглой греха и бесы орудуют в нем. Лукавый установил господство над сердцем (но не над его центром, ибо только действие Святого Духа, будучи нетварным, соединяется с душой и все контролирует). Временами (поверь мне, отец мой) я вижу свое сердце подобным зоологическому саду. Все страсти, похожие на животных, находятся там

и завывают. Хорошо описывает это святой Григорий Палама: «О! Человек стал человекоубийцей, не только уподобившись скотам несмысленным, но и пресмыкающимся и ядовитым животным — скорпиону, змее, порождениям ехидниным, — тот, кому назначено быть сыном Божиим». В молитве же мы стремимся, чтобы после усвоения умом сладчайшего имени Иисусова сошел в сердце Христос во всей Своей славе и сиянии и изгнал лукавого, омрачающего различными страстями душу уже после того, как она получила для своей защиты благодать. Итак, пришествием Христовым душа просвещается, получает «благодать на благодать». Чем более приближается Господь, тем более удаляется лукавый — с криком и воплем поражения, которое потерпел; отголоском этих воплей являются искушения, наводимые им.

— Как только вы сказали это, отче, я вспомнил бесноватых, которые, едва увидев Христа, начали кричать: *«Что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас»* (Мф. 8, 29). Или другой случай — с юношей, одержимым злым духом. Господь сказал: *«Дух немый и глухий! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него»*. И бес, *закричав и сильно сотрясши его, вышел...* (Мк. 9, 25–26). Думаю, что какую-то связь со сказанным вами они имеют. Но, может, я ошибаюсь?

— Нет, вы правы. Есть и другие примеры, подтверждающие сказанное. Когда Господь сошел в ад, Он освободил праведников, веровавших в Него. В церковной службе образно говорится о скорби ада: «Ныне ад, стеная, вопиет: «Благо мне было бы, если бы я не приял Рожденного от Марии; ибо, сошед в меня, Он

разрушил мою силу и врата медные сокрушил, того, над чем царствовал, я лишился и тех, кто, нисходя туда, попадал в мою власть, — всех извергнул; опустошил гробы Распятый на кресте». И еще — разве не сказал Сам Христос: *«Как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? И тогда расхитит дом его»* (Мф. 12, 29)». То есть приход Христа в сердце, в котором орудует лукавый, связан с бегством и связыванием его; вполне естественно, что он завывает, ревет и вопит чрезмерно. Господь пришел «разрушить дела диавола». В предначинательном псалме есть следующая фраза: *«Возсия солнце, и собрашася* (дикие звери) *и в ложах своих лягут»* (Пс. 103, 22). Отцы-подвижники учат, что подобно тому, как при восходе солнца дикие звери укрываются в расщелинах и скалах — своих норах, так и при появлении в наших сердцах солнца благодати бегут и скрываются бесы.

— После того, как лукавый связан, естественен покой?

— Происходит противоположное. Диавол особенно ненавидит и стремится любыми средствами (большей частью извне) одержать победу над верующим и войти в сердце, когда угасает (скрывается) благодать Божия. *Идет и берет с собой семь других духов, злейших себя* (Мф. 12, 45. Лк. 11, 16), для брани. Как раз в этом заключается смысл искушений. Мечтание — легчайшая брань сатаны. Мечтание, связанное с прошлым, и мечтание, связанное с будущим. Мечтание о добрых делах и мечтание о делах злых. Приходят различные помыслы и занимают ум с целью воспрепятствовать призыванию имени Иисусова. Диавол старается, чтобы чело-

век не проявлял интереса к Богу, чтобы не обнаруживал своей любви. Главным образом, он приводит ему на память различные падения, которые тот совершил в своей недавней, предшествующей жизни. Святые отцы говорят, что обычно война тем сильнее, чем сильнее были предшествующие страсти. Необходимо за каждое удовольствие воздать аналогичным страданием. В подвижнической жизни отцов наблюдается тесная связь между удовольствием и скорбью. Удовольствие вызвало падение и страдание, и, следовательно, страдание (скорбь) возвращает человека в первоначальное состояние и исцеляет его. Итак, подвижнику предстоит много пострадать, воздать за каждый помысел и злое удовольствие аналогичной скорбью, пока не наступит равновесие. События, имевшие место много лет назад, и пережитые в них удовольствия, которые с течением времени были забыты, ныне оживают во всей своей силе и напряжении. Благодаря этому можно ввергнуть человека в отчаяние и безнадежность. Помимо того, подвижнику приходят помыслы хулы, неверие в великих вопросах веры, сомнение в Божественности Христа, непризнание Пресвятой Богородицы и святых и т.п. Часто они возникают и произносятся устами в часы молитвы, без понимания и желания этого со стороны подвижника.

Иной раз приходит бес беспечности. Или же настойчивая мысль оставить это место и удалиться от своего старца, поскольку якобы некто другой является лучшим, нежели он. Часто зарождается страшная ненависть к нему. Бывают случаи, когда послушник приходит к старцу и говорит ему со слезами и воздыханием: «Не могу хорошо объяснить, но скажу, как

чувствую: я ненавижу тебя. Не желаю тебя видеть. При твоем появлении во мне возникает ужасное противление!» Часто, чтобы остановить молитву, приходит сон. Существует множество других искушений, но я хочу остановиться только на этих.

— Как может перенести такие муки подвижник? Каким же образом он выдерживает столь лютую, агрессивную ярость? — спросил я. — Ответь мне, отче, не молчи.

В глубокое молчание погрузился подвижник. Кто знает, какой огонь он претерпел? Кто знает, какие искушения...

— Отче, продолжай! Поведай мне способы противодействия.

— Здесь требуются настойчивость, терпение и мужество. Главным образом — МУЖЕСТВО. Нельзя колебаться. Мечтаниям нужно противопоставлять непрерывное призывание имени Иисусова и сосредоточиваться на словах молитвы. Мужественно стоять в тесноте молитвы. Не размышлять в часы молитвы ни о благих, ни о злых делах. При скорби иметь уверенность, что, как мы говорили ранее, начинается исцеление. *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но, когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир* (Ин. 16, 21). Так и здесь: вместе со скорбью образуется новый человек, созидается другая жизнь — жизнь во Христе. Помыслами хулы, как говорят богоносные отцы, нужно пренебрегать. Только таким образом они исчезают. Они не наши, но от лукавого. В этом случае нас укрепляют слова Господа: *«Не можете служить Богу*

и мамоне» (Мф. 6, 24) — то есть ум не может заниматься двумя предметами одновременно. Не может, с одной стороны, услаждаться сладчайшим нектаром молитвы и одновременно в часы молитвы колебать ее силу чем-либо иным. Последнее представляет собой нападение лукавого. Нужно пренебрежение или же, в случае, если хульный помысел яростно атакует, исповедание духовнику. Тогда он тотчас исчезнет. То же и относительно долговременных помыслов. Помысел, который постоянно присутствует, особенно в молитве, нуждается в исповеди. И диавол, который скрывается за ним, тотчас исчезнет, подобно змее, когда мы поднимаем камень. При сонливости требуется особая борьба. Здесь, на Святой Горе, многие отцы ставят скамеечку с одной ножкой: когда их одолевает сон, падают с нее и просыпаются. Они поистине сражаются с диаволом. Я знал одного монаха, у которого в келлии был сосуд, полный воды; когда монаха клонило ко сну, он начинал переносить сосуд с места на место и таким образом боролся с диавольским духом сонливости. Помимо того, нужно видеть в старце образ Христа. Он — Моисей. Благодаря его силе и молитвам ты выйдешь из рабства египетского и избавишься от тирании фараона (страстей). Подвижник должен бороться с тем, чтобы не замечать немощей старца, которые раздувает диавол, но видеть его любовь к Богу и добродетели, свойственные ему. Если же случайно подтвердится, что старец имеет много согрешений и страстей, надо избегать осуждения, но сокрушаться и пролить обильные слезы о них,

как о своих грехах. Весьма выразительно описывает это состояние святой Симеон Новый Богослов: «Когда, будучи в общежительном монастыре, ты не захочешь находиться подле постригавшего тебя отца твоего, поскольку видишь его пьяным или творящим блуд, и сочтешь ты вредным для себя проводить жизнь в монастыре, если он бьет тебя, бесчестит и подвергаешься ты многим другим скорбям, не внимай этой брани против него и не предавайся осуждению. Терпи до конца и не рассматривай таковое зло. Когда же увидишь его подвизающимся в добродетели, сохрани это в сердце своем и запомни его столь понуждающим себя. Если же увидишь его творящим или говорящим неподобное, припиши это себе и помышляй о своих таковых согрешениях, и кайся со слезами, считая отца святым и призывая имя его в молитве». Это делается для того, чтобы избежать осуждения старца, ибо в таком случае теряются послушание и смирение (которое является основой и конечной целью послушания) и, стало быть, утрачивается само спасение. В помыслах *беспечности и бегства* от старца требуются твердое противостояние и огромное терпение, последнее необходимо и при личных нападениях.

— Личные нападения? — переспросил я. — Что это? Что подразумевается под ними?

— Здесь позвольте мне не продолжать. Ибо вы, наверное, не поймете меня. Это может показаться странным, ибо мы не знаем аскетической жизни.

— Отче, стремлюсь научиться. Очень прошу вас, именем Иисуса Христа, научите меня. Сей-

час, когда я обрел возможность научиться, я не хочу ее терять. Скажите мне.

Я понимал его великое затруднение. Что он мог сказать нам, имеющим «кожаные ризы» падшего разума?

— Не стану говорить вам многого, но лишь некоторое. За келлией слышатся голоса, смех, сильный шум, словно собрался весь мир. Все это для того, чтобы отвлечь внимание от молитвы. Часто сам диавол приближается к подвижнику. В таких случаях чувствуется жуткий страх. Душу и тело охватывает великая скорбь, не сравнимая со страхом присутствия разбойников. Ибо весь ад приближается к монаху. Чтобы устрашить его, диавол принимает вид разных животных. В Житии святого Саввы повествуется, как сатана превращается в змею, скорпиона, льва и т.п. «Когда он прилег на песке, в полночь, сатана, стараясь устрашить его, стал преобразовываться в змей и скорпионов. В другой раз явился ему в образе нападающего и зловеще угрожающего льва». Иной раз бесы представляются держащими в руках огонь, которым они вот-вот подожгут делателя молитвы, о чем говорит и святой Симеон: «Стоя вдалеке, они старались устрашить меня, угрожая зажженным огнем, который держали в руках; сильно кричали и гремели...»

Часто, когда подвижник сидит на скамеечке и повторяет Иисусову молитву, он чувствует две руки, готовые задушить его. Они крепко сжимают его шею и не позволяют продолжать молитву. Начав молитву, после слова «Господи» монах не может продолжить: ему трудно приступить к спасительному слову «ИИСУСЕ». Запинаясь, он повторяет: «И, И, И, ИИ, ИИ, ИИС...» И лишь толь-

ко с великим усилием проговаривается все слово, как диавол становится невидимым. Ко мне приходили монахи из других монастырей и рассказывали о групповых нападениях, имевших цель запугать и устрашить. Особенно в то время, когда монахи готовились к всенощному бдению.

— Что значит «групповые нападения»?

— В эти часы диавол нападает на 2, 5, 10 монахов и готов их задушить или сделать что-либо иное. Иной монах бывает столь сильно устрашен, что выбегает из келлии и, напуганный и охваченный трепетом, находится подле келлии старца, пока тот не проснется. Миряне не могут понять ценности бдения. Оно сжигает и уничтожает лукавого, который делает все возможное и невозможное, чтобы помешать ему, поскольку знает, что будет изгнан целонощными молитвами. И он внушает идеи журналистам и прочим, с целью воспрепятствовать осуществлению всенощных бдений. Вот почему прошу вас не оставлять этого дела — всенощных бдений в той епархии, где вы служите, поскольку таким образом побеждается диавол.

— Мы, отче, очень грешны и не чувствуем телесных нападений лукавого. Это оттого, что мы в его власти, зачем ему нападать на нас? Столь мы грешны.

— Можно мне сделать небольшую поправку?

— Конечно, — ответил я. — Не только можно, но и нужно.

— Не говорите, что на вас не нападает диавол лично*, поскольку вы грешны. Это вводящая в заблуждение мысль. Ее может использовать сатана против вас.

---

* Т. е. явно, в своем собственном виде.

— Каким образом?

— Лукавый слышит, как вы говорите, что по причине греха недостойны стать объектом его личного нападения. И когда случится вам сделать что-либо доброе (например, исполнить какую-то добродетель), он может явиться, чтобы создать впечатление (поскольку вы верите своей мысли), будто нынешнее его явление означает, что вы кое-что собой представляете, и таким образом ввергнуть вас в гордость и тщеславие.

Я быстро наклонился, пока старец не понял, что я хочу сделать, схватил его руку и с благоговением и любовью поцеловал ее, преклоняясь перед духовной мудростью подвижника, которую он имеет и которую приобрел после стольких лет борьбы.

— Часто диавол, являясь, — продолжал старец, — заговаривает с подвижником, призывая начать беседовать с ним. Иногда осуждает его, иногда превозносит, иногда насмехается, иногда вкривь истолковывает некоторые события и т.п. Неопытные в духовном делании вступают в беседу с диаволом и отвечают на вопросы и оскорбления. Это является ошибкой, особенно же для новоначальных, поскольку несведущие в таких случаях побеждаются, даже если кажется, что от их возражений лукавый обращается в бегство. Остаются некоторое беспокойство и страх. Позднее, вспоминая сцену и все сказанное, они колеблются и приходят в замешательство. Отцы советуют тем, кто не имеет достаточно сил и условий, ничего не отвечать, не проявлять интереса и пренебрегать. То же делать и в мысленной брани. Пренебрегать помыслами и настойчиво стоять в Иисусовой молитве.

После небольшого молчания старец продолжил:

— Во всех этих искушениях нужно твердо пребывать в Иисусовой молитве и, вообще, стараться находиться в молитвенном состоянии. Говоря «состояние молитвы», я имею в виду пост с рассуждением, бдение, телесное злострадание, молчание — и все это делается в духе послушания и по благословению нашего духовного руководителя.

— Почему телесный подвиг (пост, бдение, молчание, коленопреклонение) столь тесно связан с молитвой и считается молитвенным состоянием?

— Тело принимает участие в деле молитвы. Если же оно принимает благодать, то должно и подвизаться. Кроме того, телесными упражнениями и скорбями мы создаем условия для принятия Божественной благодати. Обосновывая это, святой Григорий Палама приводит в качестве примера Таинство Священства. Там Божественная благодать передается избранному диакону, или пресвитеру, или епископу не только в молитве, мысленно творимой, но и при содействии тела, через прикосновение. То есть архиерей не просто молится о том, чтобы снизошла Божественная и Животворящая благодать, но и возлагает руку на главу рукополагаемого. То же происходит и в Иисусовой молитве. Для принятия благодати недостаточно лишь мысленно произносить ее; требуется участие тела, поскольку весь человек состоит не только из души, но и из тела, которое также должно спастись. Следовательно, основываясь на учении отцов, мы можем с уверенностью утверждать, что отвергающий начала молитвы (страх, сле-

зы, скорбь, стенание, молчание) отвергает саму сущность молитвы. Повторяю, однако, что все сказанное нужно осуществлять по благословению духовного отца, чтобы не воспользовался этим диавол.

— Трудна борьба, — размышлял я. — Трудно молитвенное делание, каким вы описали его мне. Если такова война диавола, если так мучительны для нас яростные волны лукавого, всего его сатанинского царства, то как можно это выдержать?

5. Приход и сокрытие благодати

— Да, по этому вопросу мой долг просветить тебя еще немного. Подвижники знают, что диавол лукав, но знают также, что он побежден и бессилен. Они на опыте испытали ненависть сатаны, но познали также человеколюбие и сладчайшую любовь Христову. В этой войне человеколюбие Божие одерживает верх. Господь постепенно приходит в душу, и чем более Он приближается, тем бóльшую дает благодать и радость. После каждой битвы в душе воцаряются неуразумеваемая, невыразимая и неизъяснимая благодать, радость, тишина и покой. «Начало молитвы — истинная, сердечная теплота, попаляющая страсти и производящая в душе веселие и радость», по словам святого Григория Синаита. И мы хорошо это чувствуем, поскольку приобретаем состояние, которого ранее не имели. Все в нас утихает и умиротворяется. Молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» — совершается как славословие. «Слава Тебе, Боже!» Тогда мы делаем упор, главным образом, на слове «ИИСУСЕ», ибо

«Иисус присутствует». Память об Иисусе, сосредоточивающаяся вместе с умом в сердце, дается без труда и больших усилий. И каждый раз какой сладостью наполняется сердце! Мы не желаем утратить эти божественные часы и чрезвычайно тоскуем о них. Мой приснопамятный старец шесть часов творил Иисусову молитву, а ему казалось, что прошло лишь четверть часа... Радость приходит, как волны. И тогда бьется сердце. Многие отцы говорят о готовности сердца выпрыгнуть.

— Отче, я вспомнил, что таким же образом истолковывает преподобный Никодим и молитву Пресвятой Богородицы: *«Возрадовася дух Мой о Бозе, Спасе Моем»*.

Действительно, в тот момент мне вспомнилось поучение святого Никодима. «И ликует делатель молитвы, и от чрезвычайной и сильной радости стучит, трепещет и бьется его сердце; и приходит оно в восторг; о таковом ликовании отцы-подвижники говорят, что сердце от действия Божественной благодати прыгает и скачет». И продолжает далее: «И, когда посещает благодать и Дух Святой таинственно действует в душе твоей, сердце твое по причине священной и так называемой сердечной молитвы готово выпрыгнуть». Об этом свидетельствуют многие отцы Церкви. Так, святой Григорий Палама, вслед за Василием Великим и Афанасием Великим, считает трепет и биение сердца, ликующего от любви к Благому, признаком благодати.

— Да, — отвечал святой и искушенный подвижник. — Так оно и есть. После героической и исполненной скорбей борьбы в сердце приходит благодать Христова и умиротворяет его. Но

не одним и тем же образом она приходит ко всем. Это зависит от духовного преуспевания человека и от Святого Духа, который действует, «якоже хощет», во благо. «Различным образом является первоначально благодать в молитве, и многообразны разделения Духа... Он по Своей воле обнаруживает Себя и дает Себя познать...» Пример — пророк Илия. Он почувствовал сначала *ветер большой, сильный, раздирающий горы,* затем землетрясение, огонь, веяние тихого ветра, «и там — Господь». Преподобный Григорий Синаит поясняет, что к некоторым (главным образом, новоначальным) Он приходит, как дух страшный, который раздирает горы страстей и сокрушает ожесточенные, окаменевшие сердца (то есть подразумеваются покаяние и слезы о предшествующей греховной жизни). К преуспевающим приходит, как землетрясение; здесь речь идет о ликовании (прыгании, о чем мы говорили ранее), горении сердца. К преуспевшим — как веяние легкое, свет умиротворенный. Новоначальные частично принимают благодать, в то время как преуспевшие вмещают ее всю. Зачитаю вам полностью это место из сочинения преподобного Григория: «По образу Илии Фесвитянина является благодать и нам. К некоторым приходит, как ветер страшный, раздирающий горы страстей и сокрушающий скалы — ожесточенные сердца — так, что пригвождаются они страхом и умерщвляется плоть. К другим же — как землетрясение, или ликование (которое отцы назвали сильнейшим биением), — невещественное, возникающее внутри и как бы беспричинное. И, наконец, к совершенным — как веяние легкое, свет умиротворенный; в преуспевших в молитве действует

Господь, и Он таинственно является в дуновении. Поэтому Бог говорил Илии на горе Хорив, что не в том и не в том Господь (не в некоторых действиях на новоначальных), но в веянии тихого ветра, именно здесь Господь, указавший этим явлением на совершенную молитву». Итак, понятно, что каждый раз, когда нас посещает благодать (сообразно с личным подвигом и смирением), она приходит в более совершенном виде.

— То есть благодать приходит и уходит?

— Да, — отвечал святой пустынник. — Приходит и уходит, чтобы снова прийти и опять скрыться. Бог посылает Свою благодать и ограничивает ее. В начале умного делания периоды времени от уменьшения благодати до ее возвращения весьма велики. Однако после долгого упражнения они становятся весьма малы. И подвижник знает эти посещения, но он знает и сокрытия благодати.

— Но почему это происходит? Что за нужда в явлении и отдалении?

— Приходит для того, чтобы утешить и усладить; уходит для того, чтобы дать возможность усвоить, искать и смиряться. То есть для того, чтобы мы поняли, что благодать была Божественным даром и что, следовательно, мы совершенно недостойны принять ее. Многие монахи по опыту хорошо знают эти «искушения благодати», которые могут длиться много лет. Приход и уход... В первом случае она укрепляет монаха, наполняя его божественным утешением. Как бы говорит ему: «Я здесь!» Во втором случае уходит, чтобы быть усвоенной. А это труднейшее делание. Нужно много трудиться и молиться, чтобы усвоить Божественную благодать, которую

имел. Ибо среди монахов бывают случаи, когда, приняв ее, они впоследствии ее отвергали. Не то ли произошло и с Апостолом Петром? На горе Фавор он получил обильную благодать, но, будучи не готов усвоить ее, впал в состояние отречения от Христа. Этап усвоения связан со скорбным поиском. Монах теперь знает, что она есть (по ее явлению), и это понуждает его с плачем искать. Он скорбит, подобно ребенку, ищущему скрывшуюся мать: «Где Ты, Свете мой? Где моя радость? Зачем оставил меня, и печалью наполнилось мое сердце? Зачем скрылся от меня, и скорбит душа моя? Придя в мою душу, Ты попалил грехи мои. Приди и ныне в душу и снова сожги мои грехи, которые скрывают Тебя от меня, как облака скрывают солнце. Приди и возвесели меня Своим пришествием; зачем медлишь, Господи? Ты видишь, как унывает душа моя, и я со слезами ищу Тебя. Куда Ты скрылся? Почему душа моя не видит Тебя, везде сущего, и я со скорбью ищу Тебя? Не с такой ли скорбью искали Тебя, когда Ты был малым дитятею, Пренепорочная Дева Мария и Иосиф? О чем помышляла Она в печали Своей, не находя возлюбленного Сына Своего?»

Преподобный Серафим Саровский от скорби на брата лишился Божественной благодати. И не было большего несчастья для него. Только тогда он мог понять скорбь Адама, который, утратив богообщение, покинул рай и плакал. И провел преподобный Серафим тысячу дней и тысячу ночей на камне, ища Божественную благодать, и сошел с него только тогда, когда обрел ее.

— Итак, — продолжал старец, — благодать уменьшается для того, чтобы дать сердцу пред-

лог любить и жаждать еще большего. Ныне у него есть опыт ее сладости и горькой пустоты при ее отсутствии, и ищет оно ее, впрочем, не разочаровываясь и не впадая в маловерие. Следует еще добавить, что после того, как обильная благодать охватит ум и введет его в экстаз, она весьма быстро и покидает его (главным образом, это происходит поначалу) — чтобы не подвижник погиб. Чтобы с ним не случилось, как с несмышленым дитятею, которого рвет, когда он много поест. Об этом говорит святой Симеон:

> «Тогда небольшое как бы сияние легкое и едва заметное,
> Внезапно охватив ум, введет его в экстаз,
> Вскоре оставив, чтобы он не погиб.
> Оно так скоротечно, что ни уловить,
> Ни красоту его запомнить или сблизиться с ним не может видящий.
>
> Ибо, если младенец будет есть пищу мужей совершенных,
> Он тотчас лопнет, и повредит себе, и извергнет ее вон...
> С того времени же благодать направляет, укрепляет, обучает,
> Появляясь и исчезая.
>
> Не тогда, когда мы пожелаем (ибо это дело совершенных),
> Но когда мы оказываемся в крайней нужде и окончательно обессиливаем,
> Приходит она на помощь, является издалека
> И делает так, что я ощущаю ее в моем сердце».

Приход и исчезновение благодати имеет спасительный характер. Она приходит помалу, очищает человека от страсти и уходит. Вновь

приходит для того, чтобы очистить от другой страсти и так далее, до тех пор, пока с помощью Божественной и Животворящей благодати человек не очистит страстную часть души. После упорной борьбы и многих жертв наступает момент, когда благодать почти укрепляется в сердце, и водворяются там постоянная тишина, непрестанное безмятежие, вечная сладость. Фавор в душе. Небо на земле. Царство Божие в сердце. Святая Троица внутри нас. Человек по образу и подобию Божию.

— Как велика любовь Божия! — думал я. — Недавно я прочитал в одной духовной книге слова, полностью созвучные мыслям старца. «Если не испытаешь на себе нападений, ловушек и искушений лукавого, не сможешь понять и оценить тех благодеяний, которые дарует тебе Утешитель. Если не узнаешь духа тьмы, не сможешь узнать Животворящего Духа. Не узнаешь на опыте Живодавца Христа». Как велика любовь Христова! Он знает, как использовать козни лукавого во благо. Как претворить горечь в сладость. Как обратить ненависть диавола к человеку в любовь человека к Богу. Так что мы понимаем: что бы ни делал диавол, он, в конце концов, убивает самого себя. Губит себя. Разумеется, он воюет против людей, и Бог предоставляет ему свободу, ибо он — личность и, следовательно, будучи творением, имеет свободу, которую чтит Создатель, хотя и ограничивает разрушительную деятельность лукавого Своим состраданием к людям и Своей любовью. Однажды я слышал, как некий подвижник говорил, что малую гордость Бог обращает Своей любовью в смирение, которое и привлекает благодать. То есть едва только превознесется хри-

стианин, наступает падение. После падения, приняв Божественную благодать, он кается и смиряется еще более. И, таким образом, постепенно очищает себя от сатанинского и нечистого греха гордости. Еще раз можно повторить, что диавол разрушает самого себя.

Старец поднялся и сказал мне:

— Наступило время вечерни. Совершим ее по четкам. Выйди в ту комнату и читай Иисусову молитву, пока я не позову тебя для продолжения беседы. Никогда не следует забывать о сладостной Иисусовой молитве.

Я вошел в келлию, на которую он мне указал. Старец возвел меня очень высоко, и было хорошо, что он остановился и дал мне возможность отдохнуть. Келлия оказалась крохотной, точно такой, как все келлии на Святой Горе. Посреди находилась небольшая жесткая лежанка — несколько досок, закрепленных на двух деревянных ножках. Поверх досок — покрывало. Ничего напоминающего мир и комфорт. Маленький столик со старой потемневшей керосиновой лампой и скамеечка для продолжительных ночных молитв. На стене — иконы Спасителя и Богородицы, Которую особенно чтят монахи-святогорцы, ибо Она — Хранительница, Заступница и Госпожа Святой Горы. Необходимое дополнение келлии — несколько пауков, особенно по углам. Откуда здесь взять время для тщательной уборки? Войдя и окинув быстрым взглядом келлию, я тотчас грузно опустился на пол. Оперевшись о него ладонями, сложенными одна поверх другой, и положив на них голову, то шепотом, то громко начал читать Иисусову молитву. Я проговаривал ее всю, под-

черкивая особенно то ГОСПОДИ, то ИИСУСЕ, то ХРИСТЕ, то ПОМИЛУЙ МЯ, с целью лучше сосредоточить ум на словах молитвы. Сколько времени я, распростершись, находился на полу келлии, не могу припомнить. В такие часы время останавливается. Я думал о своей греховности, о присутствии среди святых богоносных отцов и плакал. В глубине сердца я помышлял о святителе Иоанне Златоусте, о котором несправедливо утверждают, будто он не хотел, чтобы монахи жили в монастырях: «блаженны светильники Вселенной». Блаженны, потому что «их келлия свободна от всякого шума, так же, как и душа — от всякой страсти и болезни, будучи утонченной, нежной и чистейшей легчайшего ветерка. Их делание подобно жизни Адама изначала, до падения, когда он был одет славой, беседовал с Богом лицом к лицу и жил в месте, исполненном всяческого блаженства».

Прошло достаточно времени, когда я услышал голос послушника, уведомлявшего, что старец ждет меня для продолжения беседы. С явными признаками радости и печали по прерванной молитве я приблизился к пустыннику.

— Ну, как вам показался перерыв, сделанный нами? — спросил он меня.

— Не могу вам сказать и ответить, — промолвил я. (Кто знает, возможно, в тот час, когда я находился в келлии, он особо молился за меня и поэтому во мне зародилось такое умиление.)

Подождав немного, я продолжал:

— Я чувствовал тишину, охватившую мою душу. Печаль о своей греховности и радость от любви Иисусовой ко мне. Да. Он очень любит меня, гораздо больше, чем я думаю. Мне кажется,

что и вы это чувствуете постоянно. Возможно, это результат посещения благодати Христовой, которая, естественно, приходит после многолетнего восхождения на гору Иисусову и непрерывного повторения животворящей молитвы.

— Именно так. Только плоды молитвы столь обильны, что невозможно их все представить. Иисусова молитва подобна дереву, изобилующему сладчайшими плодами, каждый из которых прекраснее другого.

— Дайте и мне, лишенному Божественной благодати, некоторые из этих плодов благословенной пустыни. Поделитесь со мной духовным урожаем. По крайней мере, я буду знать о них.

6. Плоды Иисусовой молитвы

— Назову некоторые плоды Иисусовой молитвы, поскольку вижу твое расположение слушать. Иисусова молитва поначалу является хлебом, укрепляющим подвижника, затем становится маслом, услаждающим сердце, и, наконец, вином, «сводящим с ума», то есть вводящим в экстаз и соединяющим с Богом. Теперь более конкретно. Первый дар, который посылает молящемуся Христос, представляет собой осознание греховности. Человек перестает верить, что он хороший, и считает себя мерзостью запустения, стоящей на святом месте (Мф. 24, 15). Бурав благодати сверлит и добирается до глубины души. Каких только нечистот нет в нас! Душа наша смердит. Иногда, когда ко мне приходят некоторые, по келлии разносится зловоние от внутренних нечистот. Неведомое ранее открывается ныне вместе с молитвой, и, как

результат, начинаешь считать себя ниже всех. Ад — единственное вечное жилище для тебя. И наступает время слез. Оплакиваешь своего мертвеца (который внутри тебя). Можно ли плакать о мертвеце, находящемся в соседнем доме, и не оплакивать своего собственного? Так и делатель молитвы не замечает греховности других, но лишь свое омертвение. Глаза его становятся источниками слез, текущих из скорбящего сердца. Он плачет, подобно осужденному, все время взывая: «Помилуй мя! Помилуй мя! Помилуй мя!» По причине слез, о чем мы говорили ранее, начинается очищение души и ума. Как вода очищает грязные сосуды, как падающий дождь очищает небо от туч и землю от пыли, так и слезы очищают и отбеливают душу. Они — вода второго крещения. Итак, молитва доставляет сладчайший плод — очищение.

— Человек очищается совершенно, когда его посещает Божественная благодать?

— Он не очищается совершенно, но очищается непрерывно. Ибо чистота бесконечна. Святой Иоанн Лествичник приводит слова, слышанные им от одного бесстрастного монаха: «Она (чистота) является совершенным, бесконечным совершенствованием совершенных». Насколько кто плачет, настолько очищается. Но чем более очищается, тем более видит нижние пласты греха и вновь чувствует необходимость плакать и т.д. Это прекрасно показывает святой Симеон Новый Богослов:

«Они частыми молитвами, гласами неизглаголанными
И потоками слез очищают душу.

По мере ее очищения, как они видят,
Им посылается еще больший огонь желания и жажды,
Чтобы видеть ее совершенно чистой.

Но так как не могут они обрести свет во всем его совершенстве,
То бесконечно их очищение.

Сколько бы я, несчастный, ни очищался и ни просвещался,
Сколько бы ни являлся очищающий меня Дух,
Мне всегда это кажется лишь началом чистоты и созерцания.

Ибо разве можно найти середину или конец
В бездонной пучине, в неизмеримой высоте?»

То есть, отец мой, как вы понимаете, человек непрерывно совершенствуется и непрерывно очищается. Прежде всего очищается страстная часть души (раздражительно-желательная) и затем ее разумная часть*. Верующий освобождается от плотских страстей (желаний), потом от страстей ненависти, гнева и злопамятства (раздражения) — однако с большей молитвой и напряженнейшей борьбой. Когда удастся избавиться от гнева и злопамятства, ясно, что страстная часть души почти очищена. Далее вся борьба ведется в разумной части. Подвижник подвизается против гордости, тщеславия и против всех суетных (или тщеславных) помыслов. Эта борьба длится до конца жизни. Однако весь этот путь очищения совершается с помощью и действием благодати, чтобы верующий стал вместительным сосудом обильной

* Имеются в виду основные силы души: раздражение, или гнев; пожелание, или вожделение (Прим. пер.).

Божественной благодати. Вот как пишет об этом божественный Симеон:

«Не может человек победить страсти,
Если не придет ему на помощь Свет.

Но даже и от одной не может совершенно
освободиться,
Ибо не может в один момент принять всего Духа
Человек душевный, чтобы соделаться духовным
и бесстрастным.

Но лишь силой Духа совершается все —
Нищета, бесстрастие, самоотвержение,
Отсечение своей воли и бегство от мира,
Терпение в искушениях, и молитва, и скорбь,
Уничижение, смирение, насколько посильно...»

— Но как можно понять, что душа начинает очищаться?

— Это легко, — отвечал мудрый пустынник. — Это быстро становится ясным. Пресвитер Исихий использует прекрасный образ. Как болезненные нечистоты, попав в желудок и вызвав беспокойство и боль, выходят по принятии лекарства и желудок успокаивается и чувствует облегчение, так случается и в духовной жизни. Когда человек принимает лукавые помыслы, он ощущает их горечь и тяжесть (что естественно); молитвой же Иисусовой он легко извергает их, совершенно освобождается от них и чувствует в результате полное очищение. Помимо того, молящийся замечает очищение по тому, что тотчас прекращают кровоточить внутренние раны, наносимые страстями. В Евангелии от Луки мы читаем о страдавшей кровотечением женщине: *«Подойдя сзади, она коснулась края одежды Его; и тотчас течение крови у нее оста-*

новилось» (Лк. 8, 44). Приближаясь ко Христу, тотчас излечиваешься, и «останавливается течение крови», то есть прекращает бежать кровь от страстей. Хочу добавить, что нас перестают соблазнять образы, ситуации, лица, ранее соблазнявшие. А это означает, отец мой, что когда нас беспокоят различные лица и обстоятельства, очевидно — это удары от нападений диавола. В нас действует соблазн. После очищения с помощью молитвы все и вся видится как творение Божие. Особенно на людей смотришь как на образы, исполненные любви Божией. Тот, кто одет благодатью Христовой, созерцает ее и в других, пусть даже обнаженных телесно, в то время как не имеющий Божественной благодати и на одетых телесно смотрит, как на обнаженных. Мне хотелось бы, возлюбленный мой, по этому поводу вновь зачитать слова святого Симеона Нового Богослова.

— Поистине он богослов, — отвечал я. — Я прочитал несколько его трудов и восхищаюсь им.

— Я бы посоветовал тебе прочитать все его труды, чтобы приобрести вкус к мистическому богословию, к апофатическому пути аскетического опыта. Итак, боговдохновенный отец говорит:

«Святой благоговейный Симеон Студит
Не стыдился никаким человеком,
Или видя его обнаженным,
Или сам будучи обнажен перед ним,

Ибо он имел всего Христа, был весь Христов
И на члены свои, как и любого другого,
Он всегда смотрел, как на Христовы,
Оставаясь недвижимым, бесстрастным и не
испытывая вреда,

Как он сам был весь Христов, так и Христа видел во всех,
Облеченных Святым Крещением.

Если ты, будучи обнаженным, от прикосновения плоти
Становишься женолюбом, как обезьяна или лошадь,
Неужели посмеешь ты злословить святого
И возводить хулу на Христа, соединившегося с нами
И даровавшего рабам Своим святым бесстрастие?»

— Итак, видишь, — продолжал старец, — бесстрастный человек, очищенный Иисусовой молитвой, не соблазняется тем, что видит. Одновременно побеждается диавол, и это — плод молитвы. Враг быстро соображает и все сети свои искусно расставляет для души. Однако знает делатель молитвы о готовности его (диавола) вести брань и заранее принимает меры. Видит стрелы лукавого, направленные против души; но прежде чем коснуться ее, они падают. Святой Диадох говорит, что, достигнув внешней части сердца, стрелы рассыпаются там, ибо внутри действует благодать Христова. «Огненные стрелы лукавого тотчас гаснут во внешнем чувстве тела. Ибо дыхание Святого Духа, возбуждающее в сердце дух мирен, гасит находящиеся еще в воздухе стрелы огненосного беса». Наступает единство всего человека, о чем мы говорили ранее. Ум, желание и воля объединяются и сочетаются в Боге.

— Велик дар чистоты, бесстрастия! — воскликнул я.

— Да, действительно, бесстрастие — дар благодати. Бесстрастие предполагает чистоту и любовь; более того, оно скрывает любовь. Здесь нам поможет святой Божий Симеон. Он использует прекрасный образ. В безоблачную ночь мы видим на небе диск луны, заполненный чистейшим светом, и часто вокруг него (диска) — светлый круг. Как подходит этот образ к очищенному и бесстрастному человеку! Тела святых — Небо. Их богоносное сердце подобно диску луны. Святая любовь — «вседетельный и всесильный свет», изливающийся каждый день по мере очищения на их сердце; и приходит время, когда сердце исполняется сияющим светом любви, и наступает полнолуние. Однако свет не убывает, как происходит на луне, поскольку поддерживается усердием, борьбой и благими делами — «...свет, всегда поддерживаемый усердием и добродетелью святых». Бесстрастие — тот круг, который охватывает исполненное светом сердце, покрывает его и делает неуязвимым для яростных нападений лукавого. «Покрывает отовсюду, окружает стражей, сохраняя невредимым от любого помысла лукавого, неуязвимым и свободным от всех врагов; более того, соделывает недоступным для супостатов».

Бесстрастие совершенно необходимо. Однако это не означает, что оно — последний дар молитвы и приобретение всего. Отсюда далее начнется восхождение к Богу. Святые отцы тремя словами описывают это духовное восхождение к обóжению. Очищение, просвещение, совершенство. Чтобы быть более понятным, приведу тебе два примера из Священного Писания: восхождение Моисея на гору Синай для

получения Закона и путешествие израильского народа в землю обетованную. Первый случай объясняет святой Григорий Нисский, второй — святой Максим.

— Отцы всегда вдохновляют меня. Они верно истолковывают слово Божие, и потому мне хотелось бы услышать святоотеческие толкования.

— Евреи прежде всего очистили свои одежды и освятили себя, повинуясь заповеди Божией: *«Освяти их, пусть вымоют одежды свои, чтоб быть готовыми к третьему дню»* (Исх. 19, 10–11). Далее, в третий день, весь народ услышал громы и «глас трубный» и увидел молнии и густое облако над горой Синайской. *«Гора же Синай вся дымилась»* (Исх. 19, 18). Народ подошел к подножию Синая, и лишь один Моисей вошел в светлое облако, достиг вершины, где и принял скрижали Закона. По толкованию святого Григория Нисского, путь к божественному знанию — очищение тела и души. Готовящийся к восхождению должен быть, насколько возможно, чист и незапятнан как телом, так и душой. Помимо того, по Божественной заповеди, ему следует омыть одежду — не столько вещественную, ибо она не станет препятствием для тех, кто стремится к боговидению, сколько «одежду сей окружающей жизни», то есть все дела в нашем бытии, которые, как платье, окружают нас. Нужно удалить от горы и бессловесных тварей — другими словами, преодолеть «из чувства возникающее знание». Преодолеть всякое знание, которое приносят органы чувств. Очиститься от любого «чувственного» и «бессловесного» движения, омыть помыслы и расстаться с их спутником — чувством. Приготовившись

и очистившись таким образом, можно отважиться приблизиться к покрытой густым облаком горе. Однако, опять же, гора была недоступна для народа, и только Моисей (то есть избранный к восхождению) приблизился к ней. Вот как, отец мой, сначала осуществляется очищение, а затем — вступление в созерцание. Великие блага, стало быть, следуют за очищением, и оно необходимо для принятия их.

— Напомню, — продолжал боговдохновенный подвижник, — и другой пример. Святой Максим Исповедник пишет, что в мистическом восхождении к Богу существует три стадии. Деятельное любомудрие — отрицательное (очищение от страстей) и положительное (приобретение добродетелей); естественное созерцание, при котором очищенный ум созерцает все творение, то есть внутренний смысл вещей, познает духовный смысл Священного Писания, видит Бога в природе и молится Ему; и только затем наступает третий, последний этап — мистическое богословие, соединяющее подвизающегося верующего с Богом. Все три ступени видны в исходе израильского народа. Прежде всего, израильтяне бежали из рабства египетского, затем перешли через Красное море, в котором погибло все египетское войско, после чего достигли пустыни, где принимали различным образом дары божественного человеколюбия (манну небесную, воду, светлое облако, Закон, победу над врагами), и лишь после упорной и долгой борьбы вошли в землю обетованную. Таков и подвижник Иисусовой молитвы. Поначалу он выходит из-под рабства страстям (деятельное любомудрие), потом входит в пустыню бесстрастия (естественное созерцание),

где получает дары любви Божией и, наконец, за ревностную борьбу удостаивается земли обетованной (мистическое богословие) — совершенного единения с Богом — и наслаждается вечностью в созерцании Нетварного Света. Разумеется, богоносные отцы не отделяют три названных этапа друг от друга. То есть это не означает, что, достигнув естественного созерцания и мистического богословия, мы оставим аскетические упражнения и сокрушение о грехах — деятельное любомудрие. Напротив, возрастая духовно, человек все более подвизается, чтобы не потерять милость, которую приобрел. Удостоившись божественных откровений, советуют отцы, следует еще сильнее заботиться о любви и воздержании, «чтобы, сохраняя безмятежной страстную часть, иметь неоскудевающий свет души» (святой Максим). Человек всегда должен идти по духовному пути со страхом. Прежде им должен овладеть страх осуждения, наказания (начальный страх), затем — потери благодати и отпадения от нее (совершенный страх). *«Со страхом и трепетом свое спасение соделовайте»* (Флп. 2, 12), — говорит Апостол Павел.

— Поведайте, отче, о дарах, которые принимает делатель молитвы после очищения, перед блаженным состоянием совершенного единения с Богом. Расскажите мне далее об иных плодах молитвы.

— Монах, привыкший понуждать себя, чувствует божественное утешение, Христово присутствие, излучающее сладостное безмятежие, нерушимый мир, глубокое смирение, неутолимую любовь ко всем. Утешение от этого божественного присутствия нельзя сравнить ни

с каким человеческим. Я знал подвижника, который тяжело заболел и отправился в больницу на лечение. Лучшие врачи, питавшие к нему уважение, облегчали ему страдания. И вот он поправился, поблагодарил их и возвратился в свою келлию. Однако в скором времени ему стало хуже, и, поскольку он жил отдельно, братия не знали об этом. Он тяжко страдал, но чувствовал такое утешение от Бога, которое несравнимо ни с вниманием и человеколюбием врачей, ни с действенным эффектом лекарств. Такого покоя он никогда прежде не испытывал. Вот почему некоторые пустынники тщательно избегают человеческого утешения (что совершенно непонятно для мирян, преданных мирской жизни), чтобы ощутить дивную сладость и неутолимую радость божественного утешения...

— Чудный плод умной молитвы! — воскликнул я. — Продолжайте, отче.

— Человек приобретает безмятежие в скорбях, которые доставляют ему ближние. Он пребывает на Небесах (лазурных и сияющих) духовной жизни, куда не достигают стрелы людей земли. Он не только не испытывает притеснений, но даже не замечает их вовсе. Самолет невозможно побить камнями — он даже не почувствует их. Подобное происходит и с таким человеком. Для него не существует скорбей, происходящих от клеветы, преследований, пренебрежения, осуждения, — одна лишь печаль о падении брата. Если же и возникает скорбь, он знает способ справиться с ней. О таком случае рассказывается в «Отечнике»: «Некто из старцев пришел к авве Ахиле. И увидел его, выплевывающего кровь. И спросил брат авву: «Что это, отче?» Старец ответил: «Это были слова одного

брата, который опечалил меня. Я старался не принимать их и просил Бога отвратить меня от тех слов. И сделались они как кровь в устах моих, и я выплевал их, и вновь обрел я безмолвие мое и позабыл свою скорбь».

— Поистине, это свидетельствует о совершенной любви к брату, о любви, которая прощает все. Она не желает даже помнить зла. Мы уже достигаем совершенства!

— Именно. И оно достигается Иисусовой молитвой. Такая любовь — результат живого ощущения единства человеческого рода. И это есть зрелый плод молитвы. Подвижник не просто воссоединяется сам, но чувствует единство человеческого рода.

— Вы знаете, отче, — продолжал пустынник, — о том, что единство человеческой природы было утрачено непосредственно по преступлении Адама. Господь после создания Адама образовал Еву из ребра его. Создание Евы возвеселило Адама. Он ощущал ее как свое тело, почему и сказал: *«Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей...»* (Быт. 2, 23). После же своего падения на вопрос Бога Адам ответил: *«Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел»* (Быт. 3, 12). Вначале Ева — «кость» его, впоследствии — жена, которую дал Господь! Здесь совершенно очевиден раскол человеческой природы после греха, раскол, проявившийся позднее в детях Адама, во всей истории Израиля и во всей истории человечества. И это естественно. Потеряв Бога, люди потеряли себя и отделились друг от друга. Полное отчуждение и рабство. Возрождение человеческой природы произошло во Христе. Он «распростер руки, и соединил прежде разделенное», и дал, таким

образом, каждому, кто соединяется с Ним, возможность жизни и единства человеческой природы.

Молитвой подвижник приобретает великую любовь к Иисусу Христу и этой любовью соединяется с Ним. Следовательно, естественно любить то, что любит Бог, и желать того, что Он желает. *Господь всем желает спастись и в познание истины прийти* (1 Тим. 2, 4). Этого желает и делатель молитвы. Его волнует зло, происходящее в мире, и он чрезвычайно опечален отступлением и неведением братий. Поскольку грех всегда имеет космический масштаб и оказывает влияние на весь мир, молящийся переживает всю драму человечества и весьма скорбит о нем. Он живет борением Господа в Гефсиманском саду. Таким образом, он приходит в состояние прекращения молитвы о себе и молится непрерывно о других, чтобы они пришли к познанию Бога. Его очищение от страстей, приобретение Животворящей Божественной благодати и молитва за других, происходящая из чувства всеединства человеческого рода во Христе Иисусе, — величайшая миссия. Так представляли себе миссионерское служение святые отцы. В стремлении к возрождению человеческой ипостаси и единства природы. Каждый, кто очищает себя, становится лицом, полезным для всего общества, ибо все мы — члены благословенного Тела Христова. «Если радуется один член, сорадуются все члены», — по апостольскому слову. Это мы видим образно и в лице Пресвятой Богородицы. Она обрела благодать и Сама впоследствии облагодатствовала и украсила всю человеческую природу. Очищенная и облагодатствованная, Она молится за весь мир. И мы

можем сказать, что Пресвятая Богородица выполняет величайшую миссию и приносит действенную пользу роду человеческому.

Он немного помолчал и затем продолжал:

— Вместе с тем, подвижник чувствует и единство всей природы.

— Каким образом?

— Его признает вся природа. Первоначально Адам был царем над всем творением, и все животные признавали его царем. Однако после падения разорвалась эта связь и утрачено царское достоинство. Николай Кавасила образно анализирует такое состояние. Человек, говорит он, сотворен по образу Божию. По образу Адам был чистым зеркалом (отражением), через которое излучался на природу Свет Божий. Пока зеркало оставалось неразбитым, вся природа освещалась. Но лишь только оно раскололось и раздробилось, все творение погрузилось в глубокую тьму. Тогда-то вся природа и восстала против человека, не признает его и не желает давать ему плоды. Только в борьбе и трудах может он поддерживать свое существование. Животные боятся его, и сами они агрессивны. Однако, когда человек — в Духе Святом, когда имеет благодать Христову, все силы души воссоединяются, он становится образом и подобием Божиим (то есть зеркалом, светом) и излучает Божественную благодать на бессловесную природу. И те же животные признают его, повинуются и почитают. Есть немало примеров, когда подвижник-пустынник мирно уживается с медведями и дикими животными. Он кормит их, и они служат ему. Таким образом, в молитве приобретя Божественную благодать, он снова становится царем природы

и восходит на большую по сравнению с Адамом высоту. Ибо Адам, по словам отцов, был создан лишь «по образу». Послушанием же ему надлежало стать и «по подобию». Адам не имел обо́жения, но лишь возможность его. Тогда как подвижник по Божественной благодати приобретает, насколько возможно, и «подобие» (обо́жение), не входя, однако, в Божественную Сущность. Он причастен нетварным энергиям Божиим.

Приведу пример того, как природа признает благодатного подвижника. В тот час, когда мой блаженной памяти старец творил молитву, к дверям его келлии собирались дикие птицы и своим клювом стучали в стекла. Кто-то подумает, что это — действие диавола, чтобы воспрепятствовать его молитве. Однако в действительности диких птиц притягивала молитва старца!!!

— Ах, старче, ты ведешь меня к совершенству. К концу духовной жизни. Человек уже становится царем...

Он слегка улыбнулся.

— Еще не все. После многой борьбы, как я упоминал ранее, подвижник может сподобиться экстаза, божественного пленения и войти в Новый Иерусалим, в новую землю обетованную. Ум выходит за свои пределы и созерцает Нетварный Свет. На вечерне Божественного Преображения мы поем стихиру: «Неодержимое Твоего светолития, и неприступное Божества, зряще апостолов лучшии, на горе Преображения, Божественным изменишася ужасом...» Ужас (экстаз) и созерцание (зрение) связаны друг с другом. Говоря об экстазе, мы подразумеваем

не отсутствие движения, а Божественное присутствие и духовное движение. Это не инертность и умирание, а жизнь в Боге. Отцы говорят, что во время молитвы, когда человек охвачен Божественным светом, он перестает молиться губами. Уста и язык молчат, молчит и сердце. Тогда подвижник сподобляется созерцания Фаворского света. Созерцает Божественную нетварную энергию, которая есть «естественная слава Божия и естественный безначальный божества луч, сущностное благолепие Божие и сверхсовершенная и предсовершенная красота» (святой Григорий Палама). Это тот самый Свет, который видели ученики на горе Фавор, Царство Божие, вечность. Согласно святому Григорию Паламе, Свет — «красота будущего века», «ипостась будущих благ», «совершеннейшее зрение Божие», «пища небесных». Сподобившиеся видеть Нетварный свет — пророки Нового Завета. Ибо, подобно пророкам Ветхого Завета, опережавшим время и видевшим Вочеловечение Христа и Первое Пришествие, созерцающие Свет также опережают время и видят славу Христа, то есть Царство Небесное.

Он замолчал ненадолго, затем глубоко вздохнул и продолжал:

— Божественный свет охватывает тогда все бытие. Келлия освещается присутствием Христовым, и подвижник переживает некий «трезвенный восторг», видит незримого Бога. «Бог есть Свет, — говорит святой Симеон Новый Богослов, — и, как свет, вид Его». По словам святого Григория Паламы, «защитника богословов», монах в тот час «созерцает Божественный свет... радующее священное зрелище». Вот как

описывает это созерцание Макарий Хрисокефалос: «Что прекраснее общения со Христом? Что вожделеннее божественной Его славы? Нет ничего более сладкого, чем тот Свет, которым просвещается все светлое чиноначалие Ангелов и людей. Нет ничего желаннее той жизни, в которой все живут, и движутся, и существуют. Нет ничего приятнее вечно живущей красоты. Ничего любезнее беспрестанного веселия. Ничего вожделеннее непрерывающейся радости, всеблаголепного благолепия и бесконечного блаженства». То есть тогда радость и веселие бесконечны. Не хватает слов, чтобы передать эти состояния. Вот что говорит об этом святой Симеон Новый Богослов.

Он взял в руки одну из книг и начал читать.

«На одре лежу, находясь вне мира.
И, находясь в келье моей, Того, Кто вне мира
Находится и пребывает, вижу, с Ним и беседую.
Говорить же дерзаю и люблю, любит меня и Сей.
И, соединяясь с Ним, восхожу к небесным.
Вкушаю и насыщаюсь одним лишь созерцанием.
И знаю, что это истинно и несомненно.

И, где тело мое тогда пребывает, не ведаю.
Знаю, что сходит Недвижимый,
Знаю, что взирает на меня Незримый.
Знаю, что вне всего творения Пребывающий
Внутрь Себя принимает меня и заключает в объятия.
И нахожусь я тогда вне всего мира.

Я, всего лишь смертный и ничтожный в мире,
Внутри всего себя созерцаю Творца мира.
И знаю, что не умру я, пребывающий внутри жизни
И весь имея жизнь, бьющую ключом, внутри меня».

Старец прочитал этот отрывок с большим воодушевлением. Голос его был полон вдохновения, глаза сияли, лицо светилось неизъяснимой радостью. Под влиянием его трепетного голоса и духовного веселия у меня выступили слезы.

— Тогда от Божественного присутствия, — продолжал он, — просвещается лицо подвижника. Он входит, подобно Моисею, во мрак неведения, в «пресветлый мрак» и приобретает «незабвенное знание» и «неизреченное богословие».

Ненадолго он остановился. Я слушал в изумлении, почти не дыша.

— Эту сладость Света чувствует и тело, которое в эти минуты изменяется.

— Каким образом?

— «И тело воспринимает некоторым образом благодать, воздействующую на ум, и настраивается на нее, и получает некое ощущение этого невыразимого таинства души». Тело тогда «парадоксальным образом становится легким и согревается», то есть оно чувствует удивительную теплоту, которая есть результат созерцания Света. Так случается с лампадой: когда ее зажигают, «тело» ее — фитиль — теплится и светится.

— Позвольте мне один вопрос. Возможно, это будет хулой, но я позволю себе задать его вам. Это изменение тела — действительность ли, а не фантазия? И не является ли плодом воображения так называемая теплота?

— Нет, отец мой. Это действительность. Тело принимает участие во всех состояниях души. Не тело представляет собой зло, но плотской разум, когда тело порабощается диаволом. Помимо того, созерцание Света — это созерцание физическими глазами, которые изменяются и укрепляются Святым Духом и становятся спо-

собными видеть Нетварный Свет. В Священном Писании существует множество примеров, свидетельствующих о том, что благодать Божия переходит с души на тело, и оно чувствует действие Животворящей Божественной благодати.

— Не можете ли Вы привести мне несколько примеров?

— Многие псалмы Давида об этом свидетельствуют. *«Сердце мое и плоть возрадовастася о Бозе живе»* (Пс. 83, 3). *«На Него упова сердце мое, и поможе ми, и процвете* (оживотворилась) *плоть моя»* (Пс. 27, 7). Также в 118 псалме: *«Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим»*. Знаем также случай с Моисеем. Когда со скрижалями Закона он сошел с Синая, лицо его сияло. *Когда сходил Моисей с горы Синай, он не знал, что лицо его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним. И увидел Аарон и все старейшины Израилевы, что вид лица Моисея сияет лучами, и боялись подойти к нему* (Исх. 34, 29–30). То же было с первомучеником архидиаконом Стефаном. Когда привели его в синедрион, *все сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лицо его, как лицо Ангела* (Деян. 6, 15). Святой Григорий Палама считает, что пот, выступивший у Господа Иисуса Христа во время молитвы в Гефсиманском саду, свидетельствует о чувстве теплоты, «возникающем в теле исключительно под влиянием продолжительного моления Богу».

— Простите меня, отче, за то, что беспокою вас мирским бестактным вопросом. Мы, миряне, не можем понять... Позвольте же мне спросить. Есть ли сегодня монахи, которые при молитве изменяются и созерцают Нетварный свет?

Он улыбнулся и ответил:

— Если перестанет действовать в Церкви Святой Дух, тогда не будут существовать созерцатели Нетварного света. Святая Гора скрывает великие сокровища, и те, кто отрицает это каким-либо образом, противятся и враждуют с Богом. Во времена святого Афанасия Великого некоторые сомневались в Божественности Христа. В эпоху святого Григория Паламы сомневались в Божественности нетварных энергий. Сегодня мы впадаем почти в тот же грех: подвергаем сомнению существование обóженных людей, видящих Божественный свет. И сегодня есть, по благодати Божией, освященные монахи. Этим благодатным подвижникам обязана своим бытием земля. Они просвещают современный мир, погруженный во мрак греха.

— Еще один, возможно, бестактный вопрос. Ты, отче, видел СВЕТ?

С позволения читателя этого малого труда я не стану описывать эту волнующую сцену и все, что было сказано. Хочу покрыть это завесой молчания. Надеюсь, вы простите меня...

После большой паузы, окутанной молчанием, я имел дерзость нарушить безмолвие подвижника. Но так нужно было. Оставалось мало времени, а я хотел узнать побольше. Хотел использовать, насколько возможно, опыт боговдохновенного отца.

— Отче, вновь прошу прощения. Вы сказали, что и сегодня на Святой Горе существуют монахи, созерцающие Нетварный свет. Наверное, такой монах-созерцатель видит его много раз. Каждый раз это одно и то же сияние?

— Можно сказать, что есть духовный свет и свет, который видит человек физическими гла-

зами, когда они предварительно преобразились и получили силу видеть его. Духовный свет — это заповеди, и получает его тот, кто их хранит. *«Светильник ногам моим закон Твой, Господи, и свет стезям моим»* (Пс. 118, 105). Заповеди Христовы — «глаголы Жизни Вечной», а не некие этические внешние предписания. Также и добродетели, которые приобретаются в стремлении исполнить заповеди Христовы, — свет. Вера — свет, как и надежда, и любовь. Бог — свет истинный и «свет миру». Но имя Бога — любовь. «Бог любовь есть». Поэтому мы говорим, что любовь — свет, светлейший всех других добродетелей. Равным образом и покаяние — свет, освещающий душу человека и ведущий его в купель второго крещения, где очищаются глаза от духовной катаракты. Это свет, который получают все христиане, подвизающиеся подвигом добрым, главным образом, те, кто получает очищение от страстей, — естественно, в соответствии с теми усилиями, которые они прилагают. Святой Григорий Богослов говорит: «Где очищение — там просвещение. Без первого не подается второе». В этом смысле следует понимать слова святого Симеона Нового Богослова о том, что если человек не видит свет в этой жизни, он не увидит его и в другой жизни.

— Иногда, — продолжал старец, — после великого очищения и борьбы, но, главным образом, по особой милости Божией, некоторые сподобляются видеть свет физическими глазами (как, например, три ученика на горе Фавор). Но и здесь существуют различия. Первый раз созерцают его как свет великий, возвеселяющий все существо. В действительности же это свет неяркий. Он воспринимается как сильный

относительно предшествующего мрака, в котором находился человек. В тот момент переживается то, чего ранее не было. Во второе же явление он воспринимается более живо, ибо человек уже приспособился к созерцанию... Чем более приближаются к Божественной сущности, тем более видят несозерцаемую Божественную природу и то, что названо святыми отцами «пресветлым мраком».

— Я многого не понимаю.

— Вам поможет понять это случай с Боговидцем Моисеем, как его изъясняет святитель Григорий Нисский. Вначале Моисей на горе Хорив, когда призвал его Бог вывести народ в землю обетованную, видел свет в виде горящего тернового куста. В другой раз Господь велит Моисею войти во мрак и там беседует с ним. Сперва свет, потом мрак. Святой Григорий объясняет, что человек вначале видит свет, ибо ранее жил во тьме. Однако по прошествии времени, по мере приближения к Божественной сущности, человек все более «зрит незримо» мрак, «несозерцаемую Божественную сущность».

Я вам прочитаю весь отрывок из сочинения святого отца: «Что же означается тем, что Моисей пребывает во мраке и в нем только видит Бога? Ибо повествуемое ныне кажется несколько противоположным первому Богоявлению. Тогда Божество видимо было во свете, а теперь — во мраке. Однако на уровне высшего, духовного смысла здесь нет противоречия. Учит же сим слово, что ве́дение благочестия в первый раз бывает светом для тех, в ком появляется. Поэтому то, что представляется уму противоположным благочестию есть тьма, а отвращающийся от тьмы делается причастником света. Ум же,

простираясь далее, с большей и совершеннейшей всегда внимательностью углубляясь в уразумение истинно непостижимого, чем паче приближается к созерцанию, тем более усматривает несозерцаемость Божественного естества. Ибо, оставив все видимое, не только что восприемлет чувство, но и что видит, кажется, разум, непрестанно идет к более внутреннему, пока пытливостью разума не проникнет в незримое и непостижимое и там не увидит Бога. Ибо в этом истинное познание искомого; в том и познание наше, что не знаем, потому что искомое выше всякого познания, как бы неким мраком объято отовсюду непостижимостию».

— Так обычно и бывает, — продолжал старец. — Человек идет от созерцания неяркого (малого) света к созерцанию более сияющего (великого), пока не войдет в «пресветлый мрак», как пишет святитель Григорий. Но для православного понимания этого места необходимо знать святоотеческое учение о боговидении «пресветлого мрака». Согласно отцам Церкви, Бог является всегда как свет и никогда как мрак. Но когда ум подвижника-боговидца, находящийся в созерцании, порывается войти и в Божественную Сущность, он встречает недоступное, то есть пресветлый Божественный мрак. Следовательно, мрак представляет собой не явление Бога в виде мрака, но невозможность для человека видеть сущность Бога, Который есть «свет неприступный». Стало быть, Божественный мрак — это свет, но свет несозерцаемый и неприступный для человека. Бог есть свет. «Я — свет мира», — сказал Он, а не: «Я — мрак мира». По словам святого Дионисия Ареопагита, «Божественный мрак есть неприступный свет, в котором, как говорят, обитает

Бог, невидимый по причине пресветлости и неприступный по причине превосходства пресущественного светолития, в котором пребывает всякий, кто удостоился познать и увидеть Бога, ему самому невидимого и непознаваемого». В этом смысле мы говорим, что мрак выше света.

Часто отцы Церкви говорят о вхождении в Божественный мрак и о боговидении пресветлого мрака, как, например, святитель Григорий Нисский в слове о своем брате святителе Василии Великом: «Мы часто замечали его обретающимся внутри мрака, который был Бог». Этим они стремятся представить не вхождение в Божественную сущность, но превосходство Нетварного света над светом естественного знания. Ибо в соответствии с православным учением, люди причащаются нетварных божественных энергий, но не Божественной сущности. Апостол Павел пишет: *«...Царь царствующих и Господь господствующих, Единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может»* (1 Тим. 6, 15–16). Подводя итог, отец мой, скажем, что пресветлый мрак, по святым отцам, есть неприступный для человека свет Божественной сущности. И, говоря о достоинстве боговидения пресветлого мрака*, они хо-

---

*Святоотеческое учение о «пресветлом мраке» чрезвычайно интересно и весьма сложно. Однако его изложение выходит за рамки данной книги, цель которой представить общедоступные и основополагающие моменты Иисусовой молитвы. Необходим особый труд, анализирующий мнения отцов Церкви по этому вопросу непременно в связи с опытом современных созерцателей, которые есть единственные сведущие и авторитетные толкователи отцов. (Прим. авт.)

На русском языке святоотеческое учение о Божественном мраке излагается в трудах В.Н. Лосского. См. «Богословские труды», сб. 8. (Прим. пер.)

тят подчеркнуть не его преимущество перед созерцанием Нетварного света, но его преимущество перед светом естественного знания, знания ума.

— Отче, еще один вопрос. Когда человек созерцает свет, он продолжает молиться?

— Нет. Мы можем назвать это созерцательной молитвой. Подвижник созерцает Христа и радуется Его Божественному присутствию. Тогда молитва идет без слов. Святой Исаак говорит, что если молитва — семя, то экстаз — ее жатва. Подобно тому, как жнецы удивляются, видя, как малое семя дает столь обильные плоды, так и боговдохновенные подвижники удивляются, глядя на урожай молитвы. Он — порождение молитвы; тогда, по святому Исааку, «ум не молится молитвой, но пребывает в экстазе, в непостижимых предметах; и это неведение превосходнее знания». Оно — «священнотайное молчание» и «безгласие духа». Отцы считают такое состояние молитвенным, ибо оно — величайший дар, который дается за продолжительность молитвы и подается святым. Но человек не ведает его настоящего имени*, ибо тогда прекращает молиться, поднимается над словами и смыслом. Многие отцы называют это состояние божественным субботствованием, или субботствованием ума. То есть как евреи получили заповедь хранить субботу, так и это духовное состояние — суббота души, которая отдыхает и успокаивается «от всех дел». Святой Максим говорит: «Субботой суббот является духовный покой разумной души, собирающий ум и возвышающий его даже над божественными

*То есть не знает, что это за состояние. (Прим. пер.)

логосами твари, под действием экстатической любви облекающий ум единственно Богом и благодаря мистическому богословию соделывающий его совершенно недвижимым в Боге». Единственно, что делает в тот момент человек, — плачет. Проливает обильные слезы не по причине греховности, как ранее, но в силу созерцания Нетварной Божественной энергии. Слезы радующие, услаждающие, божественные, благодатные. Безболезненные слезы, освежающие и умиротворяющие сердце. Слезы, бодрящие лицо, образующие потоки и ручьи, заливающие глаза. Тогда человек находится в пленении. И не знает, в теле ли он или вне тела. Душу и тело охватывает такая радость, что невозможно описать ее человеческим языком. Святой Григорий Палама, цитируя святого Дионисия Ареопагита, говорит, что полюбивший общение с Богом освобождает душу от всех уз и заключает ум в непрерывной молитве, совершает тайное восхождение на Небо, в безмолвии и безмятежии паря над всем тварным. «...Он связывает ум непрестанной молитвой к Богу и благодаря ей собирается в себе и находит новый, тайный путь восхождения на Небо, который некоторые называют «непроницаемой тьмой сокровенного молчания». И, таким образом, молясь с тайной радостью, в чрезвычайной простоте, совершенном и сладчайшем умиротворении и подлинном безмолвии, он возвышает ум над всем тварным». Все земное тогда становится подобным праху и пеплу. Оно становится ненужным. Тогда не только не чувствуется волнение страстей, но и забывается сама жизнь, ибо любовь к Богу желаннее жизни и богопознание любезнее любого знания. О, ис-

полненное радости и священное созерцание! О, божественная вечность! О, божественный сладкий покой! О, божественная любовь!

— Отче, простите, что перебиваю. Я сильно подавлен. Чувствую усталость. Не могу следовать вашему восхождению. Не выдерживаю...

Он приблизился ко мне, взял за руку и ласковым голосом сказал:

— Понимаю тебя, однако ты хотел идти вперед, хотел, чтобы я говорил. И я говорил. Понимаю твой вопль. Поскольку и мы после созерцания света невообразимо устаем, буквально разбиты. Божественная благодать, когда приходит, напоминает кнут, бичующий нашу тленную плоть. Это тяжесть, которую не выдерживает немощное тело; вот почему оно изнемогает и медленно-медленно восстанавливается. Должен признать, что часто после Божественной литургии чувствую себя измученным и нуждаюсь в отдыхе — только тогда человеческие силы восстанавливаются, подобно затоптанной траве, которая постепенно поднимается с земли в свое обычное положение. Если бы мы увидели всю Божественную благодать, мы бы погибли! Любовь Божия все устраивает.

Мы перестали говорить. Везде царило глубокое молчание. Лишь иногда слышалось, как в саду каливы разрыхлял землю послушник, одновременно проговаривая устами Иисусову молитву. Я глубоко дышал. Сердце стучало быстро, словно хотело выскочить... Мной овладел огонь. Я приблизился ко святая святых мистического богословия, неприкосновенному для непосвященных. Далеко в море диск солнца опускался в воду, и часть моря казалась из каливы золотой. Из большого окна «приемной» я различал,

как в море играло стадо дельфинов — обычное зрелище на Святой Горе. Они выныривали и вновь погружались в позолоченную воду. Мне подумалось, что монахи, пламенно возлюбившие небесное, подобны им. Они живут, погружаясь в воду благодати и лишь на короткий промежуток времени выходя из нее, чтобы показать нам, что они существуют, и затем вновь погружаются в созерцание Бога. Богопросвещенный святой Симеон, живя в Нетварном Фаворском свете, ублажает возлюбивших и возжелавших Бога:

«Блаженны одетые ныне Его светом, ибо облеклись уже в брачную одежду, их руки и ноги не будут связаны, и они не будут ввержены в огонь неугасимый...

Блаженны зажегшие ныне в своих сердцах свет и сохранившие его неугасимым, ибо они по исходе жизни в радости выйдут навстречу Жениху и войдут с Ним в чертог брачный, имея светильники горящие...

Блаженны приблизившиеся к Божественному свету, вошедшие в него, всецело соделавшиеся светом и содержимые им, ибо они совлеклись одежды грязной и уже не будут плакать слезами горькими...

Блажен монах, предстоящий в молитве Богу, видящий Его и видимый Им, обретающий себя вне событий мира, но только в Боге Едином, и не знающий, в теле ли он или вне тела, ибо он услышит невыразимые слова, которые не говорятся внешнему человеку. Он увидит то, что глаз не видел, и ухо не слышало, и на сердце человеку плотскому не приходило...

Блажен явственно созерцающий в себе свет мира, ибо он в зародыше имеет Христа и ма-

терью Его наречется, как Сей Неложный обещал».

Вот на какой пламенеющей Горе я находился. Подле монаха, проводившего житие свое в небесной действительности. Покой вне, в природе, покой внутри, в душе моей. Бог... Рай... вне времени, но и во времени. Очень близко от нас. Рядом с нами. Внутри нас. Идет время и история.

— Давайте прекратим беседу, — сказал старец. — Выйдем ненадолго наружу.

— Нет, нет, — отвечал я. — Желаю знать и другое. Вы сказали, что молитва — это знание. Всесторонний университет. Хочу, чтобы вы сегодня вечером сделали меня ученым!

7. Ошибки во время обучения Иисусовой молитве и их устранение

— Вы многого просите. Никто не может обучиться молитве, не подвизаясь лично, не приступив к этому умному деланию. Сколько бы ни говорили другие, это просто введение, которое вызовет в тебе духовный аппетит. Однако, чтобы закончить свои мысли об Иисусовой молитве, вероятно, следует сказать кое-что об опасностях и ошибках, которые могут ждать на этом пути.

— Очень хорошо, — отвечал я. — Ранее вы говорили, что монахи избегают непосредственно вводить ум в сердце, используя для этого другие средства — с целью уклониться от опасностей. Что представляют собой эти опасности и ошибки?

— Первая ошибка возникает вместе с помыслом о том, что благодать обретают в короткий промежуток времени. Многие, приступая к

священному деланию молитвы, стремятся быстро войти в созерцание света. Но, поскольку это дается не тотчас и не всем, они устрашаются и разочаровываются. Подвижник должен принять решение вести борьбу многие годы. Бог не насилует нашу волю, поскольку мы — личности и, следовательно, обладаем свободой. Но и мы не смеем насиловать свободу Бога, ибо Он — Личность. То есть нам нужно позволить Ему прийти, когда Он рассудит и пожелает.

Он остановился ненадолго.

— Другая ошибка состоит в том, что мы придаем большое значение психотехническим методам. Однако эти методы (вдох-выдох, биение сердца и тому подобное) — просто дополнительные средства для сосредоточения ума, для избавления его от чуждых элементов. То есть методы имеют не магическую силу, а вспомогательную, освобождая ум от рассеянности. Когда ум сосредоточится и станет легко входить в себя, все дополнительные средства отменяются.

— Но есть и другие ошибки?

— Разумеется. Перескакивание при прохождении молитвы. Ранее мы говорили о том, что существуют различные этапы ее развития, которые мы разделили на пять. Первый — когда молитву произносим устами. Второй — когда удерживаем память об Иисусе в уме и затем только сводим ее в сердце. Однако некоторые начинают непосредственно со второго этапа и не достигают больших успехов. Другие с первой ступени переходят прямо на третью, главным образом, к дыханию. Опасность (как я уже отмечал) заключается в том, что по физическим причинам сердце может испытывать боль, и

существует вероятность того, что молитва остановится. Конечно, недомогания не возникнет, но вполне возможно, что эта священная деятельность прервется.

— Также и вокруг слез создается несколько проблем, — продолжал он.

— То есть?

— Ранее мы сказали, что когда молитва укрепится в уме, глаза увлажняются и бегут бесчисленные слезы. Однако это не всегда неизбежно. Молитва может хорошо идти и без этого. Следовательно, не стоит разочаровываться при их отсутствии, ибо они приходят, если того пожелает Бог. Также, когда нас заливают потоки слез, не следует придавать этому значения и описывать свое состояние другим. Аскетический опыт свидетельствует, что стоит только рассказать, как тотчас они прекращаются и впоследствии с трудом возвращаются. Особо подчеркну, что, зная этапы умной молитвы, нужно избегать рассматривать, на каком из них мы находимся. Должно продвигаться в смирении. Кажется, недавно я уже говорил, что гордость в молитве — глупость. Именно глупость. Человек уподобляется нищему, просящему кусочек хлеба и превозносящемуся, когда получит его. Глупость и падение!

— Вижу, что и здесь смирение играет важную роль?

— Везде! Святитель Василий Великий говорит, что смиренномудрие является сокровищницей всех добродетелей. Оно скрывает все добродетели и, в конечном счете, скрывает самого себя. В целом, в духовной жизни следует тщательно избегать гордости, особенно когда она представляется как тщеславие. Без сомнения,

вы знаете, что тщеславие возникает в любой добродетели. В разговоре, в молчании, в посте, в бдении, а также в молитве, в безмолвии, в долготерпении. Отцы говорят, что тщеславие подобно предателю, тайно открывающему врата города, чтобы впустить врага внутрь. Тогда, каким бы прекрасным ни был город, как бы ни были сильны его защитники, каким бы хорошим оборонительным положением ни обладал, его занимает враг. То же случается и в духовной жизни. Какие бы добродетели мы ни имели, какой бы силой ни располагали, тщеславие предаст нас лукавому. Отцы советуют никогда не приниматься за дело, которое предположительно ведет к тщеславию.

— Этого я не могу понять. Не объясните ли вы мне подробнее?

— Вернемся к вопросу о молитве. Верующий не должен переусердствовать в этом делании, ибо в таком случае его наверняка соблазнит диавол. Делая что-либо превыше своих сил, он становится орудием диавола и, увлекаемый им, в какой-то момент оставляется, одновременно отбрасывается назад и падает очень низко. Чаще всего гибнет.

— Как же избежать этого тяжелейшего падения?

— Спасительный путь — скорбь и послушание. Молитва очень тесно связана со скорбью. Когда диавол увидит кого-либо проводящим жизнь в скорби, он не остается там, но бежит, ибо устрашен смирением, порождаемым скорбью. «Величайшее оружие заключено в молитве — скорбь; не впадая по причине радости, доставляемой молитвой, в самонадеянность, но избрав для себя радостную печаль, сохранишься

невредженным», по словам святого Григория Синаита. При прохождении чистой молитвы необходимы скорбь и осознание своей греховности. Подвижник должен держать ум во аде и не отчаиваться. К тому же чувство греховности («ничтожности») и надежда на Иисуса Человеколюбца — характерный признак Православия и основная черта всех тропарей. Разумеется, нужно подчеркнуть, что большая скорбь — удел немногих. Все не в состоянии жить в такой глубокой скорби, ибо чтобы не поколебаться, требуется огромная сила и предварительное вкушение Божественной благодати. Но, по мере силы, каждому необходима в жизни эта блаженная скорбь. Необходимо и безоговорочное послушание старцу. Все, даже самое малое, делается по его благословению и мудрому руководству. В том числе и в случае с Нетварным светом.

— Какое отношение имеет послушание старцу к созерцанию Нетварного света? — спросил я, пораженный услышанным.

— Когда человек шествует в одиночку, без необходимого благословения, он отбрасывается диаволом, о чем мы говорили ранее. В нем зреет неукротимое желание видеть Нетварный свет. Он полагает, что это совершенство, и желает быстрее достичь его...

— Это нехорошо? — перебил я.

— Да. Святой Диадох указывает, что подвижник не должен проводить аскетическую жизнь в надежде видеть Нетварный свет, «чтобы сатана не нашел душу готовой к пленению им». Приступать к деланию молитвы следует с любовью к Богу и с послушанием Его святой воле, поскольку возможно, что диавол, «прини-

мающий вид ангела света», примет вид ангелов, которые станут служить ему. И вообразит тогда несчастный, что достиг высоты совершенства, живя якобы с ангелами и не подозревая, что беседует с бесами! Искушением является и то, когда в часы молитвы подвижник принимает помыслы от бесов, внушающих, что вскоре он якобы увидит Нетварный свет. В этом утонченном и опасном случае требуется большое внимание. Нужно оставить молитву и начать страшно укорять себя: «Жалкий нечестивец, жаждущий видеть Нетварный свет!» Ибо, отец мой, самый опасный признак — мысль о том, что ты достоин видеть Нетварный свет. Также можно говорить: «Придут убийцы мои — бесы и похитят душу мою. Увы мне!» Тогда тотчас исчезнет враг. Часто диавол, чтобы удовлетворить честолюбие монаха и пленить его еще более, приносит свет в его келлию. Это не Нетварный свет, но тварный, то есть бесовский.

— Как можно их распознать?

— Существует множество способов, помогающих отличить оба света. О нескольких я расскажу вам. ***Во-первых,*** в созерцание Нетварного света входят в послушании. Путь полного и беспрекословного послушания является гарантией истинности. Все вопросы, имеющие отношение к созерцанию, подвижник должен выяснить у рассудительного, святого и бесстрастного старца. Мысль не вопрошать руководителя — от сатаны, который стремится держать человека во тьме, заблуждении и рабстве. ***Во-вторых,*** Господь сказал о лжепророках: *«По плодам их узнаете их»* (Мф. 7, 16). То же и здесь. По плодам выявляется ясное различие между Нетварным светом и тварным. Нетварный свет приносит в

душу мир, спокойствие, смирение, сознание духовной нищеты. Авраам, когда удостоился говорить с Богом, назвал себя прахом и пеплом. *«Ныне я говорил к Господу моему; я, прах и пепел»* (Быт. 18, 27). То же и праведный Иов: *«Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я укоряю сам себя, и истаиваю, и считаю себя прахом и пеплом»* (Иов 42, 5). Пророк Исаия, увидев славу Божию, воскликнул: *«О, окаянный я! Ибо я умилился, я — человек нечистый с нечистыми устами, и живу среди народа с нечистыми устами, — и видел Царя, Господа Саваофа, очами моими»* (Ис. 6, 5). Напротив, при созерцании бесовского света появляются гордость, тщеславие, мысль о достижении совершенства. Святой Григорий Синаит говорит: «Знай же, что явны действия благодати, которые диавол, даже преобразившись, не может подать: кротость, умеренность, смирение, презрение мира, попаление наслаждений и страстей. Все это действия благодати. Действия же лукавого — высокоумие, малодушие и всякое зло». Высокоумие сопровождается смущением. Действие Святого Духа приносит в душу и тело мир, отсутствие страха и смятения, действие же диавола — страх и смятение. Святой Исаак подчеркивает: «Всякое смятение — признак диавола, ибо что имеет кто в природе, то и передает другим. Святой Дух по природе является духом мира и подает мир, в то время как диавол по натуре своей — дух смятения и страха и сообщает смятение и страх. ***В-третьих,*** душа не тотчас принимает диавольский свет, но сперва колеблется. В то время как созерцание Нетварного света почти с самого начала вызывает чувство уверенности и согласия с

тем, что это истина. «Все приходящее в душу, — говорят отцы, — чувственное ли или мысленное, когда колеблется в нем сердце, не принимая его, не от Бога посылается, но от врага» (святой Григорий Синаит). Нетварный свет приходит в тот момент, когда не ждешь его и не сомневаешься в Его истинности. ***В-четвертых,*** есть различие в цвете. Во время Преображения Христа на горе Фавор ученики увидели, что *«лицо Его просияло, как солнце, и одежды Его стали белыми, как свет»* (Мф. 17, 2). Напротив, цвет сатанинского света — красноватый, по свидетельству многих святых, подтверждавших это различие. ***В-пятых,*** существует различие и по образу явления. Созерцавшие Нетварный свет «видели не образ, или вид, или очертание, но свет безо́бразный» (преподобный Симеон Новый Богослов). Если же образ был, он походил на диск солнца. Бог является, как «солнце или как диск солнца, сферовидный, световидный; как пламя», не имеющее формы и вида. Обратное происходит при созерцании тварного, сатанинского света. Такой случай описывает святой Григорий Палама. Он пишет, что как-то на Святую Гору пришел Акиндин. Проведя несколько дней, он сообщил ему, что, пытаясь молиться, видел свет; «в этом свете, сильно развершемся (то есть раскрывшемся в нижней части), обрисовывалось, как видел Акиндин, как бы человеческое лицо». Однако то, что свет не был бесформенным, позволило святому заключить, что он — от диавола. «Я указал ему, что это тяжкое заблуждение, которое является сатанинской издевкой, и игрушкой, и, более того, лукавой западней...»

— Отцы учат, — продолжал искушенный подвижник, — что не следует тотчас принимать любое событие, приходящее во время молитвы. «После многого испытания приими благое». Надо вопрошать обо всем старца, и только после упорной и долгой борьбы приобретается способность (соответственно благодати, которую получим) отличать истину от лжи. Уксус и вино по внешнему виду одинаковы, но различаются по вкусу. Таким же образом и подвижник получает с течением времени способность чувствовать различие.

Старец говорил непрерывно, склонив голову к земле. Я слушал буквально завороженный. Не хотелось прерывать его православные святоотеческие размышления. Когда он говорил, меня охватили спокойствие и безмятежие — признак того, что его учение было во всем православным.

— Все сообщенное мною излагается в беседе, которую приводит преподобный Симеон Новый Богослов. Там говорится о том, что Бог является в образе света, Который действует услаждающе, а также о том, как послушник вопрошает рассудительного, имеющего опыт боговидения старца, как убеждаться в том, что виденное им — Бог. Зачитаю тебе текст, как приводит его святой боговдохновенный отец.

Он взял книгу и начал читать.

«Бог — свет, и в виде света явление Его... ибо, когда Он открывается в созерцании, виден свет; и видевший Его удивляется — Кто это явившийся ему, но не отваживается вопрошать, Кто это? Не дерзает он поднять глаза вверх и смотреть на Его величие, он только смотрит в страхе и трепете великом, простира-

ясь под ногами Его, зная только, что Некто явился ему. И если есть сведущий в этом, опытный в богопознании, приходит и говорит ему:

— Я видел.

— Что видел ты, чадо? — отвечает тот.

— Свет, отче, сладкий-сладкий; не могу сказать тебе, отче, откуда он, — у меня не хватает на это разума.

Когда говорит он это, трепещет и бьется сердце его и тотчас зажигается от любви к виденному. И затем вновь начинает говорить со слезами горячими и обильными:

— Я видел, отче, тот свет. Он тотчас наполнил келлию, и исчез мир, скрывшись, как я думаю, от лица Его; и лишь были я и этот свет. Не знаю, отче, было ли там тело мое, ибо я не понимал, ношу ли я тело или нахожусь близ него. Меня охватили радость неописуемая, любовь и желание великое, и побежали по лицу моему потоки и реки слез, которые ты и сейчас видишь.

Отвечая, он говорит ему:

— Это Он, чадо...

И вновь он видит Его, и мало-помалу совершенно очищается, и, очистившись, приближается, и спрашивает Его:

— Это Ты, Боже мой?

И отвечает и говорит Он:

— Это Я, Бог, ставший ради тебя человеком, и вот, Я сотворил тебя, как видишь, и сделаю богом. И оттоле скорбя, умоляя и смиряясь, он начинает постепенно познавать Божественное...»

В это время подле нас появился инок — послушник старца, к которому я начал испытывать ревность, так как он нашел мудрого и опытного руководителя. Он обратился к старцу:

— Вы велели мне поливать деревце. Я сделал это. Поливать ли сейчас и другое?

Тот посмотрел на него слегка задумчиво и затем ответил:

— Да, поливай.

И, обратившись ко мне, сказал:

— Это и есть послушание, о котором я говорил ранее, и тот, кто его исполняет и обращается по всем вопросам к своему руководителю, будет иметь духовное преуспеяние. Благодаря ему достигается многое. ***Во-первых,*** оно не позволяет фантазии метаться и оценивать действия монаха. Оно очищает ум не только от сложных, но и от простых помыслов и, таким образом, больше сосредоточивает на молитве. ***Во-вторых,*** оно научает обращаться за советом. Вопрошать своего духовного отца — значит спастись. Где есть послушание, там есть смирение — основа послушания, и, следовательно, не может прокрасться гордый дух — диавол, который, входя, вызывает ужасные, безобразные состояния. Вообще, на пути этого священного делания послушание крайне необходимо. Без руководителя мы не преуспеем. Старец определит наш путь, установит программу духовной жизни, велит прекратить какое-то начинание, сообщит, хорошо ли и богоугодно ли мы шествуем. В лице старца — Сам Бог. По образу Христа. Какое положение у епископа в епархии, такое же положение у игумена в святом монастыре и у старца среди монахов, принимающего на себя...

— Столь большое значение придает аскетика старчеству?

— Разумеется. Без старца нельзя преуспеть и вести жизнь по неискаженному Преданию. Как жизнь плоти передается из рода в род, так

передается и духовная жизнь. Старец, носитель и преемник Предания, сообщает его своему духовному чаду и рождает его во Христе. Он передает Предание тому, кто хочет его обрести. В этом заключается спасительный смысл послушания. Слушаться не для того, чтобы нивелироваться, но чтобы умертвить зло в себе, отказаться от собственной воли и воспринять Предание, чтобы изобразился в нас Христос. Я несу послушание, чтобы родиться. Послушание необходимо также и потому, что существует опасность заблуждения. Об этом пишет авва Дорофей: «Нет ничего несчастнее, нет ничего соблазнительнее, как не иметь руководителя на пути Божием». Тот же отец, толкуя место из Притчей Соломоновых: *«Те, кто не имеет руководителя, падают, как листья»* (Притч. 11, 14), — говорит, что лист, сперва зеленый и цветущий, позднее засыхает и падает, будучи пренебрегаем и попираем. То же происходит и с не имеющими духовника. Он быстро чахнет и попадает во власть врагов. «Лист, поначалу зеленый, свежий, радующий глаз, постепенно сохнет, и падает, и, наконец, презирается, и топчется ногами. Так и человек, не управляемый никем. Сперва он имеет ревность к посту, бдению, безмолвию, послушанию и прочим добродетелям; затем мало-помалу, когда ревность его гаснет и не имеет он руководителя для себя, который бы сдерживал и поддерживал эту ревность, он незаметно засыхает, и падает, и, в конце концов, попадает во власть врагов, и делают они над ним, что хотят».

— Приведу один пример, чтобы ты понял, как необходимо иметь старца для того, чтобы избежать ошибок. Я знал монаха, который во

время молитвы почувствовал сильную боль в сердце. Он тотчас рассказал об этом своему старцу. Тот забеспокоился и по опыту, который имел, спросил, в какой части сердца он чувствовал боль. Когда монах ответил, что в нижней части и вовне, старец велел: «Прекрати тотчас молитву и не произноси ее в течение недели, ибо боль должна чувствоваться в верхней части сердца и внутри. В нижней действуют страсти и, безусловно, что-то замышляет лукавый». И, таким образом, монах освободился от искушения лукавого, который уже начал действовать. Отцы от своего опыта учат: «Когда увидишь новоначального, который по своей воле восходит на Небо, схвати его за ногу и стащи вниз, ибо то не будет ему полезно».

Я ублажил того послушника, ибо он имел большое смирение и столь святого старца-наставника. И вспомнился мне стих, который приводит преподобный Феодор Студит послушнику:

Иди сюда, подвижник, приблизься ко мне, стань ревностным,
Сгибай свою выю, повинуясь усердно,
Будучи весь смирение, умерщвляя желания,
Открывая каждый помысл сердца,
Как будто находясь при конце жизни,
Не устрашаясь ни пустыни, ни столпа,
Ни другого какого подвига
На пути, ведущем к жизни в Боге.
Опережай всех, как написано в Божием слове,
Ибо ты идешь по пути первых мучеников.

— Счастливы монахи, пиющие духовную жизнь! — сказал я. — Блаженны эти сладкоголосые птицы, наслаждающиеся весенней росой — Богом! Мы не можем переживать таких состоя-

ний, ибо заглатываем выхлопные газы своей нечистоты и питаемся прахом земным, поедая самих себя.

— Но и вы способны насладиться лучами Божественной славы, сиянием Божественного света. Если желаете стать подлинными богословами, следует учиться молитве, ибо тогда будет присутствовать и действовать Святой Дух. «Если ты богослов, молись истинно, и если молишься истинно, являешься богословом». Мысль, которую я выскажу, поможет вам понять это. После совершения греха (главным образом, плотского) можно писать богословские исследования и заниматься анализом святоотеческих трудов, но невозможно молиться, ибо по причине греха потеряна благодать. То есть останавливается молитва, но не сочинительство. Стало быть, действительный богослов живет молитвой. Следовательно, и вы способны воспринимать веселящие звуки божественного просвещения.

— Каким образом? Вы могли бы очень помочь мне в этом вопросе. Он крайне насущен и необходим.

8. Молитва необходима и для всех живущих посреди мира

— Нужно осознать необходимость очищения от страстей. Желать не только других лечить, но одновременно глубоко верить, что и вы (как, разумеется, и все мы) исполнены страстей. Каждая страсть — это ад. И, кроме того, в соответствии со всем вышесказанным нужно осознавать, что молитва — лекарство, которое врачует душу и очищает ее. Конечно, молитва не всесильна сама по себе, но

мы можем утверждать, что она очищает или просвещает человека, так как соединяет его с Богом, Который один только очищает и просвещает. Он — врач душ и телес; Он — «Свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир». Коллирии (глазные капли) называются осветительными в смысле очищения, ибо дают возможность нашим глазам видеть различные предметы. Итак, нужно стремиться к очищению и преображению себя и просить в молитве просвещения от Бога.

— Вы полагаете, что мы, чья деятельность проходит в миру, можем, как и монахи, совершать божественное делание молитвы?

— Хотя и не совсем так, как они, но вы должны и можете достигнуть многого. Разумеется, здесь нужно уточнить, что одно дело — умная молитва и совсем другое — молиться Иисусовой молитвой. То есть умная молитва в таком виде, как ею занимаются некоторые исихасты, требует беспопечительного и сосредоточенного жития. Она требует безмолвия и многого другого, о чем мы недавно говорили. Если вы не в состоянии творить умную молитву в миру, ибо это очень трудно, следует молиться в определенные часы Иисусовой молитвой или же читать ее, когда есть возможность. И это будет для вас весьма и весьма полезно.

— Не могли бы вы дать несколько полезных практических советов?

— Помимо церковных последований, которые вы совершаете, посвятите определенные часы деланию Иисусовой молитвы, призыванию имени Иисуса. Начните помалу и продви-

гайтесь в соответствии с жаждой и благодатью, которую почувствуете. Можно начать с тридцати минут утром до восхода солнца и тридцати минут вечером после повечерия, перед сном. Необходимо иметь постоянные часы, не нарушаемые ничем, даже благими делами. В это время может появиться, например, кто-то, кого нужно исповедать. Если он не болен или в этом нет особой нужды, не откладывайте молитву на другой раз. То же и с остальными добрыми делами. Необходима также тихая и уединенная комната, куда не доносится шум и где начнется делание Иисусовой молитвы способом, нами упомянутым. То есть сперва возгревание сердца и чтение какой-нибудь святоотеческой книги, что приводит к умилению, и затем повторение Иисусовой молитвы устами, или же умом, или сердцем (соответственно развитию, нами пройденному). Со временем часы, уделяемые молитве, будут увеличиваться и радовать сердце, и ждать мы их будем с желанием утолить духовную жажду. Но, повторяю, поначалу потребуется нудить себя даже на малое время. И это принесет великое благо.

— Достаточно ли малого времени?

— Недостаточно. Однако, если есть расположение и смирение, Бог восполнит отсутствие молитвы. Ибо Он, столь человеколюбивый к нашим падениям, не будет ли чрезвычайно милостив к попытке нашего преображения? Господь восполняет недостающее, принимает во внимание условия каждого из нас и может один час молитвы, затраченный вами, благословить больше многих часов, проведенных в молитве монахом, поскольку вы заняты и другими делами.

Я был поражен рассуждениями монаха-агиорита, этого ангела во плоти. Как удивительно чутко различает он все проблемы и упорядочивает все вопросы по этой теме.

— Однако знайте, — продолжал он, — что в час молитвы, как я говорил ранее, диавол доставит вам множество искушений. Чтобы остановить молитву, обнаружится куча дел, которые надо сделать. Но, вместе с тем, следует знать, что Господь тем самым испытывает, действительно ли вы имеете расположение к молитве. Так что, если вы постараетесь, Он поспешит на помощь и уничтожит все трудности.

— Но, отче, если в час молитвы я обдумываю что-либо иное, например, как приготовиться к проповеди или беседе или сделать что иное из любви к брату, следует ли мне это оставить? Не заниматься этим?

— Да, следует поступить таким образом. Ибо и благие наши мысли в час молитвы (подчеркиваю, в определенный час молитвы) приходят от лукавого и используются им, с тем, чтобы не допустить нас к ней. Если диавол уверится, что ради дел мы готовы оставить молитву, он пошлет многое такое также и в тот час, на который мы перенесли ее. Но тогда мы не станем ни молиться, ни очищаться, ни быть действительно полезными братии. Проповедь, например, для подготовки к которой оставляется молитва, не принесет плодов. Она не пойдет на пользу братии.

— Иногда случается вернуться в свою келлию поздно, потеряв много силы, то есть изнуренным и выжатым, и невозможно тогда молиться и совершать положенное правило. Что делать в таких случаях?

— Нельзя и тогда оставлять молитву. Святой Симеон указывает, что никогда служение братии не должно быть поводом к тому, чтобы лишить себя молитвы, ибо тогда лишимся многого. Никогда не нужно использовать оправдания, чтобы отказаться от нее. В заключение он говорит: «Усердно подвизайся по силе в служении; в келлии же молись с терпением, умилением, вниманием, частыми слезами и не помышляй о себе, что ныне, по причине тяжких телесных трудов, можно оставить молитву. Говорю тебе, что, если понудишь себя на служение, но оставишь молитву, многое потеряешь». Полчаса молитвы заменяют три часа освежающего сна. Преуспевший в молитве человек, когда молится, отдыхает и умиротворяется. Даже с этой стороны она является весьма тонизирующим лекарством для организма. Так что, отец мой, все дела свои оберните золотым покрывалом молитвы. То, что мы имеем массу бедствий, то, что многие из братий расстраиваются и смущаются во время духовного делания, происходит потому, что они привыкли много работать умом, но не сердцем. Они устают от размышлений по поводу того, что сказать, тогда как, если живем по благодати, мысли появляются легко, они несутся, подобно стремительной реке. Если братия ссорятся между собой и не может воцариться мир, если мы уязвляемся несправедливыми нападениями, вместо того, чтобы радоваться им (по заповеди Христовой), это происходит потому, что у нас нет хороших отношений с молитвой. Святой Никодим Святогорец, следуя древней традиции, желает, чтобы епископ избирался из монашеского сословия. Имея монашеское устроение, он

не будет смущаться гонениями, клеветой, порицаниями, оскорблениями со стороны людей, ибо поспешит признать себя первым грешником, обвинить себя. И, таким образом, приобретет все плоды, о которых мы говорили, главным же образом, любовь, связанную с обильной благодатью, и непоколебимость, как говорят отцы.

— Что подразумеваете вы, отче, под монашеским устроением?

— Послушание, смирение, самоукорение, неутомимую жажду молитвы. Послушание старцу и своему духовнику. Смирение перед всеми и, разумеется, смирение, связанное с борьбой за очищение от страстей. Не будем заниматься многими делами, ибо, к сожалению, в этом вопросе на нас оказали дурное влияние различные системы взглядов. Величайшее дело — приобрести смирение и святость. Тогда поистине станем богатыми. Церковь — не Министерство социальных служб, но сокровищница Божественной благодати. Иереи — не служащие или общественные деятели, но те, кто пасет народ Божий. А этого нельзя делать иначе, как со смирением и святостью. Без них даже самый большой общественный труд быстро сводится на нет, в то время как вместе со смиренной и святой жизнью малейшее социальное делание приобретает колоссальное значение. Со смирением нужно связывать и самоукорение, то есть обвинение себя. Станем первыми порицать себя. Почет со стороны других отнесем не к нам самим, а к священническому сану, то есть что в нас почитают священство. Обвинения же со стороны других припишем не священству, но своей греховности. Тогда будем иметь мир и обильную благодать от Бога и изгоним любую причину ненавидеть брата.

Также и неутолимая жажда молитвы. Будем посвящать ей не только благоприятное время, но всю нашу жизнь. Будем преуспевать в молитве. И ею да будут освящены и наше богословие, и наши проповеди. Будем иметь и правило и его совершать ежедневно. Живя так, мир тогда получит реальную пользу. Став иереем или епископом, все равно нужно иметь одну заботу: как бы не утратить монаха. В «Отечнике» пишется: «Рассказывали об авве Нетре, ученике аввы Силуана, что, находясь в келлии на горе Синай, он не старался ограничивать свои телесные потребности. Напротив, став епископом в Фаране, он стал много понуждать и ограничивать себя. И говорит ему ученик его: «Авва, когда мы были в пустыне, ты не подвизался так». И отвечает ему старец: «Там была пустыня и нищета, и я хотел защитить тело, чтобы оно не впало в болезнь и не потребовало бы того, чего я не имел. Здесь же мир и удобства. Даже если я заболею, найдется кто-нибудь и позаботится обо мне. Я делаю все это с тем, чтобы не утратить монашеского устроения». Имеющие монашеское устроение, чем бы они ни занимались, чувствуют необходимость благословения. Во время или по завершении трудов они поверяют их епископу или опытному духовному руководителю, с тем, чтобы получить подтверждение и вразумление. Они не ищут похвал, ибо тот, кто ублажается или превозносится более того, чего он стоит, сильно повреждается. Поистине так, отец мой. И где бы вы ни находились — на улице, в транспорте и т.д., — читайте Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — или: «Пресвятая Богородице, спаси мя». Как можно чаще, после

многой подготовки совершайте Божественную литургию и приобщайтесь Пречистых Таин. Все творение поет и славит Бога. Не служащий иерей является диссонансом в этом необыкновенном хоре. Хорошо время от времени петь канон Господу нашему Иисусу Христу, который находится в большом Часослове, а также молитвенные обращения, наподобие акафистных, Господу нашему Иисусу Христу в конце «Невидимой брани», составленные святым Никодимом Святогорцем с целью понудить нас «чаще вспоминать спасительное, и сладчайшее, и радостотворное имя Господа нашего Иисуса Христа — причину всех благ — не только устами, но и сердцем и умом».

— Помимо того, ваша задача — молиться за других, поскольку Бог вверил вам Свой народ; следовательно, в ваши обязанности входит молитва об умиротворении и просвещении этого народа. Так поступал и великий Моисей...

9. Молитва о других

— Да, старче, до сих пор мы не говорили о молитве о других. Как ее совершать?

— В миру, отец мой, велико неблагополучие, заблуждение, неведение Бога, которое, по словам отцов, является величайшим грехом. И наш долг — плакать и молиться. Святой Иоанн Лествичник составил «Слово к пастырю», точнее, к игумену, укрепляющее, однако, любого епископа и духовника, который является как бы епископом для каждой души. Там говорится, в частности, следующее. Иерей поступает подобно пастуху, который, когда отдыхают овцы, отпускает на свободу по загону сторожевых собак,

чтобы они охраняли стадо от волков. В час, когда христиане спят, он бодрствует, предоставляя своему уму (как сторожевой собаке) свободу и заставляя его бдеть и взывать к Богу о народе Его. Сколь многие в тот час распутничают! Сколь многие готовы покончить с собой! Сколько готовых совершить ужасные злодеяния! Сколько разочарованных и отвратившихся от добра! За них всех читайте молитву. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй рабов Твоих» или «раба Твоего», если имеете в виду определенный случай.

— Хочу задать вам вопрос. Недавно вы говорили, что молитва должна идти без образов. Ныне же сказали, что следует молиться за всех имеющих столь крупные проблемы. Не развивается ли в таком случае фантазия и не возникает ли причина рассеиваться уму, тогда как нужно стремиться сосредоточить его в себе и в сердце?

— Вы хорошо сделали, задав такой вопрос. Ибо разъяснение необходимо. Когда мы молимся о других, мы делаем это внешне. То есть желая какое-то время приносить молитву о тех, кто имеет в ней нужду, мы читаем первый раз «Господи Иисусе Христе, помилуй рабов Твоих» или «раба Твоего» (и поминаем их имена), но затем произносим «раба» или «рабов Твоих» безымянно, и ум, не помышляя о них, не отвлекается. Господь знает, за кого мы молимся. Также не следует вникать в проблемы, занимающие человека, но говорить «раба Твоего», и Бог пошлет ему Свою благодать. Если тот окажется достойным принять ее, она поможет ему в его деле. Благодать Божия, отец мой, подобна воде, которая бежит по почве, впитывается корнями и дает каждому дереву то, чего оно желает. Не

это ли наблюдаем мы и за Божественной литургией? Мы молимся о всяких нуждах, и народ отвечает: «Господи, помилуй!» Поэтому, когда приходит милость Божия, она дает человеку то, в чем он имеет действительную нужду. Но молитва о других является необходимым пастырским деланием и по другой важнейшей причине.

— Мне хотелось бы услышать об этом.

— Молясь о другом, мы почти тотчас получаем известие от Бога о том, какую особую нужду тот имеет, и, таким образом, можем эффективно подействовать на его спасение. Как-то ко мне в келлию пришел некто, восхвалявший меня как удивительно одаренного человека-христианина. Поскольку превозношение несвойственно Православию, я тотчас вышел в домовую церковь и попросил Бога открыть мне, что же это такое. И ты не поверишь...

— Ах, отче, почему же мне не верить?

— ...Церковь тотчас наполнилась смрадом. И я сказал, что нехорош тот человек, ибо он не имеет благодати Христовой. Он лишен Животворящей Божественной благодати и потому мертв — *«носит имя будто жив, но он мертв»*. Подобно тому, как тело умирает и издает зловоние, когда выходит из него душа, так умирает и распространяет духовное зловоние душа, когда отступает от человека благодать Божия.

Я был поражен. Столько откровений сделал мне сегодня старец и таким способом, что нельзя было заподозрить его в эгоизме. Святые преодолели все это. Они говорят не для того, чтобы порисоваться, но чтобы принести пользу. Все — во славу Божию. Закон Божий стал их

законом. Он глубоко начертан на всем их устроении.

— Вообще же, отец мой, — продолжал он, — Иисусова молитва необходима в вашей деятельности. Молясь, вы можете распознать в своем сердце движения лукавого. Сердце становится чрезвычайно чувствительным и невообразимо проницательным в распознавании сатаны и одновременно получает много сил через молитву для изгнания его оттуда. Таким образом, оно превращается во вместительный сосуд Святого Духа. Тогда по опыту, который получите в войне с сатаной, и по знанию Божественной благодати вы сможете весьма успешно входить в душу другого и проникать во внутренний мир исповедуемого. Польза от этого будет колоссальной. С исповеди уйдет другой человек: избавленный от знаемых и незнаемых страстей. Но мне хотелось бы обратиться к вам, — продолжал старец, — с тремя просьбами. Надеюсь, что вы прислушаетесь к ним.

— Ко всему, что бы вы ни захотели, — ответил я. — Совершенно уверен, что они будут выполнены.

ПРОСЬБА ПУСТЫННИКА

Первая. Монахи — это делатели молитвы. По благодати Христовой они проникают в область, подвластную диаволу, и сокрушают его. Разбивают все его планы. Подавляют его. Именно подавляют непрерывной молитвой. Не проходит ни секунды, чтобы на Горе не раздался вопль к Иисусу и Госпоже Богородице. И, поскольку они подавляют диавола, он трепещет. И поэтому одно из главных дел его — помешать благому желанию, которое имеет кто-либо к безмолвию. Итак, прошу вас не забывать в своей молитве монахов и тех, кто стремится стать монахом. Говорите и о них: «Господи Иисусе Христе, помилуй рабов Твоих», — и: «Пресвятая Богородице, спаси рабов Твоих». На готовящихся стать монахами лукавый обращает любовь тех, кто ранее был к ним безразличен. Родственники и друзья (в том числе и духовные) прекрасными словами раскрывают любовь свою и проявляют чрезвычайный интерес. Сегодня люди не молятся и, вместе с тем, не отпускают тех, которые стремятся молиться. Они хотят, чтобы все люди без молитвы прилагали свои

усилия в обществе. И мир сегодня гибнет и страждет не потому, что нет тех, кто интересовался бы его нуждами, но потому, что нет молитвенников. Многие полагают, что труд монахов (который заключается, главным образом, в молитве) бесполезен и не нужен, не ведая того, что молитва — это «духовная деятельность, кровавая борьба и неусыпное бодрствование». Они даже не желают знать, что кто-то молится об их собственных проблемах. Таким образом, они воюют против самого стремления к монашеству и становятся орудием диавола. Диавол также стремится низвергнуть в плотскúе грехопадения тех, кто готовится стать монахом, опалить их крылья и затруднить для них вступление на путь монашеского жития. Вот почему мы сказали, что чем сильнее было наслаждение в миру, тем большей скорби подвергаются в монашестве при очищении.

Вторая. Поминай и меня в своих молитвах, чтобы помиловал меня Бог. Боюсь, как бы по беспечности своей не лишиться благодати Божией. Как бы не потерпеть кораблекрушения в этой тихой пристани. Молись, чтобы даровал мне Господь «христианскую кончину живота моего, безболезненну, непостыдну, мирну, и добраго ответа на Страшном Судищи Христове». Молись Госпоже Богородице, чтобы Она утешила и укрепила меня. Каждый вечер я особенно прошу Ее быть моей Заступницей и Помощницей в настоящей жизни и в час исхода моего прогнать всех бесов, которые захотят похитить душу мою, а во время Суда избавить меня от вечных мук и сподобить райского блаженства. Помолись и ты за меня. Чтобы я покаялся. Хочу

плакать о грехах своих и удостоиться милости Господа нашего.

Третья. Используй и для самого себя, брат мой, бич Христов. «Именем Иисуса бичуй врагов». Твори молитву Иисусову, чтобы обрести милость у Господа. Разве не знаешь ты, какая слава уготована Господом на Небесах любящим Его, какой светлый и радостный праздник ожидает праведных? Не останемся же вне Чертога Христова. Да не услышим: «Не знаю вас».

Пустынник вздохнул и сказал: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго. Помилуй и раба Твоего... Пресвятая Богородице, спаси мя и раба Твоего...» Затем склонил голову и погрузился в молчание.

— Обещаю выполнить все три твои просьбы, святый старче, ибо ты показал сегодня вечером свет душе моей. Во что бы то ни стало я выполню первую просьбу. Также и вторую, хотя нет в том нужды. Но третью я обращу к тебе.

Я пал к коленям его и возопил, заливаясь горячими слезами:

— Оставь меня подле себя и помоги мне спастись. Я не хочу возвращаться в мир. Ныне я обрел спасение свое. Возьми же меня, святой отец, и обучи. Укажи мне мистические ступени созерцания. Открой мне Чертог имени Иисусова и покажи все Его покои. Я слеп и кричу: «Помилуй мя!» Я мытарь, которого обложил пошлиной грех, и вопию: «Помилуй мя!» Я одержим духом злым и терзаюсь: «Помилуй мя!» Я чужеземец, подобно хананеянке, но осмеливаюсь просить помощи: «Помилуй мя!» Я прокаженный от страстей моих и кричу от всей души: «Помилуй мя!» Я блудный сын, ищущий возвращения. Я... Я... не чадо Божие, но сын диавола.

Оставь меня подле себя. Не позволяй мне, старче, уйти отсюда. Хочу здесь умереть, чтобы заблагоухала в этой пустынной и бесплодной местности душа моя и я узрел Бога. Слезы станут пищей моей. Хочу стать кифарой Божией и петь, как вы поете за каждым бдением: «Бдех и бых яко птица особящаяся на зде. Быша слезы моя мне хлеб день и нощь. Зане пепел, яко хлеб, ядях и питие мое с плачем растворях. Утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу. Яко забых снести хлеб мой от гласа воздыхания моего, прильпе кость моя плоти моей. За словеса устен Твоих аз сохраних пути жестоки. Возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя, в земли пусте, и непроходне, и безводне. Радосте моя, избави мя от обышедших мя». Слышишь, старче? Не уйду! Здесь останусь. Здесь буду жить, здесь умру, отсюда взойду на Небо. Покажи мне Отца...

Он не отвечал. Возможно, и отвечал, но я не в состоянии был что-либо слышать. И расслышал лишь его последние слова.

— Чадо мое, есть нужда и в миру. Ступай, трудись и возвещай волю Божию. «Иди в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог».

Я счел полезным для себя, по крайней мере, в настоящее время, повиноваться. Это было волей Божией в отношении меня.

— Дай мне тогда обещание, — сказал я, — что разрешишь мне провести несколько месяцев подле тебя и обучиться Царству Божию.

— Раз ты желаешь, принимаю. Сейчас я пойду отдохну немного, ибо приближается полночь, и затем вскоре будем совершать Божест-

венную литургию. Готовься сегодня совершить для нас службу.

— Сегодня вечером сон не принесет мне отдыха. Не тянет меня в келлию. Сегодня вечером я родился и крестился. Благослови меня провести это время в маленьком саду. В такие часы лучшее успокоение обретаешь в бодрствовании. «Неусыпные стражи ночи» слышат архангельский глас, поклоняются Богочеловеку и становятся богочеловеками.

— Благословляется. Бог с тобой.

ПОЛНОЧЬ В ПУСТЫНЕ СВЯТОЙ ГОРЫ

Я вышел и сел на камень. Наступила полная темнота. Шум моря слышался издалека. Вся сладость вечности охватила мою мятущуюся душу. Бесконечный покой. Я явно чувствовал присутствие Богочеловека, Который знает, чем наполнить пустынное место и как бы остановившееся время. Такие моменты я лишь дважды переживал в своей жизни. Первый раз, когда малым дитятею, находясь на руках своего крестного отца (восприемника), я слушал оглашение и устами его изгнал диавола, чтобы сподобиться войти во святую купель и стать достойным членом Тела Христова. Второй раз — в этот вечер, здесь, в удаленном месте Святой Горы, когда неутомимыми и благословенными устами старца я принял оглашение, чтобы сподобиться войти во вторую купель покаяния и встречи с Богом. С тем лишь единственным различием, что первый раз я не понимал многого (почти ничего), ныне же едва ли не полностью отдаю себе отчет в каждом движении к Богу... В этот вечер Бог послал мне свою манну и в лице святого пустынника напитал меня.

Пророк Исаия говорит: «Блажен, кто имеет в Сионе семя и родных в Иерусалиме». Это весьма глубоко истолковывает афонский монах, игумен монастыря Ставроникита: «Все мы можем сказать, что являемся блаженными, ибо имеем в Сионе Православия — НА СВЯТОЙ ГОРЕ — семя — святых подвижников и в Горнем Иерусалиме таких родных. Они живут для нас, представляя собой СВЕТ И НАДЕЖДУ в настоящей и будущей нашей жизни».

Я хотел попробовать осуществить на практике то, о чем говорил мне старец-подвижник, который в ходе беседы поистине явился для меня «тайноводцем более, нежели законоучителем» (авва Пимен). Я склонил голову, спрятав ее между коленей (как некогда делал пророк Илия на горе Кармил), и начал возгревать сердце, с тем, чтобы потом приступить к Иисусовой молитве.

Ночные часы животворны для монахов, которые являются «мастерскими непрекращающейся молитвы, приятный научный труд которых — памятование об Иисусе в сердце». Ночь благоприятно воздействует на равноангельскую жизнь иноков, и поэтому ей отдают предпочтение в умном делании и молитве. Монахи упраздняют ночь, ибо монашеская жизнь упраздняет все. Она упраздняет смерть, так как в браке передается жизнь, но одновременно передается и смерть. Рождается новое существо, которому предстоит умереть. Девственная же жизнь кладет конец смерти — тирану человека. В монахе начинается вечность — действительная жизнь; он живет эсхатологической действительностью, ангельским образом жизни. Господь сказал: *«Чада века сего женятся и выходят*

замуж, а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят» (Лк. 20, 34–35). Монах принадлежит другому веку. Настоящая жизнь становится вечностью, временной вневременностью! «Девство, хотя и ходит по земле, причастно Небесному» (святой Мефодий Олимпийский). Поэтому можно утверждать, что девственная жизнь есть упразднение ночи. Ночь становится днем при эсхатологическом и ангельском образе жизни. Если, по Апокалипсису, «ночи не будет там», то и здесь для тех, кто является ангелами во плоти, не должна существовать ночь. Агнец, Солнце, Христос просвещает все!

Как утверждают святые отцы, «ночь полезна всем»: и делателям, и созерцателям. Делатели — это монахи, находящиеся на первом этапе монашеской жизни, которым необходимо бороться со своими страстями, чтобы преобразиться в божественной любви. Они — «скотоводы», которые стараются обуздать «скотов» — испорченные состояния души. Монахи-созерцатели — те, кто прошел этот этап, освободился от рабства египетского (от страстей) и достиг пустыни бесстрастия. Это — «пастыри», которые пасут овец (чистый ум и чистое сердце) на вершинах богозрения. Отцы говорят, что для обеих категорий монахов ночь необходима и полезна. Делатели вспоминают о грехах, совершенных в течение дня, о «смущении падений». С помощью животворящей благодати они обретают «в истине и немечтательно некое состояние души и тела» и начинают затем вопить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Они не оставляют в пещерах подсознания свои преступные мысли, постыдные желания и грехов-

ные дела, но силой благодати входят в эти пещеры и изгоняют все, от чего отвратились, и, таким образом, исцеляются, очищают сердце и ум не только от сложных, но и от простых помыслов. Созерцатели по-иному проводят ночные часы. Очищенные от противоестественных состояний, они, в основном, славят Триединого Святого Бога. Их ум — в безмолвии. Они направляют мысль и сердце к вершинам созерцания. При наступлении сумерек они помышляют о дне творения, когда «земля была безвидна и пуста и тьма — над бездной». Едва появляются звезды, они вспоминают об их создании и, подобно Ангелам, которые тотчас прославили тогда Бога, поют хвалу ныне Богу о всем творении. В то время как другие спят и словно не существуют, они бодрствуют наедине с Богом и славословят Его, как Адам до грехопадения. При появлении грома и молний они помышляют о Дне Страшного Суда. В крике птиц они слышат голос труб, призывающих мертвых восстать из гробов. Утренняя заря и рассвет напоминают им явление Честного и Животворящего Креста, знамения Сына Человеческого. Сияние солнца напоминает им о приходе во славе Солнца Правды — Христа. Поднимающиеся тогда для прославления Христа — это святые, которые «восхищаются на облаках для встречи с Господом на воздухе», нерадящие же о том, чтобы при восходе солнца славословить Бога, и спящие — это подлежащие будущему осуждению грешники...

Таким образом я старался жить в ту ночь. Такими мыслями пытался согреть свое грешное и холодное сердце. Возгревая его, я молился примерно так, как блаженный Августин: «Ты —

дивный лук и острый нож, силой Своей пробивающий жесткий панцирь человеческого сердца, пронзи мое сердце копьем стремления к Тебе, чтобы говорила Тебе душа моя: «Насыщаюсь Твоей любовью, и от этой раны любви к Тебе денно и нощно льются обильные слезы. Утиши, Владыко, и укроти зачерствевшую душу мою острейшим лезвием Своей любви, войди в глубь нее могучей силой Своей, дай главе моей воду неиссякающую, глазам моим вечнотекущие источники слез, чтобы я, охваченный безмерной любовью и стремлением видеть Твой прекраснейший лик, всегда рыдал, не принимая никакого обольщения во время настоящего жития, и сподобился созерцать в небесном чертоге возлюбленнейшего и прекраснейшего Жениха — Господа и Бога моего... Отверзи уста души, жаждущей Тебя, к вышним потокам Твоего неиссякаемого насыщения, привлекая к Себе — Живому Источнику, Боже мой, жизнь моя, чтобы от него, насколько возможно, пить мне и жить вовеки. О Источник Жизни, наполни разум мой потоком наслаждения Твоего, напои сердце мое трезвым восторгом любви Своей, чтобы отвлечься мне от тщетного и земного и вечно помнить лишь Тебя одного...» И затем я повторял по силе своей ту молитву, которой обучил меня подвижник. Сколько времени я находился там, не могу вспомнить. Это был момент, когда останавливаются стрелки часов. Вечность остановила время.

Давно миновала полночь. Я стал различать каливы подвижников, которые постепенно начинали освещаться. Поднимались ночные соловьи, чтобы петь. «Источники умиротворения» — чтобы бежать и орошать жаждущую землю на-

шу. «Огненные башни Горы» — чтобы освещать. «Благоухающие и услаждающие крины» — чтобы облагоухать Вселенную. Вскоре из келлий зазвучат их голоса, полные слез покаяния и озарения. Они поднялись, чтобы славословить Христа и просить Его послать Свою Божественную благодать, Свою богатую милость.

«Иисусе, Красото необыменная и прекраснейшая, славословлю Тя, воле силу сочетавающаго.

Иисусе, Любовь превосходящая и всевожделенная, славословлю Тя, основания безконечных миров утверждающаго.

Иисусе, Путь, Истина и Живот, благодарю Тя, яко привел мя еси ко истине божественных и животворящих словес Твоих.

Иисусе, крайняя цель созерцания блаженных, благодарю Тя, яко недостойную природу нашу удостоил еси столь великия славы Твоея.

Иисусе, Свете, превысший всех светлостей, исповедуютися, яко во мраце греха пребываю.

Иисусе, последний из судящих, исповедаютися, яко николиже, яко должно, любовию Твоею уязвляюся.

Иисусе, животворящая и сладчайшая теплото, согрей мя, хладнаго.

Иисусе, звездообразная и пресветлая одеждо, украси меня, обнаженнаго.

Иисусе, начало, и средина, и конец мой, очисти сердце мое, да Тебе предстану.

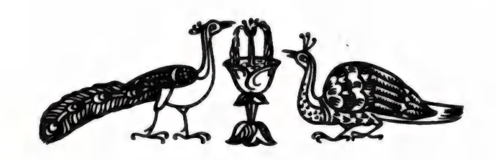
Иисусе, вся Сый и выше всего Боже мой, яви мне лице Твое, и спасуся.

Иисусе, еже паче ума, цела соединена во мне самем обращением ума и молитвою покажи мя.

Иисусе, таинство преневедомаго молчания, соделай мя превыше всякаго чувства и мысли.

Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя».

Святая Гора в эти часы пылает. Диавол рыкает. Монахи в своем подвиге соединяются с Богом...

СОВЕРШЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

Я продолжал читать Иисусову молитву достаточно долго. Вспоминал знакомых, братьев, друзей, живущих в миру, и чувствовал в тот час необходимость горячо просить Бога о них.

И вот меня позвали для совершения Божественной литургии в небольшую церковь каливы. Какая это была Божественная литургия! Какое величие! Я знал, что Божественная литургия представляет собой все богословие и богозрение. Я знал, что Божественная литургия — это действительно Пасха, Голгофа и Воскресение Христово. Но в ту ночь я реально пережил и понял это. Понял, что Божественная литургия — предел жизни верующего. «Сие есть жизни грань; когда ее кто достигнет, ему уже больше нигде не нужно искать счастья» (Святитель Николай Кавасила). Да, это величайшее счастье для верующего. И я его пережил именно в ту ночь.

Лишь несколько лампад освещали в храме лики Христа, Пресвятой Богородицы и святых. Три послушника вместе со старцем словно за-

стыли в старых стасидиях* и переживали Таинство. Они не просто следили за ходом службы, но сослужили мне! Их вид напоминал житийные лики святых. Вы бы сказали, что они сошли со стен и переживали Пасху. Голоса мягкие, негромкие, погруженные в скорбь. Псалмопение выходит из уязвленного божественной любовью сердца, из глубины души, насыщенной божественной любовью. Здесь ясно различается и узнается, как далек от этого мирской человек, не живущий в подвиге и сокрушении.

Признаюсь, та Божественная литургия представляла проблему для меня. Никогда в жизни не чувствовал я такой растерянности и столь неисчерпаемой радости. Растерянности, ибо я находился среди святых. Когда я вышел на благословение со словами: «Мир всем», — я чисто по-человечески был озадачен. Ибо они имели мир, в то время как я, думаю, нуждался в умиротворении. Посылая апостольское благословение: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами», — я хорошо сознавал, что делаю. Я послал благословение и благодать тем, кто... исполнен благодати. «Горé имеим сердца», — сказал я людям, всегда имеющим их на Небе. Единственным, для кого необходимы были эти возгласы, был я. Я особенно осознавал свою греховность при молитве «Никтоже достоин...» С неподдельным сокрушением и непрестанными слезами я читал молитву: «Призри на мя, грешнаго и недостойнаго раба Твоего, и очисти душу и сердце мое от совести лукавыя. И удовли́ мя силою Святаго Твоего Духа, облеченна благода-

* Стасидия — сиденье с подлокотниками для молитвы.

тию священства, предстати Святей Твоей сей Трапезе и священнодействовати Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь. К Тебе бо прихожду, преклонь мою выю, и молютися, да не отвратиши лица Твоего от мене, ниже отринеши мене от отрок Твоих; но сподоби принесенным Тебе быти мною, грешным и недостойным рабом Твоим, даром сим».

Впрочем, я чувствовал благодать, и на душе сладко становилось от присутствия Божия. Хорошо очищенный ранее мудрым наставлением и благословением пустынника, ныне я оказался пригодным для жительства в возвращенном Царствии...

Когда наступило время причастия, я пережил потрясающие моменты. С преображенными от аскетического подвига лицами, просвещенные созерцанием Света и жизнью в Нем, приближались монахи, чтобы принять Иисуса, приобщиться Пречистых Таин, получить благодать от полноты благодати обóженного Тела Христова. Молитва взращивает любовь; чем пламеннее любовь, тем она более приближает к Престолу любви и соединяет с ЛЮБОВЬЮ. Насколько приобщаются, настолько увеличивается ревность к молитве.

«Причащается раб Божий монах... Тела и Крови Христа во оставление грехов и в жизнь вечную». Да, именно. Они получили Вечную Жизнь. «Сия есть вечная жизнь, да знают Тебя Единого Истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа». Это проблема — служить литургию и преподавать Христа тем, кто стал богом по благодати. Христос здесь уже присутствует. «Бог посреди богов, обóженных сущим по естеству Богом».

Члены человека вместе с Божественным Причащением становятся светоносными. Принимая небесную пищу, духовную манну, мы не преобразуем ее в телесное, но «тело преобразовывается в нее». Все сияет!

После причащения исполняющий обязанность певца-псаломщика* говорит по уставу Святой Горы (вслед за «Всегда, ныне, и присно, и во веки веков») следующее: «Аминь. Аминь. Аминь. Во оставление грехов и в жизнь вечную. Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко да поем славу Твою, яко сподобил еси нас причаститися Святым Твоим, Пречистым и Безсмертным Тайнам. Соблюди нас во Твоей святыни, весь день поучатися правде Твоей. Аллилуия, аллилуия, аллилуия»**. Для этого причащаются, чтобы жить весь день со Христом и обучаться святому, желаннейшему и любимому Его имени.

После отпуста Божественной литургии один из монахов читает благодарственные молитвы. Тогда, в эти дивные моменты, прекрасно воспринимаются молитвы, составленные святыми отцами как благодарение по Святом Причащении. Вот молитва Господу нашему Иисусу Христу: «...Даждь быти сим и мне... в просвещение очию сердца моего... в приложение Божественныя Твоея благодати и Твоего Царствия присвоение: да во святыни Твоей теми сохраняемь, Твою благодать поминаю всегда, и не ктому себе живу, но Тебе, нашему Владыце и Благодетелю...». Или молитва ко Пресвятой Богородице,

---

* По-гречески — «псалт» — не только певец, но и чтец.

** Греческий текст православного Богослужения имеет расхождения со славянским.

которую на Афоне особенно почитают: «...Рождшая истинный Свет, просвети моя умныя очи сердца; Яже источник безсмертия рождшая, оживотвори мя, умерщвленнаго грехом; Яже милостиваго Бога любоблагоутробная Мати, помилуй мя, и даждь ми умиление, и сокрушение в сердце моем, и смирение в мыслех моих, и воззвание в пленениих помышлений моих, и сподоби мя до последнего моего издыхания, неосужденно приимати пречистых Таин освящение... И подаждь ми слезы покаяния и исповедания, во еже пети и славити Тя во вся дни живота моего».

Эти молитвы говорят о свете и жизни. И еще о слезах покаяния.

После Божественного приобщения еще более усиливается духовная жизнь. Христос необходим для продолжения аскетического подвига.

Небольшая церковь представляла в ту ночь (по крайней мере, для меня) все Православие. Таинство Пришествия Христа. Лествицу Иакова. В глубине сердца слышался крик: *«Страшно место сие, и несть сие, но дом Божий и сия врата Небесныя».* Отсюда преподобные отцы восходят на Небо и сподобляются вечности.

Ранее Господь через святого пустынника исцелил меня и мое расслабление. Ныне же за Божественной литургией в храме я видел Бога и узнал Его, как это произошло с расслабленным. Господь излечил его в купели, и в храме узнал Его исцеленный и поклонился Ему.

В ту ночь я воскрес: «О ночь, светлейшая дня; о ночь, радостнейшая солнца; о ночь, белейшая снега; о ночь, сиятельнейшая молнии;

о ночь, прогоняющая сон; о ночь, обучающая бодрствованию с Ангелами» (Астерий).

Разумеется, я считаю, что один день на Святой Горе ценнее года научных исследований. Одна ночь в отдаленной каливе ценнее университетского диплома. Краткая беседа с пустынником — ложка с витаминами, ценнейшими тех тысяч видов чепухи, которые мы поедаем в миру.

Я рассматриваю Святую Гору как ковчег Православия, который не много говорит, но переживает многое. Она — граница мира и премирных. «Находясь на границе мира и премирных, Афон представляет собой источник добродетелей» (святой Григорий Палама). Он — покрытый зеленью луг православного мира. Каждый пустынник — это безмолвное противодействие духу омерщвления нашей веры, вследствие чего велико его значение для всего человечества. Здесь есть возможность покаяния и возможность жизни в Православии; вот почему он дает многое Церкви и людям, живущим в миру. Каждый пустынник — это Иона (в хорошем смысле), который собирается идти в Фарсис (в пустыню), но «морской зверь» (благодать Божия) ведет его в Ниневию, город великий (в мир), проповедовать покаяние, обращение к Богу.

«Хорошо нам здесь быть... сотворим три кущи...» (Мф. 17, 4. Мк. 9, 5. Лк. 9, 33). Однако для меня не нашлось там кущи. Получив сокровище — Иисусову молитву, открытую мне старцем, я должен был вернуться в мир и «бомбардировать» его ее силой. Объявить по

всей Греции о величайшем сокровище, которое имеет Святая Гора. Не о золотых реликвиях прошлого, не о шитых золотом облачениях, не о золотых сосудах, не о высокохудожественных рукописях, но о благодатной молитве, силою которой создано все вышеперечисленное.

СХОЖДЕНИЕ С МОЕГО ФАВОРА

Едва достаточно рассвело, я пожелал получить благословение отца... и спуститься с горы к морю — не только в буквальном, но и в переносном смысле: с духовной горы — в житейское море. Я нашел его безмятежным, умиротворенным, читающим Иисусову молитву и трудящимся над своим рукоделием, чтобы заработать себе на жизнь немного сухарей и самое необходимое.

— Помолись за меня, — сказал я и наклонился поцеловать его руку.

— В добрый час, чадо. Госпожа Богородица да будет с тобой. Да укрепит тебя Святая Троица: «Господь сохранит душу твою и тело от всякого зла, от всякого действия диавольского и мечтания непотребного; Господь будет тебе светом, твоим покровом, твоим путем, твоей крепостью, твоим венцом радования и вечным прибежищем. Внимай себе». Всегда имей неразлучным спутником Иисусову молитву. И молись за меня, да помилует меня Бог...

Молитвы монахов — это целая жизнь. Молитвы, исходящие из созерцающего Бога сердца.

— Благодарю тебя, старче, за все. Молись за меня, за моих друзей, за моих духовных чад, за моих родных. Молись, молись, святой Левит. Молись за весь мир, ибо ты ближе к Небу. Молись, старче. Ты — самый необходимый человек для человечества. Молись. Ты — несметное сокровище Православия, хранящееся, как и многие другие, в сокровищнице Святой Горы. Молись, молись за нас, грешных. Ты — медный змий, вознесенный в пустыне, мы же, грешные, уязвленные змеями греха, видя тебя, исцеляемся. Ты — наш Моисей, поднимающий на горе руки в молитвенном положении, и мы здесь, внизу, поражаем врага. Не сходи оттуда, ибо сокрушит нас сила вражеская, сатанинская. Молись, старче...

— Господь да помилует меня, чадо мое.

— Благословите.

— Бог благословит! Буду ждать тебя на будущий год.

Как многокрылая птица, как шестикрылый Серафим, как огненный и огненосный пророк Илия, спускался я с горы на побережье, чтобы сесть на корабль. Рассудок мой не работал. Мысль остановилась. Лишь сердце горело. Стремительно бежало. И, не понимая хорошенько, я пел последование, составленное для отцов Святой Горы знаменитым святогорцем, святым Никодимом: «Кто расскажет о трудах ваших, блаженные отцы? Или кто достойно воспоет добродетели подвига вашего? — Трезвение ума, непрестанную молитву, болезненное мученичество совести ради добродетелей, озлобление тела, совлечение страстей, всенощные стояния,

вечнотекущие слезы, распинание втайне, смирение ума, победы над бесами, множество даров... О сонм преподобных, освященный в Боге и возжелавший Его! О богоносный пчельник, собравший в расщелинах и пещерах Святой Горы как бы в ульях умных сладчайший мед безмолвия! Троицы услада! Богородицы украшение! Афона похвало! И Вселенной свято чтимые! Предстательствуйте перед Господом о помиловании душ наших».

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами святых Твоих, помилуй мя, грешнаго!

Пресвятая Богородице, спаси мя!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас, приближаясь к концу, я чувствую необходимость воздать бесконечную благодарность и славословие Пресвятой Троице, Которая раскрыла мне глаза, помогла духовно соединиться со святоименной Горой, источником добродетели, и узнать святых человеков, жительствующих жизнью богочеловеков. «Живут на земле, имея гражданство небесное». Благодаря знакомству и беседе с ними и их советам, я обрел еще одно измерение духовной жизни, далекой от морализирования и бесплодного благочестия. Я познал духовную свободу и возможность спасения и глубоко прочувствовал миссию христианина.

Я бесконечно благодарен Божественной благодати, сподобившей меня описать беседу, которую я имел на Святой Горе. Разумеется, пером нельзя достаточно представить ту святую и живительную встречу, ибо слова чрезвычайно скудны и часто непригодны для этой цели. Однако из того малого, что здесь представлено, можно уловить (пусть и слабо) благодатное настроение, которое вызвала святая беседа.

Верю, что найдется хотя бы несколько человек, которым помогут (возможно, различным образом) эти краткие мысли. Моя вера основывается на том факте, что я много потерпел от диавола в период описания беседы. Я ощущал его подле себя и то, как он всячески стремился помешать. Однако сила животворящей благодати помогла мне завершить этот труд.

Всем православным известно, что спасение наше возможно. Возможность эта связана с тем, что мы сотворены «по образу Божию» и что есть «Образ Божий» — Богочеловек Христос. Многие православные богословы подчеркивают ту истину, что Богочеловек Христос является решением всех антропологических проблем. Христология — основа антропологии. И когда отцы подвизались против ересей, они делали это не из человеконенавистничества, но из человеколюбия. В борьбе они сохранили в чистоте учение о Богочеловеке; они делали это во имя спасения человека. Ибо вместе с еретическим злом (главным образом, в вопросе о личности Богочеловека) совершенно утрачивается возможность нашего спасения. По православному учению, в Ипостаси Богочеловека соединился «неизменно, нераздельно, неразлучно» совершенный Бог и совершенный человек. Истинный Бог и истинный человек. Такая двойная природа дает нам возможность и надежду нашего обóжения. Богочеловек Христос обóжил человеческую природу, которую воспринял от Девы Марии (без греха), и прославил ее. Теперь надлежит обóжиться человеческим ипостасям (всем желающим спасения). А это происходит при покаянии и стремлении соединиться с Богочеловеком и жить во Христе Иисусе. Очищение

приносит просвещение и единение со Христом. «Где очищение, там просвещение. Без первого не подается второе» (святой Григорий Богослов).

В этом смысл Божественного вочеловечения Бога и Слова. «Слово стало плотью (человеком), чтобы, по словам отцов, плоть (человек) стала Словом» (преподобный Марк Подвижник). Богочеловек может спасти человека и восстановить «прежде падший образ». Отныне и человек имеет возможность стать богочеловеком благодаря Богочеловеку Христу. Как Бог Слово стал, по домостроительству, Человеком, так и человек может стать богом, по благодати. Обычно в праздник Рождества Христова подчеркиваются нравственные плоды, которые произошли от Рождества Христова: мир, любовь, смирение и т.п. Но все они существуют постольку, поскольку человеческая природа соединилась с Божественной природой и, таким образом, умиротворена и облагодатствована, и родился Богочеловек — Искупитель Иисус. Радость наша в том, что «родился нам Спаситель». Родился Богочеловек. Иисус — не вестник нашего спасения, но само спасение. Не быстрый посетитель, прошедший по нашей грешной земле, но «обновление», новое начало мира. Новый здоровый корень, оживотворяющий человеческую природу, поскольку мы больны древним грешным корнем Адама. Он принес нам жизнь, и мы можем стать «благодатной маслиной».

Следовательно, вне Богочеловека нет спасения, но лишь отчуждение и ожесточение. Тот, кто не живет Иисусом, удаляется от Бога, самого себя и ближнего своего. Бог для него — неведомый чужестранец. Сам же он превращается в зверя и скота. По словам святого Максима, «ум,

удаляющийся от Бога, становится или сладострастным животным, или звереет, воюя с людьми». Ближний — не в радость ему, но в муку. Таким образом, удалившийся от Богочеловека разрушается и разлагается или превращается в «легион» и, становясь образом апокалиптического зверя — диавола, впадает в противоестественное состояние, которое есть небытие. Человек, удалившийся от Богочеловека Христа, характеризуется Николаем Кавасилой как «ничто», «нуль», поскольку «лишается поддержки Христовой». Только живущий в Богочеловеке — истинный человек. Следовательно, можно сказать, что каждый человек имеет возможность стать или богочеловеком, или зверочеловеком. Именно таким будет и конец истории.

От нас требуется, чтобы мы воплотили в себе Христа, воплотили в себе Слово. Это достигается тогда, когда мы живем в Церкви и участвуем в ее Таинствах: «Таинства Церкви — не отвлеченные символы, а реальность, это те признаки, по которым можно узнать саму Церковь, которые связаны с нею, как члены тела — с сердцем, побеги — со стеблем растения и, употребим сравнение Господа, ветви — с виноградной лозой» (Святитель Николай Кавасила). Это соединение со Христом происходит при призывании имени Иисусова, при памяти об Иисусовой молитве. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Кроме того, Иисусова молитва весьма тесно связана с Божественной литургией. Здесь, в этой небольшой молитве, скрыто все богословие нашей Святой Православной Церкви. Вот почему всегда следует помнить о сладчайшем и радостотворном

имени Иисусовом. Молитва — не только для монахов. Разумеется, они имеют возможность непрерывно жить в ней. Однако творить ее можем и мы, грешные. Будем уделять определенные часы для этой цели. Начнем с десяти минут утром и десяти минут вечером, проговаривая Иисусову молитву по силе непрерывно. Важно установить хотя бы немногие минуты, которым ничто не мешает. С течением времени они будут увеличиваться и услаждать душу, уста... Станем произносить ее и в пути, и прежде отхода ко сну, всегда, когда улучится свободная минута. Супруги и целые семьи пусть читают ее понемногу утром и вечером. Один пусть произносит ее тихо и благоговейно, а остальные слушают. Много радости принесет она в дом. Есть много связанных узами брака, которые занимались ею и видели чудеса... ВСЕ, ЖЕЛАЮЩИЕ УГЛУБЛЕННО ЗАНЯТЬСЯ ЕЮ, НУЖДАЮТСЯ В ОПЫТНОМ НАСТАВНИКЕ. Одновременно будем направлять нашу жизнь по заповедям Христовым. Ибо личность Христа связана с Его делом и учением. Исполняя заповеди, получим благодать. «Принявший заповедь и исполнивший ее сокровенно имеет Святую Троицу», — учит святой Максим.

Если извлечешь ты, брат мой, пользу из этой книги, сотвори, прошу тебя, молитву обо мне, описавшем беседу, чтобы я покаялся и обрел милость у Бога, чтобы жил в Богочеловеке, жил в Церкви, жил богоугодно. Молю тебя от всей души.

СОДЕРЖАНИЕ

Издательский отдел Свято-Троицкой Сергиевой Лавры предлагает свои издания

Дебольский Г. С., прот. Православная Церковь в ее Таинствах, богослужении, обрядах и требах. 1995. 535 с., ил. Репринт. Формат: 70x100/16. Мяг. обл. Цена 9600 р. — Эту книгу можно сравнить по значимости с известными «Настольной книгой» С. В. Булгакова и «Новой скрижалью» еп. Вениамина. По сравнению с первой, труд Дебольского не имеет многих примечаний и приложений, нужных лишь священнослужителям, а «Новую скрижаль» превосходит большим разнообразием затрагиваемых тем. Существенной особенностью предлагаемой книги является историко-догматический способ подачи материала, что делает ее интересной и клирику и мирянину.

Виссарион (Нечаев), епископ. Толкование на Божественную литургию. 1996. 236 с. Репринт. Формат: 84x108/32. Мяг. обл. Цена 5200 р. — Задача автора — раскрыть смысл службы, вытекающий из ее текста, избегая внешних толкований. «Толкование на литургию» охватывает как чин святителя Иоанна Златоуста, так и святителя Василия Великого. Особенностью книги являются объяснения литургических текстов: антифонов, прокимнов, входных стихов, аллилуариев и причастнов, обращается внимание на их догматическое и нравоучительное богатство.

Архим. Алипий; архим. Исаия. Догматическое богословие. 1995. 288 с. Новая кн.; Допечатка: 1997. Формат: 84x108/32. Мяг обл. — Курс лекций соответствует программе II–III классов семинарии. Дополнительные главы восполняют недостатки дореволюционных отечественных учебников.

Феодор (Поздеевский), архиепископ. Смысл христианского подвига. 1995. 181 с. Репринт. Формат: 60x84/16. Мяг. обл. Цена 4000 р. — Книга содержит ряд глав из чтений по пастырскому богословию архиепископа Феодора — видного иерарха, строгого монаха, знатока святоотеческого богословия. Рассматривается важность аскетики для пастырского богословия. Всесторонне обосновывается необходимость в пастырском служении подвижничества, знание законов падшего естества и способов его обуздания.

Преподобный Максим Грек. Творения. В 3-х кн. 1996. 900 с. Репринт. Формат: 70x100/16. Мяг. обл. — Собрание творений преподобного Максима Грека содержит догматико-политические, нравственно-назидательные сочинения и письма, написанные им в годы его пребывания в России.

Святой праведный Иоанн Русский. Житие. Новые чудеса. 1995. 72 с. Формат: 84x108/32. Мяг. обл. Цена 2000 р. — Святой Иоанн Русский совершил подвиг исповедничества в турецком плену и сподобился мирной кончины в 1730 году. Благодатию Божией тело его осталось полностью нетленным и почти три века благоухающие останки святого являются источником исцелений неизлечимых недугов. Настоятель греческого храма святого Иоанна Русского трогательно повествует о чудесах святого, совершенных за последние два десятилетия. Отступают даже такие бедствия века, как рак и наркомания.

Архимандрит Георгий (Тертышников). Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. 1996. 350 с., ил. (Подвижники благочестия). Формат: 84x108/32. Мяг. обл. Цена 6500 р. — Полное жизнеописание (1831–1906) «утешительного» старца Черниговско-Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры. Канонизация как местно чтимого святого совершилась в 1995 году.

Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария. 1997. 416 с., ил. Формат: 60x90/16. Тв. пер., суперобл. (совм. изд.). — Источниками для вновь составленного жизнеописания старца Макария послужили: «Сказания о жизни и подвигах...» (1861 г.), письма преподобного, записки и рассказы старца Анатолия (Зерцалова), иноков оптинской и других обителей, скитская летопись.

Схиархимандрит Агапит (Беловидов). Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. 1992. 151 с. Репринт. Формат: 70x108. Мяг. обл. Цена 6200 р. — Наиболее полное жизнеописание старца, включающее сведения о нем, появлявшиеся в печати, в рукописях и устные о нем рассказы близких людей.

Манолис Мелинос. Я говорил со святым Нектарием. 1995. 255 с. Формат: 84x108/32. Мяг. обл. Цена 4800 р. — Книга посвящена греческому святителю Нектарию Пентапольскому (1846–1920), почитание которого в Греции сравнимо с почитанием на Руси преп. Серафима Саровского и святого Иоанна Кронштадтского. Свт. Нектарий известен многочисленными чудесами и исцелениями. Особую помощь оказывает людям, страдающим онкологическими заболеваниями.

Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истринского. В 2-х т. 1996. Репринт. 1300 с. Тв. пер. Цена 60000 р. — Эта книга является лучшим из известных ныне толкований свода канонов Православной Церкви.

200-

Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. 1997. 287 с., ил. 84х108/32. Мяг. обл. — Переиздание одной из самых популярных отечественных духовных книг снабжено большим количеством иллюстраций.

Архиепископ Филарет (Гумилевский). Историческое учение об отцах Церкви. 1996. В 3-х т. 84х108/32. Мяг. обл. — Труд архиеп. Филарета по полноте охвата материала уже более ста лет остается уникальным пособием по патрологии. Излагается жизнь и учение отцов и учителей Церкви I–XIII веков.

Доброе слово новоначальному послушнику. 1996. 80 с. с ил. 70х100/32. Мяг. обл. — Наставления составлены иноками Параклитовой пустыни на основе текста, написанного наместником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Антонием (Медведевым). «Доброе слово» не утратило значения до сего дня.

Акафисты на каждый день седмицы. 1996. 192 с. Формат: 60х84/16. Мяг. обл. Цена 3500 р. — В книге собрано по два акафиста на каждый день седмицы: святым угодникам Божиим, Честному Кресту, Страстям Господним, Воскресению Христову, о упокоении усопших и др.

Книги, выпущенные Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой, можно купить в московском книжном магазине «Измайлово». Тел.: 165–92–71.

Адрес: 105037 Москва, Измайловская площадь, д. 2, строение 1 (метро «Измайловская»).

Свято-Троицкая
Сергиева
Лавра

